

ФЕДЕРАЛЬНОЕ ГОСУДАРСТВЕННОЕ АВТОНОМНОЕ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЕ УЧРЕЖДЕНИЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ
«КРЫМСКИЙ ФЕДЕРАЛЬНЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИМЕНИ В. И. ВЕРНАДСКОГО»

На правах рукописи

СКУРИДИН ОЛЕГ АЛЕКСАНДРОВИЧ

**ВОИНСКИЙ ПАМЯТНИК КАК ФЕНОМЕН КУЛЬТУРЫ ПОЛИСНОГО
ПАТРИОТИЗМА**

Специальность: 24.00.01 – Теория и история культуры (культурология)

Диссертация на соискание учёной степени кандидата культурологии

Научный руководитель:
доктор философских наук, профессор
Габриелян Олег Аршавирович

Симферополь

2022

Оглавление

Введение	3
Глава 1. Концептуализация проблемного поля исследования	12
1.1. Полисный патриотизм и его основные принципы	12
1.2. Античный воинский памятник как культурный феномен.....	34
1.3. Культурная память как концепт исследования	51
Глава 2. Воинский памятник в видах коммеморативных практик	69
2.1. Могильные сооружения как воплощение коммеморативного символа «Героическая смерть»	69
2.2. «Места памяти» как воплощение коммеморативного символа «Героическая жизнь»	88
2.3. «Священные места памяти» как воплощение коммеморативного символа «Наследие»	103
2.4. Мемориалы, воплощавшие коммеморативный символ «Герой»	119
Заключение	140
Список литературы	147

Введение

Актуальность проблемы исследования.

Уникальным явлением древности был *греческий полис* – особая социокультурная организация античного общества [68, с. 27]. Он предоставлял возможность любому гражданину реализовать свои возможности в политике, экономике, науке и культуре [Там же, с. 29]. При этом, защита города-государства как своей Родины считалась главной обязанностью людей его населяющих. В процессе борьбы за свободу и независимость Отчизны сложился свод морально-нравственных правил – *полисный патриотизм* [82, с. 347–348]. Материальными свидетельствами проявления высоких патриотических чувств стали *воинские памятники* (надгробия, статуи, трофеи и т. д.). Немногочисленные образцы античных монументов и их более поздних копий бережно хранятся в современных музеях. Подобное отношение к памяти минувших эпох можно объяснить приведёнными ниже аргументами.

Для современного российского общества характерна атмосфера глубокого уважения к мемориалам, созданным в честь защитников свободы и независимости Отчизны. Само понятие Отечества органично включает непрерывную традицию, представляя современную Россию преемницей СССР и Российской империи. Материальными константами указанного культурно-временного континуума, связывающего прошлое с настоящим и будущим в неразрывное целое, являются воинские памятники как символы защиты Родины на поле брани.

Такое состояние социума возникло не сразу, а лишь в последние два десятилетия. В советский период к монументам, имеющим идеологические ярлыки («памятник царю», «бюст царского генерала» и т. д.), относились неоднозначно: они часто предавались забвению и даже намеренно разрушались [64, с. 182]. Связь времён искусственно нарушилась. Патриотизм был разделён

датой 7 ноября 1917 года на буржуазный (дореволюционный) – «внутренне противоречивый» и социалистический [102, с. 164], из которых лишь второй признавался «исторически высшим типом патриотизма» [Там же, с. 142].

В 1990-е гг. появилось иное утверждение о том, что с изменением общественного строя в 1917 году произошла «подмена» Отечества, его не стало [71, с. 64]. В начале XXI в. идея возрождения российского патриотизма, основанная на непрерывной культурной традиции, оказалась вновь востребованной [198, с. 17]. При этом, воинские мемориалы как символы максим патриотизма несут важную миссию воспитания подрастающего поколения в духе любви к своей Родине [64, с. 23].

Однако, современный период культурно-исторического развития мировой цивилизации также несёт в себе и вызовы. В условиях глобализации происходит размывание национальной идентичности, девальвация традиционных ценностей. Эти процессы сопровождаются «переписыванием истории» и уничтожением мемориалов [19, с. 67].

Следует констатировать, что российская культура проявляет здоровый инстинкт самосохранения. Признаками этого является то, что на любые метаморфозы, происходящие с памятниками (перемещение, акты вандализма, разрушение), наше общество реагирует очень болезненно [244, с. 230].

С целью противодействия такого рода деструктивным явлениям, для «Русского мира» необходимо обретение национальной самоидентификации, уникальной «национальной идеи» [169, с. 174]. Ядром этой идеи является феномен «патриотизм» как чувство любви к Родине, с его осязаемыми элементами, в качестве которых служат разнообразные воинские мемориалы в честь героев, защищавших Отчизну на полях сражений.

Наиболее полноценно уяснить глубинный смысл указанных выше тенденций можно при помощи изучения генезиса явлений – «патриотизм» и «воинский памятник» – их истоки следует искать в древности.

Согласимся с мнением выдающегося русского философа Н. А. Бердяева (1874–1948 гг.) о вечности и преемственности культуры, начиная с античности

[26, с.172].

Об этом же пишет британский учёный А. Уайтхед (1861–1947 гг.), размышляя о роли греческого и римского наследия в становлении современного мира: «Мы стремились воспроизвести лучшие достижения этих обществ, главным образом афинского общества в его лучший период» [206, с. 678]. Данное утверждение относится к античным воинским памятникам, которые стали прототипами современных монументов, воздвигнутых во славу защитников Родины [186, с. 14].

Таким образом, во многом ученическая роль по отношению к эллинской цивилизации не чужда российской и европейской культурам, а избранная нами тема диссертационного исследования характеризуется **актуальностью** и открывает перспективные направления для культурологического анализа.

Идея культурно-временной преемственности является основанием того, что опыт общественной жизни накапливается и передаётся от поколения к поколению. Поэтому положительные достижения античности вполне могут использоваться для поиска ответов на осмысление вызовов современности.

Приведённые выше тезисы означают, что **проблема диссертационного исследования** видится в необходимости культурологической интерпретации становления феномена воинского памятника в контексте патриотической культуры эллинского полиса.

Степень научной разработанности проблемы.

Отдельным аспектам обозначенной проблемы посвящён значительный массив публикаций по культурологии, истории, философии, искусствоведению, археологии, эстетике, этике. Научную литературу в рамках исследования можно разделить на несколько групп.

Первую большую группу составляют работы, рассматривающие феномен патриотизма. К этой проблеме обращались в своих трудах многие видные мыслители от глубокой древности до современности: Платон, Аристотель, Геродот, Фукидид, Ксенофонт, Цицерон, Плутарх, Лукиан, Н. Макиавелли, И. Г. Фихте, Ж.-Ж. Руссо, Г. В. Ф. Гегель, К. Ясперс. В отечественной науке

вопросы патриотизма рассматривались в трудах Н. Я. Данилевского, Н. А. Бердяева, М. А. Барга, Г. С. Кнабе.

Ко второй группе относятся исследования, раскрывающие онтологический, аксиологический и символический аспекты памятника как социокультурного явления. Таковы работы Д. С. Лихачева, Ю. М. Лотмана, М. С. Кагана, В. П. Большакова, С. Н. Иконниковой. Эволюцию античных представлений о прошлом и роли памятников в нём рассматривали: А. Ф. Лосев, А. А. Тахо-Годи, С. С. Аверинцев, М. А. Барг, Г. С. Кнабе, И. М. Нахов, В. Н. Ярхо.

Третью группу составляют исследования феномена культурной памяти. В данный момент указанный концепт находится на стадии активного становления. Это направление представлено трудами М. Хальбвакса, А. Ассман, Я. Ассман, П. Рикёра, Х. Вельцера.

В нашей работе мы согласимся с мнением отечественного учёного М. Л. Шуб, что *культурная память* представляет собой образ минувшего, переданный в символических формах, структурирующих определённые аксиологические ориентации членов социума [236, с. 228]. При этом, одним из подобных носителей смыслов является воинский памятник [Там же, с. 370].

В целом, поставленная выше проблема диссертационного исследования не получила достаточного раскрытия в культурологическом дискурсе.

Цель исследования: разработка концепта «культурная память», включающего феномен «воинский памятник» в контекст культуры полисного патриотизма в форме коммеморативных практик.

Для реализации поставленной цели выдвигаются следующие **задачи:**

1. Рассмотреть этапы становления феномена «культура полисного патриотизма» с выделением основных положений рассматриваемого явления.
2. Определить понятие «античный воинский памятник».
3. Исследовать концепт «культурная память», включающего данное явление в контекст культуры полисного патриотизма в форме коммеморативных практик.

4. Рассмотреть генезис различных видов коммеморативных практик как реализацию символов:

4.1. Могильное сооружение – символ «Героическая смерть».

4.2. «Место памяти» – символ «Героическая жизнь».

4.3. «Сакральное место памяти» – символ «Наследие».

4.4. Монумент – символ «Герой».

Объект исследования: культура полисного патриотизма.

Предмет исследования: воинский памятник как феномен культуры полисного патриотизма.

Теоретическая и практическая значимость исследования.

Теоретические выводы данного диссертационного исследования могут быть использованы при разработке университетских лекционных курсов и семинаров по культурологии, истории, философии, а также в различных прикладных методиках патриотического воспитания молодёжи.

Результаты исследования позволят сделать выводы о некоторых закономерностях и тенденциях развития современной европейской и российской культуры.

Авторский подход к пониманию сущности воинского памятника в контексте культуры полисного патриотизма может быть применён при разработке стратегии охраны и использования современных мемориалов воинской славы на региональном и всероссийском уровне.

Методология и методы исследования.

Автор опирается на опыт междисциплинарности в исследовании воинского памятника как важнейшей составляющей полисного патриотизма. В диссертационной работе используется категориальный аппарат таких областей знания, как культурология, история, философия, искусствоведение, эстетика и этика.

Методологической основой данной работы послужили труды в области культурологии и философии культуры А. Ф. Лосева, Ю. М. Лотмана, М. К. Петрова, М. С. Кагана, А. Ассман, Я. Ассман, М. Л. Шуб.

Системный подход позволяет исследовать феномен эллинского памятника в спектре ценностного универсума культуры. **Междисциплинарный подход** позволяет определить роль воинского мемориала в развитии культуры эллинской античности, используя инструментарий из арсенала культурологии, истории, философии, искусствоведения.

Системный и генетический методы помогают рассмотреть генезис феномена воинского памятника в период возникновения, развития и упадка полиса. Анализ становления этого явления способствует **социокультурный историко-генетический метод**. Для интерпретации информации, заложенной в разнообразных воинских монументах в форме текстов надписей-посвящений, эпитафий и т. д., применён **метод семиотического анализа**. **Структурно-функциональный метод** обеспечивает выявление исторических этапов в становлении полисного патриотизма и форм воинских памятников.

Для решения поставленных задач используется **принцип историзма**. Он даёт возможность провести анализ зарождения и становления видов коммеморации воинских памятников в контексте полисного патриотизма.

В работе также используются методы дедукции и индукции, анализа и синтеза, изучения и систематизации теоретического материала по заявленной проблематике.

Источниковую базу исследования составили:

1. Произведения античных авторов, которые содержат сведения о воинских памятниках и полисном патриотизме. Эти сведения, вплетённые в канву исторического повествования, встречаются в речах ораторов, сочинениях учёных и философов, поэтов и драматургов. В немногочисленных сохранившихся обзорах путешествий по достопримечательным местам описание воинских памятников занимает центральное место (например, у Павсания в «Описании Эллады»).

2. Не менее важным источником для данного исследования служат материальные артефакты. Очень ценны дошедшие до нас оригиналы и древние копии памятников монументального искусства (античные статуи, рельефы,

надгробия и т. д.), хранящиеся во многих музеях мира. Указанный вид источников постоянно пополняется новыми находками археологов.

3. На стыке письменных и материальных источников значимыми являются эпиграфические памятники – нарратив, запечатлённый в веках на материальной основе. Он позволяет получить важные сведения о возникновении и развитии основ полисного патриотизма, воплощённых в воинских мемориалах.

Научная новизна исследования заключается в разработке:

1. Этапов генезиса феномена «культура полисного патриотизма» с выделением основных положений рассматриваемого явления.

2. Содержательной части понятия «античный воинский памятник» как культурного феномена.

3. Концепта «культурная память», включающего данное явление в контекст культуры полисного патриотизма в форме коммеморативных практик.

4. Классификации коммеморативных практик, являющихся реализацией одноимённых символов:

- могильное сооружение – символ «Героическая смерть»;
- «место памяти» – символ «Героическая жизнь»;
- «сакральное место памяти» – символ «Наследие»;
- мемориал – символ «Герой».

Научная гипотеза исследования. Вид коммеморативных практик определяет механизм трансляции памяти в патриотической культуре эллинского полиса.

Основные положения, выносимые на защиту:

1. Культура полисного патриотизма как сложный феномен античного города-государства, начиная с его возникновения (VIII–VII вв. до н. э.) до конца античного мира (V в.), имела материальное, духовное и художественное измерения.

Максимы полисного патриотизма в порядке приоритета:

- оборона родного полиса на поле боя, часто доходящая до самопожертвования;
- защита государственного строя, унаследованного от предков;

- исполнение гражданского долга в мирное время и воинского долга в период войны;

- отстаивание чести полиса на спортивных и иных соревнованиях;

- бережное отношение к историческому прошлому, уважение к традициям, культуре полиса, деяниям предков.

2. Античный воинский памятник как материализованный символ и продукт культурной памяти, воплощающий основные принципы полисного патриотизма, реализовал следующие функции:

- трансляция социально-значимой информации из поколения в поколение в форме культурных символов (кодов);

- универсальный способ хранения прошлого в семантической форме.

3. Культурная память представляет собой концепт, включающий данное явление в контекст культуры полисного патриотизма в форме коммеморативных практик.

4. Виды коммеморативных практик, характерных для античности, включали в себя реализацию коммеморативных символов:

- могильное сооружение – символ «Героическая смерть»;

- «место памяти» – символ «Героическая жизнь»;

- «сакральное место памяти» – символ «Наследие»;

- мемориал – символ «Герой».

Обоснованность и достоверность результатов обеспечивается:

- чёткостью и последовательностью использования междисциплинарной методологии;

- её соответствием объекту, предмету, целям и задачам диссертационной работы.

Подтверждается выводами о том, что исследуемый механизм культурной преемственности в античности имел последующее развитие в контексте европейской и российской культур. В результате этого древние воинские памятники могут служить своеобразным «ключом» для понимания символики современных мемориалов, воздвигнутыми во славу защитников Отчизны [193, с. 127].

Соответствие диссертации паспорту научной специальности.

Представленные в исследовании положения о генезисе феномена «воинский памятник» в контексте полисного патриотизма, соответствуют п. 1.15. (Роль культурного наследия в жизнедеятельности общества), п. 1.16. (Традиции и механизмы культурного наследования), п. 1.33. (Институты культуры и их функции в обществе), п. 2.7. (Представления о культуре в Древности, Античности и Средневековье) паспорта специальности 24.00.01 – Теория и история культуры.

Апробация результатов исследования.

Основные положения диссертации изложены в докладах и выступлениях на российских и международных форумах: Международная научная конференция «Искусство и наука третьего тысячелетия» (г. Симферополь, 2013 г.); Международная научная конференция АРХОТ (Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории) (г. Севастополь, 2017–2021 гг.); Научная конференция «Практическая философия: состояние и перспективы» (г. Ялта, 2019 г.); Международные научные чтения «Культура народов Причерноморья с древнейших времён до наших дней» (г. Симферополь, 2020–2021 гг.); Международная междисциплинарная конференция «Текст и коммуникация в пространстве культуры» (г. Симферополь, 2021 г.).

Материалы диссертации были отражены в ряде публикаций автора. По теме диссертационной работы опубликовано 11 статей, в том числе 3 – в журналах, включённых в реестр ВАК МОиН РФ.

Диссертация обсуждалась на заседании кафедры культурологии и социокультурного проектирования Крымского федерального университета имени В. И. Вернадского и рекомендована к защите.

Структура диссертационного исследования.

Объём диссертационного исследования – 172 страниц, работа состоит из введения, двух глав, заключения, списка литературы, включающего 278 источников.

Глава 1. Концептуализация проблемного поля исследования

1.1. Культура полисного патриотизма

Целью данного параграфа диссертационной работы служит исследование этапов генезиса феномена «культура полисного патриотизма» как одного из сложных явлений античного города-государства. Результатом будет выделение основных положений полисного патриотизма.

Патриотизм принято рассматривать в качестве многогранного понятия, включающего онтологический, гносеологический, аксиологический и праксеологический аспекты [71, с. 27]. Его изучением занимались учёные различных гуманитарных дисциплин со времени античности до наших дней: Платон, Аристотель, Марк Туллий Цицерон, Плутарх, Лукиан, Н. Макиавелли, Г. В. Ф. Гегель, И. Г. Фихте, К. Ясперс и др. В российской литературе вопросы развития отечественного патриотизма ставились и решались в работах П. Я. Чаадаева, А. И. Герцена, Н. Я. Данилевского, В. С. Соловьёва, Н. И. Бердяева, Д. С. Лихачева и др. Отдельные аспекты генезиса античного патриотизма затрагивались в исследованиях М. М. Кучукова, П. М. Рогачева, М. А. Свердлина, С. Ю. Ивановой, Н. П. Лузика, М. Х. Халимбековой и др.

Российский учёный Н. П. Лузик выделяет шесть основных направлений понимания патриотизма.

1. Возвышенно-эмоциональный – основная характеристика – возвышенное чувство любви к Отечеству [118, с. 13].

2. Реализационно-деятельностный – наряду с пассивной (эмоциональной) стороной предусматривает деятельный компонент – поступки во благо Отчизны [Там же, с. 14].

3. Общественный – в нём подчёркивается взаимосвязь и обоюдная

зависимость патриотизма и социума. Такой патриотизм проникает в основы общественной жизни: трудовые отношения, воспитание, систему нравственных и эстетических ценностей [Там же].

4. Государственный – основным объектом является государство, часто ставящее гражданина в подчинённое положение [Там же]. Согласно отечественному философу Б. П. Борисову, духом такого патриотизма служит присяга на преданность политической власти [29, с. 145]. История этого явления начинается с возникновения и развития государства и его институтов [118, с. 14], в нашем случае – эллинского полиса.

5. Личностный – субъектом служит индивид, сознательно отождествляющий свои интересы, цели, идеалы с Отечеством [Там же, с. 15]. Здесь патриотизм понимается как сознательный выбор человека, соответствующий его духовным потребностям [Там же].

6. Духовно-религиозный – в нём идея Родины освящена религиозным чувством и наполнена гордостью за историческое прошлое, традиции, культуру, возведённых в ранг сакральных ценностей [Там же, с. 16].

Советскими исследователями (М. М. Кучуков, П. М. Рогачёв, М. А. Свердлин) в отдельное направление выделялся «военный патриотизм», связанный с защитой свободы и независимости Отечества на войне [102, с. 14]. Он с глубокой древности играл большую роль в истории человечества, будучи отождествлён «с подвигом в бою» [173, с. 187]. Военный патриотизм в античности был способом, при помощи которого решалась проблема самосохранения общности, находящейся под перманентной угрозой иноземного завоевания [138, с. 277].

Далее будет показано, что в эпоху античности имели место истоки всех перечисленных выше направлений, развивавшихся в процессе генезиса патриотизма. Поэтому согласимся с мнением отечественных исследователей М. Ю. Мартынова и А. И. Габеркорн, называющих античный патриотизм «синкретичным концептом» [130, с. 86].

Его полисный вариант, рассматриваемый в данном исследовании,

существовал в эллинской античности (VIII в. до н. э. – V в.), становясь одним из исторических типов изучаемого явления.

В диссертационной работе М. М. Кучукова «Исторические типы патриотизма» (1983 г.) приводятся две последовательные стадии эволюции чувства любви к Родине, которым соответствуют уровни общественного развития [102, с. 14–15]:

- классовый социум – противоречивый и антагонистический;
- социалистический – гармоничный и сбалансированный.

Основанием подобной градации служит формационная теория, определяющая в составе патриотизма классового общества его виды: рабовладельческий, феодальный и капиталистический [Там же, с. 14]. Учитывая изложенное, полисный вариант относится к рабовладельческому аспекту исследуемого феномена.

Если отвлечься от пафоса классовой борьбы, присущего советской гуманитарной науке, то можно отметить, что в трудах античных авторов патриотизм ассоциировался с чувством глубочайшей привязанности к своему полису (*φιλόπολις*) [51, с. 1731], который представлялся как Отечество эллина (*πατρίς*) – его «малая родина» [178, с. 309].

Полноценным субъектом рассматриваемого феномена являлся гражданин полиса – свободнорожденный мужчина, достигший совершеннолетия [194, с. 155]. Только он имел право исполнять государственные должности в период мира, нести военную службу во время войны. Однако, всё остальное население полиса – неграждане, женщины, рабы – также могли быть носителями патриотических настроений.

Мы знаем о многочисленных примерах проявления таких чувств у женщин, имевших место во время военных испытаний для Родины. Например, спартанская мать напутствовала сына, собиравшегося на войну, передавая ему щит, словами: «Или с ним, сын мой, или на нём» [163, с. 338]. Другая лаконка наставляла сына, шедшего в боевой поход, сохранить свою честь или умереть [Там же]. Аргивянка Телессила спасла свой город от спартанской осады,

вооружив других женщин и рабов [Там же, с. 265–266]. В комедии Аристофана «Лисистрата» лаконские и афинские женщины объединились против своих мужей в борьбе за мир, наперекор братоубийственной войне [245, с. 23]. Византийский император Константин VII Порфирородный (905–959 гг.), в труде «Об управлении империей» рассказывал о славном подвиге Гикий (вторая половина I в. до н. э.). Патриотически настроенная дочь архонта спасла родной Херсонес от происков Боспора, раскрыв коварные замыслы своего мужа, сына боспорского царя Асандра [87, с. 267–271].

В случае серьёзной угрозы государству спартанских илотов использовали как настоящих воинов [152, с. 288]. Известны факты «верности и преданности» афинских рабов, погибших на войне [Там же, с. 78]. Возможно, только рабы-варвары не испытывали любви к эллинским полисам.

Таким образом, патриотические настроения были свойственны большей части населения античных городов-государств, прежде всего гражданам, но, также, в разной мере, различным группам неграждан, женщинам и даже рабам-эллинам. По указанным причинам можно говорить о высоком чувстве любви к Отечеству отдельных личностей, социальных слоев, политических группировок. С другой стороны, в древности не существовал всеобщий патриотизм, сказывались непреодолимые классовые и социальные преграды [102, с. 133].

Итак, мы выделили субъекты рассматриваемого явления. Его объектом являлся античный полис – город-государство. Это – специфическая эллинская форма социально-экономической и политической организации социума [194, с. 445]. Она представляла собой объединение полноправных членов общины (землевладельцев, ремесленников, торговцев), владевших собственностью [Там же]. Полис был коллективом, воплощающим собой государство, гражданскую общину и военное ополчение [213, с. 6].

Отечественный историк Э. Д. Фролов датирует процесс возникновения греческого полиса VIII–VI вв. до н. э. [Там же, с. 37]. Свободное развитие полисов происходило до битвы при Херонее (338 г. до н. э.), после чего многие из них перешли под власть македонского царя, а затем – владык эллинистических

держав. В последние века до н. э. большинство греческих городов-государств попали в зависимость от римской республики, а позже – империи, дожив до её крушения (V в.).

Само их существование вызвало к жизни культуру полисного патриотизма как совокупность норм, ценностей, идеалов, следование которым делало индивида в глазах соотечественников полноправным членом общества [212, с. 14].

Ядром ценностных установок этого вида патриотизма являлась важная основа – «образ Отечества». В нём переплетены природно-географические объекты: ручьи, реки, долины, горы, которыми богаты регионы Эллады, а также идеализированные представления о некоем «золотом веке» и важности соблюдения традиций. В таком собирательном образе есть место труду земледельца и пастуха, поклонению богам, гражданскому долгу и воинскому подвигу.

Данную ментальную основу дополняло отождествление Отечества с семьёй, родным домом, полисом, согражданами, могилами предков, храмами божеств, обычаями и традициями, а также памятниками героического прошлого. Сам термин «патриот» (*πατριώτης*) появился в позднеантичную эпоху у древних авторов [82, с. 353]. Он означал человека, происходящего из того же региона – земляка, родича, единоплеменника [Там же].

Возвышенно-эмоциональные чувства, которые вызывал «образ Отечества» в античности, в наибольшей полноте выразил писатель II в. Лукиан Самосатский, справедливо заметив, что любовь к Родине так же естественна, как почитание предков и богов [119, с. 33].

Выдающийся учёный М. С. Каган указывал, что культура как сложный феномен включает в себя предметное и деятельностное бытие в трёх онтологических измерениях: материальном, духовном и художественном [78, с. 71].

На наш взгляд, культуру полисного патриотизма необходимо исследовать именно через призму этих измерений, применив системный и историко-

генетический подход.

Материальное измерение представлено тремя исходными пунктами, оказывающими фундаментальное влияние на зарождение полисного патриотизма.

Первым исходным пунктом его генезиса был тот факт, что у разных городов-государств имелись разные первоначальные условия становления в форме физико-географических факторов, обусловивших нехватку средств к существованию большого количества населения [203, с. 41]. Полисы справлялись с этой проблемой по-своему. Например, Коринф и Халкида колонизировали пригодные земли за морем, Спарта подчинила себе греческих соседей, Афины проводили успешные экономические и политические реформы [Там же]. Поэтому, если в Спарте преобладал пафос безусловной воинской доблести, то в Афинах делался акцент на служение Отечеству как залог гражданских свобод.

Второй исходный пункт – соответствующая благотворная психологическая установка гражданского коллектива. Она, согласно отечественному специалисту по античной культуре А. И. Зайцеву, заключалась в том, что без общественной активности полис не мог нормально функционировать [68, с. 30]. Атмосфера ориентации на успех в делах пронизывала все области социокультурной жизни [Там же, с. 128]. В связи с этим, для полиса характерен дух соревнования граждан в доблести во благо Родины в мирное время и на войне.

Третий исходный пункт – проявление индивидуальности, заявляющей свои права как деятельная и творческая единица. По меткому замечанию М. С. Кагана, именно в античности впервые в истории культуры утверждается право личности, «Я», противопоставляющего себя безлико-групповому «мы» [77, с. 136]. В это время возникла «античная интеллигенция», которая осознавала и осмысливала проблему собственного бытия [Там же].

В разных эллинских городах-государствах гражданин представлял собой индивидуализированное «Я» с различной степенью свободы и зависимости от

коллектива. В ионийских полисах, Афинах и других демократических городах-государствах атмосфера свободы создавала особую социокультурную среду. Она сделала возможными высокие достижения в философии, науке, искусстве, а также расцвет всех видов полисного патриотизма. В то же время, в Спарте граждане жили в военных лагерях, подчиняя свою жизнь правилам милитаризованного общества, где практиковались в большей мере государственный и военный аспекты рассматриваемого явления. Такую ограниченность спартанского образа жизни имел в виду философ Аристотель (384–322 гг. до н. э.), когда говорил, что основной целью законодателя является не только перманентная подготовка к войне, но и создание условий для «досуга и мира» [14, с. 619]. Постепенно во всех демократических эллинских полисах возникло осознание того, что даже профессиональный воин обязан быть разносторонней личностью [141, с. 97].

В процессе становления полиса патриотизм приобретал духовное измерение, превращаясь в систему общественных ценностей и идеалов. Эта система формировалась постепенно. Первым этапом стало зарождение законодательства, регламентирующего основные вехи развития государственного, общественного и военного направлений рассматриваемого явления.

Как отмечено в диссертационной работе М. Х. Халимбековой, основания культуры полисного патриотизма в Афинах заложены реформами Солона (594 г. до н. э.), который законодательно угрожал лишением гражданских прав тем, кто не участвовал в общественной жизни и был равнодушен к судьбе Отечества [216, с. 15]. Указанные правовые нормы дали начало такому важному компоненту духовного измерения полисного патриотизма, как исполнение *гражданского долга* [30, с. 119]. Даже во время смуты гражданам вменялось в обязанность встать на сторону одного из противоборствующих объединений [13, с. 17].

Развитием понятия «гражданский долг» стало то, что оно в дальнейшем приобрело оттенок «партийности». Поэтому во время общественных смут

патриотизм, зачастую, становился своеобразным знаменем в «битве за Отечество» одной политической группировки против другой [82, с. 353]. Примером проявления такого государственного, военного и общественного аспектов рассматриваемого феномена являлась речь главы демократов Фрасибула, произнесённая перед сражением при Пирее против сторонников «тридцати тиранов» (403 г. до н. э.) [97, с. 299]. В этой речи прославляются как те, кто выйдет победителем в борьбе с деспотизмом, так и те, кто сложит головы на алтарь Отечества [Там же].

Историко-культурные аналогии показывают, что у основания полисного патриотизма несколько другого, милитаристского вида, также стояли авторитетные и мудрые законодатели. Таковым являлся полубогатый Ликург в Спарте. В Лакедемоне в VII–VI вв. до н. э. были установлены «Ликурговы законы» (возможно, это труд нескольких законодателей), закрепившие пафос духа борьбы за Родину, возникший в период Мессенских войн (VIII–VII вв. до н. э.) [203, с. 299].

Плутарх Херонейский (ок. 46–127 гг.) характеризовал основной смысл законов Ликурга, как суровый милитаристский режим, заставлявший беспрестанно упражняться в искусстве ведения боя [164, с. 97], с детства воспитывающий у спартиатов государственный и военный патриотизм.

О высшем гражданском долге лаконского общества можно судить по творчеству поэта Тиртея (VII в. до н. э.), воспевшего мужество в бою, с которой не может сравниться ни телесная красота, ни умение вести дела, ни большое состояние [59, с. 12]. Погибшему в битве за Отчизну суждена посмертная слава, а оставшегося в живых храбреца ожидало уважение сограждан [Там же, с. 13].

Ещё одним этапом в становлении полисного патриотизма стало *тираноборчество*.

«Старшая» тирания возникла в середине VII в. до н. э. в экономически развитых полисах: Коринфе, Сикионе, Мегаре, Эпидавре, Аргосе [7, с. 182]. В VI в. до н. э. к ним присоединились Афины, Самос и некоторые другие города-государства [Там же, с. 183]. Вначале единовластные правители искали себе

опору в народных массах: устраивали общественные работы для беднейшего населения, успешно воевали с соседями [14, с. 560]. За это они получили высокую оценку у широких слоёв населения [190, с. 228].

Но вскоре самовластие стало показывать себя с отрицательной стороны, которая проявлялась в клановости и систематическом нарушении законов [189, с. 193]. Это вызвало противодействие и прямую борьбу против проявлений деспотизма. Уже в древности было замечено, что династии единоличных правителей, как правило, не могли сохранить власть дольше двух-трех поколений [241, с. 57].

Ответом на отрицательные черты тирании стало возникновение тираноборчества. Согласно Аристотелю, врагам самовластья должны воздаваться наивысшие общественные и государственные почести [14, с. 421]. Считалось, что эти храбрецы пресекают величайшее преступление против народа, каковым являлась тирания [Там же].

Учитывая вышеизложенное, становится понятно, почему убийство одного из Писистратидов Гиппарха (ок. 513 г. до н. э.), совершённое Гармодием и Аристокитом по личным мотивам [213, с. 286], в античном обществе возвели в ранг патриотического поступка [188, с. 195].

Тираноубийство воспринималось эллинами актом восстановления социальной справедливости, равенства, обычаев и традиций отцов, завещанного ими государственного уклада [Там же, с. 194], т. е., как наиболее яркое выражение общественного и государственного патриотизма.

В позднеклассический период появилась «младшая» тирания. Она оказалась неудачным путём выхода из комплексного кризиса, охватившего полис [8, с. 154–156]. Такое проявление самовластия имело очень мало привлекательных черт: произвольное изменение законов, введение новых налогов, изгнание неудобных [7, с. 37]. В этом кроется причина того, что тираноборчество в период поздней классики и в эллинистическую эпоху считалось наивысшим проявлением полисного патриотизма [189, с. 193–194].

Примером, доказывающим справедливость последнего утверждения,

служит негативное отношение к деспотизму стратега Ахейского союза Арата (ок. 271–213 гг. до н. э.). Плутарх писал, что, освободив от тирана Никокла родной Сикион (середина III в. до н. э.), военачальник не смог сдержать свою ненависть ко всему, что напоминало о единовластии, уничтожив даже картину известного художника с изображением деспота [166, с. 376].

Исключением являлось мощное государство, созданное сиракузскими тиранами (большая часть Сицилии и побережье Южной Италии) [191, с. 228]. В этом уголке ойкумены пересекались интересы греков, этрусков, карфагенян. Для решения военно-политических проблем региона тираны вполне разумно объединили силы страны.

Римский любитель древности Элиан (II–III вв.), собиравший удивительные рассказы о прошлом, писал, что статуя единоличного правителя Гелона (ум. в 478 г. до н. э.) стояла в Сиракузах, в храме сицилийской Геры как символ истинного патриота, победившего иноплеменников-карфагенян при Гимере (480 г. до н. э.) [241, с. 56–57].

Однако, самовластие было чужеродной формой правления для эллинов, поэтому даже человеколюбивый Гелон не избежал заговора [Там же, с. 109].

Через столетие коринфянин Тимолеонт уничтожил тиранию Дионисия Младшего (ок. 345 г. до н. э.) в Сицилии и разбил карфагенян (ок. 341 г. до н. э.). Когда герой скончался (ок. 336 г. до н. э.), о нём искренне скорбел народ, а его захоронение расположили в гимнасии [88, с. 84]. Могила Тимолеонта стала символом истинного патриота: он похоронен в общественном месте, где занимались спортом будущие защитники Отечества. Этот факт наиболее ярко показывает воспитательную роль жизненного примера военачальника-тираноборца, являя образец личностного, военного, государственного и общественного патриотизма.

Особняком, также, стояли малоазийские полисы, попавшие под власть персов. Здесь на повестке дня остро стоял выбор между борьбой с чужеземными захватчиками и коллаборационизмом. Рассмотрев перипетии событий политической борьбы в ионийских городах-государствах VIII–VI вв. до н. э.,

отечественный исследователь М. Ю. Лаптева делает заключение о том, что местный патриотизм измерялся не только чистым расчётом, но и нравственной дилеммой [104, с. 27]. При этом, многие эллины не всегда оказывались на должной высоте [Там же].

По нашему мнению, вышеуказанный выбор в каждом конкретном случае определял меру патриотического чувства. Решение в пользу борьбы с персами привело к Ионийскому восстанию (499–493 гг. до н. э.), которое стало прологом Греко-персидских войн.

Ощущение единой для эллинов Родины – Греции поддерживалось участием в общеэллинических празднествах и играх [204, с. 415]. По словам отечественного учёного С. А. Мельникова, именно в Олимпии афиняне, спартанцы, аргосцы осознавали себя истинными эллинами [137, с. 166].

Олимпийские игры начинают свою историю с 776 г. до н. э. [194, с. 393]. Они проводились каждые четыре года при полном прекращении войн между полисами [Там же, с. 394]. Авторитетом пользовались также Пифийские, Немейские и Истмийские игры. Их победители стяжали большое уважение как у граждан, так и у иностранцев. Особым почётом были окружены победители в Олимпии [69, с. 22]. Сограждане ставили олимпионикам статуи на месте проведения агоний и в родных городах, прославляя победу как патриотический поступок [192, с. 142].

Большое значение имели общеэллинические святилища, в первую очередь, Дельфийское [132, с. 8]. В них приносили посвященные дары греческие политики, стратеги, частные лица, а также варвары. Об объединительной роли Дельфийского оракула свидетельствовал писатель II–III вв. Флавий Филострат. По его мнению, Аполлон предпочитал эллинский утонченный вкус всем богатствам лидийского царя [209, с. 127]. Здесь отражен духовно-религиозный аспект патриотизма – вознесённое до горних высот небожителями-олимпийцами преимущество греческого способа общественной и личной жизни перед варварским.

Общеэллинические чувства «воспитывались» также в священных союзах

(амфикиониях), явившихся объединениями полисов вокруг определённого религиозного центра (например, Дельфийская амфикиония) [100, с. 60]. Такие амфикионии возникли в VIII–VII вв. до н. э., они поддерживали идею общегреческого родства и существенно влияли на смягчение законов войны [Там же].

Важным этапом в эволюции полисного и общеэллинского патриотизма были Греко-персидские войны (499–449 гг. до н. э.), которые велись во имя всеобщей свободы. Вехами в истории исследуемого феномена стали такие великие битвы за свободу Эллады, как Марафон (490 г. до н. э.), Фермопилы (480 г. до н. э.), Саламин (480 г. до н. э.), Платеи (479 г. до н. э.). В них боевое содружество греков было скреплено кровью, являясь зримым проявлением их единения [205, с. 7].

Вышеуказанные сражения воспринимались современниками и ближайшими потомками образцами борьбы за свободу Эллады. Например, в диалоге Платона «Менексен» Сократ произносил речь, в которой чётко проводилась мысль о величии побед над иноземцами: «...эллины проявили отвагу, став навсегда учениками сражавшихся при Марафоне» [157, с. 103]. Здесь показано, как воспитательная роль военного патриотизма вышла за границы полиса и приобрела значение достояния всей Эллады.

Фермопилы дали яркий образец самопожертвования в борьбе за всеобщую свободу, высоко оценённый уже современниками. Этот подвиг подробно описан «отцом истории» Геродотом (484–425 гг. до н. э.) в качестве примера выдающегося мужества, проявленного на поле боя [43, с. 372–374]. Через несколько столетий римский автор Клавдий Элиан писал, что погибшие за независимость Эллады лаконцы оставили о себе бессмертную память [241, с. 37].

Полисный спартанский патриотизм, сугубо милитаризированного типа, не отрицался, а служил основанием для общеэллинского патриотизма, образцом всеобщей беззаветной воинской храбрости.

Высшие проявления афинского патриотизма, также достигли уровня общеэллинского. Участник сражения при Саламине Эсхил (ок. 525–

456 гг. до н. э.) в трагедии «Персы» описывал патриотический порыв афинян в начале морской битвы словами: «Дети эллинов, в бой за свободу Родины! Детей и жен освободите, и родных богов дома, и прадедов могилы...» [243, с. 98].

Могилы предков, семейный очаг и храмы небожителей – всё это входило в образ родного города-государства и всей Греции, за которые сражался флот во главе с афинянами. Здесь видно рождение панэллинского патриотизма из полисного, как апофеоз последнего.

Общегреческий патриотизм строился на противопоставлении «мы» (эллины) и «они» (варвары). Военные победы стали осознаваться результатом превосходства греческого социокультурного устройства над варварским [70, с. 57]. Это образно показал Эсхил в «Персах». Мать персидского царя Ксеркса, вторгшегося в Элладу, Атосса рассказывает хору персидских старцев о своём вещем сне [243, с. 91]. Ей привиделось, будто её сын пытается одеть ярмо и впрячь в колесницу двух женщин, одна из которых, олицетворяющая варваров, покорила его воле, другая – представляющая эллинов, разорвала и сбросила оковы [Там же].

Таким образом, пафос борьбы за свободу всей Эллады достиг зенита во время победоносных Греко-персидских войн.

Можно согласиться с отечественным специалистом по истории античности С. Г. Карпюком, что вершиной афинского полисного патриотизма стал период, когда стратегом избирался Перикл (с 443 по 429 гг. до н. э.) [83, с. 112]. Анализируя речь военачальника [214, с. 79–84], учёный, для определения понятия афинского патриотизма, выделяет основные аспекты этого феномена: духовно-религиозный (почитание традиций), государственный (величие города), военный (воинская доблесть, героизм граждан), общественный (демократическое устройство, свобода) и возвышенно-эмоциональный (центр Аттики – школа Эллады) [83, с. 106].

Пелопонесская война (431–404 гг. до н. э.) положила начало череде междоусобных вооружённых столкновений, приведших к ослаблению греческих полисов и утрате ими независимости. В духовном измерении это время может

быть охарактеризовано как отход от «традиционного» и появление «софистического» патриотизма, образец которого воплощал своим поведением политик и стратег Алкивиад (ок. 450–404 гг. до н. э.).

Согласно представлениям этого афинского деятеля, нормы чувства любви к Родине имеют относительный характер. Они обусловлены личной выгодой для гражданина. Пока полис обеспечивал права гражданина, последний оставался преданным Отечеству, в противном случае он был волен не исполнять свои обязанности по отношению к государству [Там же, с. 110]. При таком подходе нарушался баланс, характерный для реализационно-деятельного патриотизма, когда личные качества гармонируют с величию Отчизны [45, с. 180].

По нашему мнению, «софистический» подход в этом вопросе отрицает индивидуальные убеждения, которые требуют от гражданина соизмерять собственные мысли и поступки с нуждами Родины, не являясь патриотизмом в подлинном, изначальном смысле.

Последним значительным актом борьбы за общеэллинскую свободу стала Херонейская битва (338 г. до н. э.). Её можно считать лебединой песней общеэллинского патриотизма как свободно развивавшегося явления.

Царь Александр Македонский (356–323 гг. до н. э.) использовал освободительный порыв греков в походе против Персии [89, с. 58]. Ещё ранее, его отец Филипп объединил для этого большинство эллинских полисов в Коринфский союз (337 г. до н. э.). Основной целью созданной лиги стала борьба против персов, как «мечь» за вторжение Ксеркса в Грецию [8, с. 197]. Общеизвестно, что заявленная цель не получила слишком большой поддержки у эллинов [Там же]. Поэтому битвы в Азии, в которых наряду с македонцами участвовали и греки, лишь с большими оговорками можно считать проявлением общеэллинского патриотизма.

Полисный аспект рассматриваемого явления продолжал развиваться и в период III–I вв. до н. э., когда большинство греческих городов-государств утратило свою независимость, войдя в состав огромных держав. Появился его особый вид – эллинистический, соответствующий социокультурным условиям

функционирования таких государств¹.

Немецкий учёный XIX в. Т. Дройзен в «Истории эллинизма» описывал вполне логичное изменение мировоззрения гражданина полиса в гражданина эллинистической державы, когда возникла новая идентичность [61, с. 19], в которой противоречие «эллины – варвары» было в значительной мере сглажено [129, с. 81]. В таких условиях полисный патриотизм постепенно трансформировался в космополитизм [231, с. 115].

Однако, указанный процесс не был повсеместным и необратимым. Одним из документов, характеризующим чувство любви к Отечеству в начале эллинистической эпохи, является Присяга граждан Херсонеса. Этот эпиграфический памятник, вырезанный на плите из белого мрамора, датируется концом IV – началом III в. до н. э. [180, с. 194].

Он экспонируется в зале античной истории музея-заповедника «Херсонес Таврический». Неизвестные нам события внутривитийской борьбы вызвали появление данного документа [Там же, с. 11]. В начале присяги клятвенно провозглашалось единство (единомыслие) граждан в вопросах свободы и независимости данного города-государства [Там же, с. 9–10]. Далее следовало обещание оберегать демократический строй [Там же, с. 10] и делался акцент на противодействие заговорам, наносящим вред отдельным гражданам и всему Херсонесу [Там же, с. 11]. В присяге особо оговаривалась необходимость безусловного соблюдения гражданского долга [Там же, с. 10].

Текст присяги в полной мере характеризовал полисный патриотизм рассматриваемой эпохи. Её приносили все граждане Херсонеса, движимые стремлением сохранить независимость своей общины, свободу и веру предков, демократическое устройство своей Родины [180, с. 195].

Таким образом, Херсонес Таврический в эллинистическую эпоху сохранял верность «традиционным» патриотическим принципам, включая

¹ Птолемеевская, Селевкидская державы и другие государственные образования, созданные диадохами и эпигонами на обломках империи Александра.

государственный, военный, общественный, личностный и духовно-религиозный аспекты этого явления. Приведённое положение доказывает тезис о том, что для Херсонеса, как и для других эллинских колоний, находившихся в варварском окружении, идеи полисного патриотизма были особенно востребованы [138, с. 277].

Проявления исследуемого феномена можно обнаружить и в римский период, когда греческие полисы стали частью *Pax Romana* [134, с. 135–136].

Примером прославления полисного патриотизма во время римского господства служит произведение Лукиана Самосатского «Похвала Родине», которое заканчивалось следующими словами: «...ведь и в робкого вселяет мужество слово “Родина”» [119, с. 35]. В процитированном отрывке звучал призыв к защите Отечества на поле боя (военный патриотизм).

Художественное измерение любви к Отчизне, согласно М. С. Кагану, заключается в изображении в эллинской литературе, поэзии, скульптуре и живописи высоты патриотического подвига, «борьбы за правое дело» на поле боя [77, с. 125–126].

Как показано нами выше, трагедии Эсхила и комедии Аристофана, во многом, проникнуты такого рода пафосом. Вершиной художественного измерения патриотизма стала разработка его идеала и образа безупречного гражданина в античной философской и полемической литературе.

Великим мыслителем Платоном (427–347 гг. до н. э.) было создано учение о совершенном полисе. В произведениях афинского философа любовь к Отчизне становилось высшей духовной ценностью гражданина. Платоновский Сократ отразил этот тезис в положении о том, что почитание Отечества превосходит преданность семейно-родовым институтам [158, с. 126]. Такова формула государственного патриотизма. Однако, полисные установления не только воспитывали индивидов подобно родителям, но и предоставляли право выбора – честно исполнять их или бесславно эмигрировать [Там же].

Гражданский долг понимался Платоном в двух ипостасях – беспрекословное соблюдение законов в мирное время и защита Отечества – в

военное [Там же].

Центральным понятием в социокультурном учении Платона являлась «добродетель». Философ Альбин (II в.) в «Учебнике платоновской философии» определял её как особое «состояние души», призванное обрести гармонию личности в частных и общественных делах [157, с. 466–467].

У основателя Академии в «безупречном полисе» царят четыре добродетели («четыре свойства»). В платоновском «Государстве» они имеют такой порядок: мудрость, мужество, умеренность и справедливость [160, с. 217–242].

Мудрость – качество, присущее исключительно философам, предназначение которых – управление полисом [Там же, с. 275]. Очевидно, что именно они, ведомые в своих действиях благоразумием, должны руководствоваться исключительно целями и задачами государственного патриотизма.

При условии идеального общественного устройства мужество, в ранге добродетели, является привилегией воинов, защитников полиса, неустанно совершенствующихся в военном искусстве [Там же, с. 220]. Из этого следует, что военный патриотизм, как высшее проявление храбрости, присущ преимущественно сословию воинов.

Следующая добродетель в платоновской философии – умеренность [161, с. 93]. Альбин поясняет это понятие стремлением подчинить рассудку страсти и желания [157, с. 467]. Таким образом, умеренность представляла собой необходимое условие для самопознания и самосовершенствования у философов, проявления осознанного мужества у воинов, а также контроля над аффектами у обычных людей.

Платоновская справедливость формулировалась в «Государстве» в социальном смысле как возможность каждому индивидууму найти себе дело по душе [160, с. 224]. Альбин добавляет, что последнее качество объединяет нравственное совершенство первых трёх добродетелей [157, с. 467]. Она является добродетелью как личной, так и общественной, то есть, свойственна как

отдельному гражданину, так и целому полису [160, с. 144]. Высшая справедливость состояла в том, чтобы человек не дистанцировался в своих устремлениях от потребностей государства [Там же, с. 227].

Очевидно, что по мнению основателя Академии, справедливость должна являться интегрирующим принципом полиса, который объединял его пёстрые составляющие в «гармонический ансамбль» [17, с. 130].

Личные и общественные элементы этой основополагающей добродетели позволяли основной массе людей платоновского идеального государства в полной мере приобщиться к возвышенно-эмоциональному, реализационно-деятельностному, общественному, личному и духовно-религиозному патриотизму.

Согласимся с мнением выдающегося философа и культуролога А. Ф. Лосева о том, что сам Платон представлял собой образец афинского патриота [114, с. 351]. Его учение о полисных добродетелях отражало античную этику в самой возвышенной её форме [226, с. 139].

Идеал платоновского патриотизма, выраженный в проекте совершенного государства, не был реализован на практике. Схоларх афинской философской школы трижды пытался воплотить его при содействии сицилийских владык, но все потраченные усилия оказались тщетными [48, с. 30]. Однако, его идеи оказали сильное влияние на дальнейшую философскую мысль, нашли выражение в античной культуре, а реализацию своего идеала Платон «завещал будущему» [Там же, с. 36].

В полемической литературе поздней классики также был создан образ безупречного гражданина. Этот облагороженный типаж имел основой не отвлечённые размышления, а реалии социокультурной действительности.

С нашей точки зрения, для формирования восприятия такого образа важны речи, составленные в ходе процесса «о венке», которым гражданин Ктесифонт рекомендовал афинскому Совету и Народному собранию почтить политика Демосфена (384–322 гг. до н. э.) за его деятельность во благо государства. Против этого выступил оратор Эсхин (ок. 389–314 гг. до н. э.), заставив

Демосфена ответить апологией в защиту себя и Ктесифонта. В итоге, обычная попытка наградить достойного гражданина превратилась в процесс оценки обоснованности претензий Демосфена на звание «друга Народа».

Эсхин перечислил пять качеств, присущих идеальному гражданину. Во-первых, он должен быть свободнорожденным по обоим родителям [151, с. 193–194]. По нашему мнению, это скорее предпосылка для становления понятия «друг Демоса», хотя и довольно важная. Родственные узы были чрезвычайно крепки в античности, а государство мыслилось как огромная семья [14, с. 628]. Поэтому «неблагополучное» происхождение вполне могло стать источником «обиды на законы» [151, с. 194].

Второй предпосылкой являлась хорошая родословная, происхождение от предков, имеющих заслуги перед народом или, хотя бы, исключительно законопослушных пращуров [Там же, с. 194]. Её важность доказывают следующие факты. Потомкам тираноубийц Гармодия и Аристогитона столетиями оказывалось уважение и предоставлялись налоговые льготы [53, с. 21]. С другой стороны, даже далёкие наследники, совершивших святотатство во имя политических целей, а затем изгнанных Алкмеонидов подвергались осуждению из-за деяния своих праотцов [164, с. 109].

Третьим качеством была умеренность в повседневной жизни, что считалось гарантией невозможности подкупа должностных лиц [151, с. 194].

Вспомним, что именно умеренность в личной и общественной жизни великий немецкий философ Ф. Ницше полагал важной особенностью античной культуры [144, с. 44]. Подкуп, как желание извлечь выгоду при выполнении государственных обязанностей, препятствовал надлежащему исполнению гражданского долга и поэтому представлялся недопустимым.

На четвёртое место ставились: благомыслие (способность самостоятельно выбирать правильное решение) и красноречие (способность убедить в правильности решения слушателей) [151, с. 194]. При этом, благомыслие имело приоритет перед красноречием. Последнее утверждение можно считать справедливым, если вспомнить нелестную характеристику мастеров ораторского

искусства, не обременённых моральными принципами [157, с. 135].

Наконец, пятое качество идеального гражданина полиса считалось самым важным и, как бы, венчающим все предыдущие. Такая личность должна быть мужественной и не покидать народ в час опасности [151, с. 194]. Таково основное требование, постулат государственного и военного патриотизма, и оно, по мысли Эсхина, превосходит все остальные качества.

Согласно этому оратору, Демосфен никак не подходил под указанные требования по моральным качествам, ведь он не был чист на руку, трусливо бежал с поля брани² [Там же, с. 208].

На роль безупречного гражданина Эхин предлагал военных и политических деятелей прошлого, среди которых значились законодатель и стратег Солон [Там же, с. 210], герои Греко-персидских войн, например, Фемистокл, Мильтиад, Аристид Справедливый [Там же, с. 196].

Выдающийся оратор античности последовательно опровергал все обвинения, сформулированные противником. Основной мотив его апологии заключён в реализационно-деятельностном, государственном и военном понимании патриотизма [Там же, с. 256].

Речь Демосфена оказалась более убедительной, но он так и не получил испрашиваемую награду. В этом, на наш взгляд, зримо отражён окончательный крах даже самых малых попыток реализации идеала полисного патриотизма в конце эпохи классики. Однако, как показано выше, само явление продолжало существовать в эллинистический и римский периоды.

Таким образом, среди качеств безупречного гражданина следует выделить (по Эсхину и Демосфену): умеренность как в частной, так и в общественной жизни; способность самостоятельно выбирать правильное решение при исполнении государственных должностей в мирное время; мужество в военное

² Действительно, о взяточничестве Демосфена в античности ходили легенды (например: [166, с. 154], [4, с. 20–21]), а из повествования о поведении Демосфена на поле Херонейской битвы в плутарховой биографии этого оратора, мы узнаём о том, что последний покинул строй и бежал с поля боя, бросив оружие [166, с. 151].

время.

Учитывая вышеприведённое, обобщим основные положения полисного патриотизма в порядке приоритета:

- оборона родного полиса на поле боя, часто доходящая до самопожертвования;
- защита государственного строя, унаследованного от предков;
- исполнение гражданского долга в мирное время и воинского долга в период войны;
- отстаивание чести полиса на спортивных и иных соревнованиях;
- бережное отношение к историческому прошлому, уважение к традициям, культуре полиса, деяниям предков.

Подведём итог изложенному в этом параграфе:

1. Культура полисного патриотизма представляла собой сложное явление, которое появилось в период возникновения античного полиса (VIII–VI вв. до н. э.) и развивалось до конца античного мира (V в.).

2. Субъектами рассматриваемого феномена были граждане-мужчины, а также, в разной мере, группы неграждан, женщины и рабы-эллины.

3. Её объектом являлся античный полис – город-государство.

4. Сущностной основой служил неповторимый «образ Отечества», включающий родную землю, индивида, его ближайшее окружение, предков, народ и славное прошлое.

5. Культура полисного патриотизма имела три измерения: материальное, духовное и художественное.

5.1. Материальное измерение данного явления выражалось в следующих предпосылках:

- влияние физико-географические факторов на становление эллинских городов-государств;
- особая психологическая среда полисного коллектива, проявлявшая себя в разумном соперничестве во всех формах общественной жизни;
- появление индивидуальности, личности как деятельной и творческой

единицы.

5.2. В духовном измерении основ полисного патриотизма нераздельно слиты возвышенно-эмоциональный, реализационно-деятельностный, общественный, личностный, государственный, духовно-религиозный и военный аспекты.

5.3. Художественное измерение любви к Родине создавало неповторимый «образ Отечества» в античной литературе и искусстве.

Наивысшим достижением эллинов рассматриваемого периода стал идеал патриотизма и образ безупречного гражданина, сформированный в античной литературе.

5.3.1. Этот идеал, по Платону, выражен в проекте государства, основанного на четырёх добродетелях – мудрости, мужестве, умеренности и справедливости – не был в полной мере реализован в древности.

5.3.2. В античной литературе периода поздней классики появился собирательный типаж безупречного гражданина. Основными качествами такого индивида являлись: невозможность подкупа при исполнении должностных обязанностей, благомыслие и красноречие, требование быть мужественным в военное время. Таким критериям, согласно Эсхину и Демосфену, полностью соответствовали государственные и военные деятели и стратеги прошлого, но не их современники.

5.4. Исследование генезиса полисного патриотизма позволяет выделить его основные положения в порядке приоритета:

5.4.1. Оборона полиса и Эллады на поле боя, частоходящая до самопожертвования.

5.4.2. Защита государственного строя.

5.4.3. Исполнение гражданского долга во время мира и войны.

5.4.4. Отстаивание чести полиса на спортивных и иных соревнованиях.

5.4.5. Бережное отношение к историческому прошлому, уважение к традициям, культуре полиса, деяниям предков.

6. Апофеозом полисного являлся общеэллинский патриотизм, который наиболее ярко проявился в период Греко-персидских войн.

1.2. Античный воинский памятник как культурный феномен

В данном параграфе диссертационной работы исследуется феномен «античный воинский памятник» в контексте культуры полиса. Рассмотрение генезиса этого явления позволит лучше уяснить традиции и механизмы культурного наследования в описываемый исторический период [193, с. 127].

Результатом анализа будет формулировка дефиниции и выделение типов воинских памятников, характерных для античности. Исследуемый термин – производное от родового «памятник» и видового – «воинский памятник». Поэтому необходимо проследить путь его формирования от общего к частному.

Феномен «памятник» – тема работ учёных различной специализации: Д. С. Лихачева (артефакт культуры), Ю. М. Лотмана (сложный символ), И. Г. Кравченко (социокультурный феномен) и др. Для нашего исследования он интересен как часть материального культурного наследия (*cultural heritage*), рассмотренного в культурологическом контексте.

Материальные объекты, именуемые в литературе «памятники истории и культуры» [47, с. 76], являются «немыми» свидетелями прошлого, которые «взывают» к прочтению скрытого в них смысла [199, с. 77].

Они традиционно связаны с понятием «материальное культурное наследие» [131, с. 252]. В статье 1 Конвенции об охране Всемирного культурного и природного наследия (принята 16 ноября 1972 г. Генеральной конференцией ООН по вопросам образования, науки и культуры) к категории «материальное культурное наследие» относят следующие объекты трёх видов, имеющие «выдающуюся универсальную ценность» [85]:

- памятник: архитектурный шедевр, монументальная скульптура и живопись;
- ансамбль: комплекс сооружений, связанных с ландшафтом;
- достопримечательное место: локус, созданный человеческой

деятельностью и природной средой.

На наш взгляд, понятие «памятник» в данном определении является базовой единицей. Нетрудно заметить, что ансамбли – группы памятников, связанные с историко-культурным пространством, а достопримечательные места – памятники-реперы, ограничивающие некоторый мемориальный локус. Такое положение дел закреплено в российском законодательстве, где «объект культурного наследия» (включая памятник, ансамбль и достопримечательное место) эквивалентен понятию «памятник истории и культуры» [207].

Примем во внимание замечание отечественного учёного А. Б. Шухободского, что формулировка «универсальная ценность» в русском тексте Конвенции возникла из-за невозможности точного перевода, так как английские, французские и испанские соответствия имеют два значения: «универсальный» и «всемирный» [239, с. 360]. При этом, в русском языке последний термин в данном смысле не употребляется [Там же].

Отметим, что для античности современное понятие «универсальная ценность» – аксиологическая характеристика, имеющая значение для всей эллинской ойкумены. Приведём характерный пример использования подобного термина в античности. Когда Дельфийский оракул порекомендовал Диогену (ок. 412–323 гг. до н. э.) «переоценить ценности», тот воспринял данный совет буквально и начал вместе со своим отцом портить монету [57, с. 220]. Изгнание из родной Синопы заставило будущего философа по-новому истолковать слова оракула. Диоген, уже будучи в Афинах учеником Антисфена, на практике начал осваивать доктрину кинизма, переосмысливая эллинские нравственные устои. В результате, признавая моральный авторитет философа, македонский царь сказал приближённым, что предпочёл бы стать Диогеном, если бы не был Александром [Там же, с. 224]. Этот пример показывает, что этические ценности, исповедуемые мыслителем, получили признание не только на уровне афинского полиса, но и в масштабе эллинской ойкумены.

Памятник как социокультурное явление состоит из следующих компонент:
– материальная основа (сооружение, здание, скульптура и пр.);

– связанная с ней аксиологическая характеристика.

Последнее свойство понимается как ценностное отношение, реализуемое в ходе взаимодействия человека с рукотворным или природным объектом [22, с. 15].

Аксиологическое осмысление всегда имеет конкретно-историческое проявление. Основой для понимания ценности в эпоху античности, по мысли М. С. Кагана, являлось рациональное мышление [79, с. 4–5]. Пытливый рассудок находился в эпицентре универсума эллинской культуры, а Логос – Разум и Слово – стал непосредственным носителем идей [Там же, с. 5].

Примером такого рационального осмысления может служить повествование Плутарха о споре философов по поводу корабля Тесея, который афиняне бережно хранили, постоянно подновляя, с незапамятных времен вплоть до конца IV в. до н. э. В результате такой непрерывной реставрации, одни мудрецы утверждали, что судно сохранило исходные свойства, а другие – что оно превратилось в новый объект [164, с. 16]. Суть размышления неизвестных нам философов кроется в попытке оценить степень аутентичности корабля легендарного Тесея. С точки зрения логики – это сооружение, при всех изменениях его внешнего вида, остаётся судном. Однако, отсутствие первоначальных элементов, составляющих его конструкцию, нарушает связь с путешествием легендарного героя и превращает его уже не в «корабль Тесея». Последнее означает, что возникшее после бесконечного подновления «новое» плавательное средство утратило отношение к имени и деяниям владельца оригинала. Поэтому оно не имеет первоначальной ценности как мемориальное сооружение.

Рассмотрим механизм «превращения» объекта (статуи, здания, артефакта и т. д.) в памятник материального культурного наследия. Из изложенного выше можно заключить, что такая метаморфоза представляла собой обретение вещью или конструкцией ценности путём вовлечения в исторические события, погружение в социокультурную среду.

Результат такого процесса имел в виду великий немецкий философ

Г. Ф. В. Гегель (1770–1831 гг.), определяя понятие «государственный памятник» как часть национальной собственности, существующей благодаря наличию «души» [40, с. 120]. Памятник обретает «душу», становясь культурной ценностью для государства, группы, общества, класса, нации. И, наоборот, потеряв таковую, он превращается в объект частного интереса как любой обычный предмет или сооружение [Там же].

Русское слово «памятник» имеет общий корень со словом «память», что отмечено в «Толковом словаре живого великорусского языка» В. И. Даля: «Памятник: вещь, созданная для улучшения памяти» [49, с. 14].

В этом определении ключевым понятием является «память». Поэтому следует остановиться на связи памятника с греческим *μνημονικόν*³. Согласно выдающемуся учёному М. Элиаде, древним было известно два вида памяти [240, с. 125]:

- первичная – оберегала информацию о мифологических временах;
- историческая – сохраняла важные события в жизни людей.

Очевидно, что для нашего исследования интересен второй аспект рассматриваемого явления.

В эллинском пантеоне операцией запоминания ведала богиня Мнемосина, которая, согласно отечественному учёному Л. Ю. Логуновой, породила систему духовной жизни общества [110, с. 236]. Сам механизм функционирования памяти чрезвычайно интересовал античных мыслителей. Например, Платон сравнивал его действие с оттиском печати в человеческой душе, уподобляя запоминаемые мысли и ощущения отпечатку перстней на вощёной дощечке [159, с. 292]. Мы помним, пока сохраняются такие изображения, и забываем, когда они заменяются новыми отпечатками [Там же].

Основатель Академии в диалоге «Федр» утверждал, что письменное фиксирование фактов является действенным способом не для совершенствования мемории, а для воспоминания, которое даёт «мнимую

³ *μνημονικόν* – мнемотехника [51, с. 1103].

мудрость» [Там же, с. 217].

Однако, именно сравнение запоминания с «внутренним письмом» позволило британскому историку культуры Ф. Йейтсу реконструировать «искусство памяти», возникшее в античности. Мнемотехника заключается в умении ментально разместить в пространстве услышанное, а затем воспроизвести его в том же порядке [76, с. 18].

Римский оратор Марк Фабий Квинтилиан (I в.) выделял «память места» [128, с. 342]. Её он сравнивал с большим домом, разделённым на многочисленные помещения [Там же]. Для реализации механизма действия запоминания необходимо внимательно пробежать взглядом по вещам, расставленным в этих помещениях, чтобы затем повторить подобную операцию при помощи мысли [Там же]. Каждая вещь в памяти помечается соответствующим символом по принципу ассоциации, затем она, при необходимости, извлекается. Например, мореплавание можно обозначать знаком якоря, а войну – изображением личного оружия [Там же]. Эти символы запоминаются в определённой последовательности и воспроизводятся в обратной [Там же, с. 342–343].

Очевидно, по представлению древних, человеческая память имеет аналогом материальный объект, содержащий «текст» из отпечатков-символов. Их можно прочесть и понять при соблюдении установленных правил. Принимая данный тезис, согласимся с мнением отечественного учёного С. С. Ванеяна о том, что памятник является хранителем «следов» изменений [32, с. 218]. Их необходимо улавливать и фиксировать такими, какие они есть [Там же]. Цель создания такого объекта – желание запомнить, сохранить значимое событие для будущего [143, с. 128].

Учитывая вышеизложенное, памятник материального культурного наследия имеет специфику, которая проявляется в том, что в сознании субъекта создаётся зрительный образ [80, с. 56], состоящий из перечисленных ниже элементов:

– специфика конфигурации (памятник);

- характер расположения сооружений в пространстве (ансамбль);
- характеристика места совершения исторического события (достопримечательное место).

Указанный образ отличается предельной доступностью и наглядностью [185, с. 157]. Он порождает смыслы [101, с. 369], вызывая у наблюдателя внутренний диалог, ассоциации с историческим событием или обликом выдающейся личности, превращаясь в структурированный знак [37, с. 127].

Мысль о том, что памятник воспринимается человеком именно как знак в контексте семиотической системы данной культуры, по нашему мнению, является очень плодотворной. Согласно выдающемуся учёному Ю. М. Лотману, знак – материально воплощённая замена артефактов, феноменов, понятий в процессе круговорота информации в социуме [117, с. 5].

Исследователь выделял знаки двух групп:

1. Изобразительный (иконический), который имеет уникальное отображение (например, в виде рисунка) [Там же, с. 8].
2. Условный, предназначенный для изложения информации, составленной из символов [Там же, с. 10].

Данные группы знаков-монументов имели место и в древности. Изобразительные (иконические) знаки представлены в форме памятников-статуй. Римский учёный I в. до н. э. Плиний Старший в «Естественной истории» свидетельствовал, что скульптурные изображения выдающихся людей, в первую очередь трёхкратных олимпийцев, создавались с портретной точностью [162, с. 57]. Такой внешний вид статуи должен вызывать ассоциации с образом выдающейся личности, а также присущими ей добродетелями и поступками [192, с. 144].

Условные знаки являются самыми трудными для понимания, поэтому их следует рассмотреть более подробно. Заметим, что основой таких знаков является символ [210, с. 53]. Символ, по определению выдающегося американского философа Ч. С. Пирса, имеет конвенциональную природу [156, с. 93]. Отсюда следует, что первоначальное символическое значение античного

воинского памятника имеет, естественно, конвенциональный характер. Оно воплощено в этимологии слова «памятник», которую необходимо рассмотреть.

Слово «памятник» на аттическом диалекте древнегреческого языка обозначается словом «ἀριστεῖον», на ионийском диалекте – «ἀριστήϊον», что означает:

- 1) награда за доблесть [50, с. 234];
- 2) памятник [Там же];
- 3) почётное подношение [Там же].
- 4) памятник доблести (*monument of valour*) [262, p. 218];
- 5) мемориал (*memorial*) [Ibidem].

Здесь понятию «воинский памятник» соответствует первое, четвертое и пятое значения, а также, в некоторых случаях, второе и третье.

Среди специальных вокабул, обозначающих «памятник» в древнегреческом языке, использовались:

– в значении «архитектурный памятник» на аттическом диалекте применялось слово «ὄβελίσκος» – «обелиск» [51, с. 1150];

– в значении «надгробный памятник» на аттическом наречии использовалось слово «μνῆμα» – «погребение» [Там же, с. 1103], «насыпь или сооружение в честь умерших» (*mound or building in honour of the dead*) [262, p. 972].

Таким образом, «воинский памятник» мог быть победным обелиском, надгробием, курганом над захоронением эллинов, сложивших головы на поле брани.

Для обозначения сооружения на месте победоносной битвы в древнегреческом языке использовалось слово «τρόπαιον». Оно имело значение «памятник начала преследования неприятеля, т. е. трофей» [51, с. 1649], а также «памятник одоления врагов (*a monument of the enemy's defeat*)» [262, p. 1582].

Латинское «*tropaеum*» было заимствовано из древнегреческого языка, оно обозначает [52, с. 1034]:

- 1) трофей, памятник победы;

- 2) победа;
- 3) памятный знак.

Эта латинская вокабула стала основой для соответствующих слов в современных европейских языках: французское «*trophée*», немецкое «*Trophäe*», английское «*trophy*», русское «трофей», утратив при этом разнообразие смыслов латинского оригинала. Согласно «Словарю русского языка» С. И. Ожегова, слово «трофей» означает «предметы вооружения, отобранные у поверженного противника» [149, с. 800].

Для обозначения статуи-памятника употреблялось слово «*ἄγαλμα*», которое имело такие значения: «изваяние, статуя» [50, с. 16], а также «статуя в честь бога (*a statue in honour of god*)», «любая статуя или портрет, картина (*any statue, portrait, picture*)» [262, p. 5].

Древнегреческому «*ἄγαλμα*» соответствует латинское «*statua*». Оно означает: «статуя» [52, с. 952]. Это латинское слово перешло в современные европейские языки, например, французское «*statue*», итальянское «*statua*», русское «статуя».

Статуя, воздвигнутая во славу победоносного стратега или воина, также включается в понятие «воинский памятник».

В латинском языке слову «памятник» соответствует – «*monumentum*», которое имеет значения: «памятник; надгробный обелиск» [Там же, с. 647].

Эта вокабула вошла в тезаурус современных европейских языков, например: итальянское «*monumento*», французское «*monument*», английское «*monument*».

В русском языке понятие «монумент» означает огромный памятник в честь значительного исторического события или важной личности [28, с. 550].

В современных европейских языках существуют также аналоги, не произошедшие от латинской основы, например, немецкое «*Denkmal*», русское «памятник».

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова фиксируются оба термина:
– «памятник» [149, с. 480]:

1) скульптурное сооружение или архитектурная конструкция, возведённая во славу исторического события;

2) сохранившийся артефакт истории и культуры.

– «монумент» – «большой памятник» [Там же, с. 351].

Этимологический обзор показывает, что в период античности сложилось представление о воинском памятнике, как о сооружении, воздвигнутом в память о реальном (историческом) подвиге на поле брани, совершённом лицом или коллективом, а также о территории, на которой произошло значимое событие военной истории (например, победоносная битва).

Далее необходимо проследить процесс «включения» памятника, как знак, в социокультурный контекст. Для этого, с нашей точки зрения, следует обратиться к явлению «культурная память». Согласно немецкому учёному Я. Ассману – это феномен, с помощью которого социум формирует свою идентичность при помощи интеграции общих воспоминаний [20, с. 161]. Минувшее сохраняется в виде символических фигур, объединяющих факты памяти [Там же].

Таким образом, реминисценции об исторических личностях или событиях отливаются в формы символов на материальной основе, формируя внутренний смысл и значимость памятника.

Эта субстанция концентрирует в себе фрагменты культурной памяти об инцидентах, важных для существования конкретно-исторической общины, общности, государства.

Такая информация закодирована в местоположении, внешнем виде и форме материальной основы в качестве набора символов. «Ключ» для их понимания существует в системе ценностей данного социума. Например, наименования полей великих битв, где решалась судьба государства, зафиксированы в культурной памяти победителей местами демонстрации национальной гордости и триумфа, а у побеждённых – унижения и позора. Любопытно, что обе противоборствующие стороны рассматривают такие пространства в качестве территории проявления их собственного патриотизма.

Как было указано выше, культурная память оперирует понятиями истории, воссозданной воспоминанием. Поэтому объекты, связанные с мифом (существующие вне исторического контекста), становятся частью легенд и не могут претендовать на статус памятника.

Известно о существовании в Афинах многочисленных бюстов Тесея ([164, с. 7], [152, с. 177]), а также его могила [164, с. 24]. Однако, считаясь сыном человека и бога, Тесей не являлся исторической личностью [201, с. 229]. Следует заметить, что в древности, большинство людей верили в реальность мифологических персонажей [135, с. 64], так как вера была основой религиозного культа и мифологического мировоззрения.

Даже просвещённые люди античности называли «памятниками» места и сооружения, связанные с легендарными персонажами. Например, в «Истории Александра Македонского» Квинта Курция Руфа (I в.) среди достопримечательностей числились пещера Тифона и Корикийская роща [84, с. 30]. Для их обозначения в тексте оригинала употреблено слово «*monumenta*» [271, f. 9]. Причиной такой «неточности» при использовании данного понятия, на наш взгляд, было то обстоятельство, что в античности существовал фрактальный образ прошлого, который имманентно включал мифологический и научно-интеллектуальный компоненты [234, с. 18].

Следовательно, многочисленные статуи и «могилы» легендарных царей-основателей, гомеровских и других мифических персонажей нельзя считать памятниками из-за того, что причиной их «возникновения» являлся миф, а не реальная история.

Теперь необходимо рассмотреть существование памятника при жизни поколений, которые не были непосредственными свидетелями исторических событий, отображённых в нём как в знаке.

Ключевая особенность знака, согласно отечественному учёному М. К. Петрову, заключается в свойстве зафиксировать и длительное время сохранять своё значение [155, с. 28]. Он становился своего рода «социальным геном» при негенетическом наследовании фактов культурной памяти [Там же,

с. 29].

Итак, первая функция монумента-знака в культуре – передавать потомкам память о выдающемся событии или личности. Но жизнь вносит свои коррективы, преемственность может быть нарушена, например, военной катастрофой. Поэтому память не остаётся неизменной. В новых социокультурных условиях воспоминания постепенно «затухают», и памятник может постичь забвение. В прошлом, также имели место факты «принудительного» беспамятства в форме намеренного уничтожения памятников по религиозным и идеологическим мотивам [93, с. 2–5].

О возможности утраты значения памятника, как «социального гена», предупреждает британский историк Тони Джадт. По его мнению, воссозданный монумент или его копия представляет собой законсервированные развалины, подменяющие минувшее [56, с. 44]. Его настоящий смысл безвозвратно пропадает, превращаясь в сувенир [Там же]. Этот эффект можно объяснить свойством человеческой памяти, которая, «отливаясь» в мемориальные формы, снимает с себя обязанность помнить [260, р. 5].

Однако, преданный забвению памятник имеет шанс на возрождение и даже обновление. Он может получить новые «напластования» культурной памяти, обретая переосмысленную духовную основу, где преломляются реалии уже другой исторической эпохи [106, с. 201]. Например, известно, что римский оратор I в. до н. э. Марк Туллий Цицерон, будучи квестором в Сиракузах, нашёл заброшенную могилу выдающегося учёного эпохи эллинизма Архимеда (погиб при взятии Сиракуз римлянами в 212 г. до н. э.) и воздал ему заслуженные почести, возвратив общественное внимание [126, с. 342]. Таким образом, монумент может по-разному восприниматься современниками, их предками и потомками. При этом, он не утрачивает связь с историческим событием (или лицом), в честь которого был создан.

Следующая функция памятника в культуре заключается в сохранении прошлого, выступая в качестве своеобразной «капсулы времени», точки опоры в культурно-историческом континууме [94, с. 63]. Эта реперная точка является

результатом процесса «институализации» (памятник играет роль «институции»). Она, согласно немецкому учёному А. Ассман, обеспечивает физическую долговечность сбережения ценностей и норм в форме монумента [18, с. 260].

Памятник-знак служит тому, что прошлое не уничтожается, а в закодированном виде переходит в пассив, чтобы заявить о себе в определённых условиях [116, с. 673].

Обратим внимание, что памятник представляет универсальный способ сбережения информации о минувшем в семантической форме [11, с. 77].

Для определения понятия «воинский памятник» важно отметить, что культурная память направлена на строго фиксированные моменты в прошлом [20, с. 54]. Здесь имеются в виду не простые события, а те, которые обязательно следует зафиксировать, не забыть. Более того, это будут судьбоносные вехи, важные для сплочения людей в социокультурном плане. Например, согласно французскому учёному М. Хальбваксу, такие события национального масштаба резко меняют жизнь каждого члена общности [217]. Именно они становятся для всех жителей страны базовыми «точками во времени» [Там же].

Среди подобных темпоральных констант культурная память, в первую очередь, фиксирует трагические события войн, ставящие на грань уничтожения племена, народы, государства. В этом контексте большое значение имеют представления об истинных или мнимых нравственных идеалах, отстаиваемых патриотами. Традиционные духовные ценности, такие, как защита родного очага, общины, государства, объединяют людей в большие и стабильные группы. Они формируют чувство единения, осознания антагонизма «мы» – «они». По словам отечественного исследователя А. И. Чаплыгина доктрина ратного труда символически воплощена посредством «объектов материальной культуры» [227, с. 2], в том числе, воинских памятников как часть военно-мемориального наследия [176, с. 57].

В то же время, память о бедствиях войны часто предстаёт в образе «коллективных исторических травм», которые социумы стараются не столько запомнить, сколько «забыть» [33]. На наш взгляд, в этом кроются причины

забвения и даже намеренного уничтожения монументов, связанных с трагическими периодами истории. Однако, живучесть символического компонента, заложенного в такие мемориалы, приводит к их воссозданию в новых социокультурных реалиях [175, с. 45].

Для уточнения понятия «воинский памятник» в эпоху античности необходимо создать классификацию способов увековечения исторических личностей и событий, характерных для этого периода. Результатом такого рассмотрения будет выделение наиболее главных типов объектов, входящих в понятие «античный воинский памятник».

Базисом для систематизирования служит форма сооружений, возникших в процессе становления культурных практик сохранения памяти о прошлом. Основными типами сооружений, которые следует включить в понятие «античный воинский памятник», являются:

1. Могильное сооружение в честь павших на поле боя: братское или индивидуальное погребение (в том числе символическое – кенотаф) погибших воинов и полководцев.

Захоронения становились символом высочайшего мужества людей, сложивших головы за Родину, оценённого как подвиг. Братские могилы воинов-граждан, потерявших жизни в борьбе за общеэллинскую свободу, заслужили наивысших почестей. Вспомним, например, трепетное отношение афинян к надгробию, павших при Марафоне [152, с. 84].

Значительные представители поколения марафономахов понимали огромную важность побед в Греко-персидских войнах в исторической перспективе. Не случайно, захоронение драматурга Эсхила было расположено рядом с Марафонским лесом, в который в страхе бежали поверженные персы [Там же, с. 47].

Для того, чтобы почтить память о без вести пропавших в битвах за Отечество сооружались символические могилы [97, с. 151]. Кенотафы воздвигались на поле брани и по праву считались свидетельствами храбрости [187, с. 89].

2. Мемориальное пространство (поле великого сражения), сооружение на месте значимой битвы (трофеи).

Исторические пространства, на которых происходили великие сражения при Марафоне, Фермопилах, Саламине, Платеях символизировали судьбоносные моменты в жизни полисов, всей эллинской ойкумены [165, с. 28].

У греков издревле существовала традиция своеобразно отмечать места битв. Первоначально это были примитивные памятники из оружия поверженных врагов, часто упоминаемые в трудах античных авторов. Например, древний трофей, установленный дорянами в честь победы над ахейским полисом Амиклы при завоевании Лаконики [152, с. 195]. В эпоху классики и эллинизма трофеи превратились в архитектурные конструкции и ансамбли, представляя собой портики, колонны, статуи [Там же, с. 84].

Они воспринимались символами храбрости всего полисного коллектива, формировали чувство самоуважения у победителей и их потомков [188, с. 38]. Особняком стоят трофеи на месте великих битв периода Греко-персидских войн, значимые для всех эллинов. Таковы победные сооружения, воздвигнутые спартанцами и афинянами после битвы при Платеях [164, с. 424].

3. Святилище, храм, алтарь и изваяние божества, посвященный дар небожителю в память победы на поле брани.

Святилища, храмы, алтари и изваяния божеств, в первую очередь, были объектами религиозного благочестия. Однако, подобные объекты, воздвигнутые в честь победы или окончания войны, превращались в памятники. Примером может служить святилище Афродиты на мысе около Книда, построенное во славу морской победы афинского полководца Конона над лаконцами (начало августа 394 г. до н. э.) [152, с. 22]. В этом случае сакральное сооружение органично превратилось в монумент [188, с. 39].

Дары небожителям, как правило, не являлись воинскими памятниками, так как они были предметами культа. Только в случаях, если ритуальные подношения имели непосредственную связь с теми событиями, в честь которых они пожертвованы, их можно считать памятниками, символизирующими

военное торжество.

Примером служил медный треножник с выгравированными наименованиями городов, победивших персов в битве при Платеях, посвящённый лаконцами в Дельфийское святилище [214, с. 57]. Этот треножник с почитательной надписью, безусловно, являлся своеобразным мемориалом триумфа эллинского воинства над варварами.

4. Статуя-памятник и картина, изображающая выдающихся воинов и стратегов.

Статуи служили не просто портретами героических личностей. Согласимся с мнением отечественного учёного В. А. Конева, что идея монумента с античного времени превратилась в культурный символ [86, с. 8].

Изображение момента мига торжества над побеждённым врагом считалось наивысшей степенью личной славы для античного эллина. Например, в Олимпии было сооружено изваяние Формида (V в. до н. э.), представленного в решающий момент битвы с павшим в панику неприятелем во время походов сиракузян против варваров [152, с. 392].

Скульптуры, как правило, имели портретное сходство и предавали эмоции изображаемого человека. Так, на афинском Акрополе находилось изваяние полководца IV в. до н. э. Диитрефа, который показан в предсмертной агонии, пронзённый стрелами [Там же, с. 62].

Учитывая вышеизложенное, согласимся с мнением отечественного искусствоведа Ф. В. Фуртай о том, что визуализация образцов храбрости в форме эллинской скульптуры имела целью фиксацию исторической памяти и обретение бессмертия на индивидуальном уровне [215, с. 188].

Важным способом увековечения событий прошлого стали исторические картины, написанные на портиках и в храмах, расположенных в победивших полисах. Изображения на батальные сюжеты представляли решающий момент битвы, например, фреска в честь победы греков над галатами (190-е гг. до н. э.) на портике в Пергаме [152, с. 28].

Таким образом, статуи-памятники и картины (мозаики, фрески), созданные

для прославления воинов и полководцев, становились зримыми символами исполненного воинского долга по отношению к Родине конкретных личностей. Они отражали как индивидуальные заслуги, так и общественно-значимый идеал, достойный подражания.

Проведённое исследование феномена «античный воинский памятник» позволяет дать определение этому понятию.

Античный воинский памятник – продукт культурной памяти, материализованный символ в форме сооружений одного из основных типов, выделенных нами выше. Он приобретал социокультурную ценность в контексте основных принципов полисного патриотизма.

Учитывая вышеизложенное, сделаем выводы.

1. Памятник являлся одним из ключевых феноменов античной культуры. Он был важным элементом в процессе культурного наследования, символически отображая общественно-значимые идеалы, достойные подражания. Как «институты», ценности и нормы, воплощённые в памятнике, в форме знаков передавались последующим поколениям.

2. В античной культуре памятник реализовал две наиболее важные функции:

– трансляция социально-значимой информации из поколения в поколение в форме культурных символов (кодов);

– универсальный способ хранения прошлого в семантической форме.

3. Нами выделены следующие типы античных воинских памятников:

– могильное сооружение: братское или индивидуальное захоронение (в том числе символическое – кенотаф) погибших воинов и полководцев;

– мемориальное пространство (поле великого сражения), сооружение на месте великой битвы (трофей);

– святилище, храм, алтарь и изваяние божества, посвященный дар небожителю во славу победы на поле брани;

– статуя-памятник и картина (мозаика, фреска), изображавшие

выдающихся воинов и полководцев.

4. Учитывая выводы предыдущего параграфа данного диссертационного исследования, отметим, что античные воинские памятники являлись достойным воплощением принципов полисного патриотизма:

– исполнение воинского долга по отношению к родному полису и всей Греции – статуя-памятник и картина (мозаика, фреска), созданные в честь полководцев и воинов;

– как частный случай – победоносное сражение или окончание войны – мемориальное пространство (поле великого сражения), сооружение на месте великой битвы; святилище, храм, алтарь и изваяние божества, посвященный дар небожителю;

– акт самопожертвования – братская или индивидуальная могила (или кенотаф) павших на поле боя воинов и полководцев.

5. Античный воинский памятник являлся материализованным символом одного из типов, приведенных в пункте 3, реализуя основные принципы полисного патриотизма, перечисленные в пункте 4 выводов, сделанных в данном параграфе диссертационного исследования.

1.3. Культурная память как концепт исследования

Важнейшая задача настоящего диссертационного исследования – раскрытие механизмов формирования концепта «культурная память», который включает в себя выводы, сделанные в двух предыдущих параграфах.

Согласно отечественному учёному Ю. С. Степанову, под концептом в культурологическом дискурсе подразумевается комплексный феномен, состоящий из самого понятия и сформированного у человека аксиологического представления о нём [196, с. 43].

Для вычленения характеристик базового определения «культурная память» проследим его генезис.

Культурная память относится к числу сложных и многогранных явлений духовной жизни любого общества, в том числе античного. В основании исследований по данной теме лежат труды французского социолога Мориса Хальбвакса (1877–1945 гг.). Учёный рассматривал воспоминания, циркулирующие в интеллектуальном пространстве той или иной общности людей, как важную социальную составляющую. Хальбвакс дал ему наименование – «коллективная память» [217]. Эта мемория является необходимым элементом в жизни конкретно-исторического общества, служа целям сохранения его самосознания [Там же]. По характеристике американского культурсоциолога Дж. К. Олика (*J. K. Olick*) коллективная память – активное прошлое, формирующее национальную идентичность [150, с. 26]. Минувшее не застывает навек, оно трансформируется со временем, приспособляясь к новым реалиям [23, с. 54]. Подобная «гибкость» коллективной памяти обусловлена тем, что индивидуальные воспоминания человека дополняются фрагментами меморий других людей, в результате составляя более полную картину прошедшего [217]. Таким образом, память отчуждается от своего первоначального носителя или носителей, образуя некую искусственную среду,

в которую включены глобальные составляющие: время, пространство и история [Там же]. В этой среде концентрируются мысли и впечатления отдельных индивидов, становясь достоянием коллектива [Там же].

С другой стороны, фрагменты памяти других людей, являясь частью воспоминаний отдельной личности воспринимаются как непосредственно ею пережитое [Там же]. В таком контексте сама история представляет собой не просто повествование о прошлом, содержащее последовательность событий и дат, а воссозданное в сознании при помощи книг, картин, памятников переживание атмосферы минувшего [Там же]. Согласимся с немецким исследователем Х. Вельцером, который утверждает, что «прошлое ещё не прошло», оно живёт на уровне чувств, самоощущения, мировоззренческих установок [33]. Коллективная память может культивироваться властными структурами, оказывая влияние на общественную жизнь, науку, культуру посредством артефактов и памятников [264, р. 178].

Память не является одномерной величиной. Как показал французский философ П. Рикёр, греческие понятия *μνήμη* и *ἀνάμνησις* отражают две стороны мемории: воспоминание и забвение [172, с. 25]. По мнению упомянутого выше Х. Вельцера, память состоит из триады единого континуума: воспоминание, обработка и забвение [33]. Эти три процесса взаимосвязаны, хотя и не имеют чёткой последовательности. Воспоминания носят избирательно-спонтанный характер, так как нельзя заранее сказать, что будет востребовано или забыто⁴ в будущем [Там же].

Можно утверждать, что память фокусируется на тех моментах прошлого, которые дают понимание настоящего, творчески переосмысливают его, забывая, при этом, всё случайное и несущественное [Там же].

⁴ Обратим внимание, что в древности имелись случаи и намеренного забвения. Как показала в своём исследовании французский учёный Н. Лоро в истории античных Афин было два случая намеренного забвения с целью заблокировать напоминание о злосчастьях, которые затронули коллективное «я» этого полиса, выразившиеся в запретах: воспроизводить на театральной сцене взятие Милета персами (494 г. до н. э.) и вспоминать о несправедливости правления олигархии Тридцати (404–403 гг. до н. э.) [112, с. 195–198].

Такой процесс повторяется из поколения в поколение, заставляя по-новому понимать и примирять противоречия минувшего, объединяя людей в общности, где они ощущают духовное родство, осознают свою идентичность [252, p. 1403].

Исследованию феномена сохранения прошлого в контексте семиотики посвящена работа Ю. М. Лотмана «Память в культурологическом освещении» (1992 г.). Сама культура, согласно великому учёному, представляет собой некий нарратив, включающий коллективные интеллект и память, являя сверхиндивидуальный механизм для хранения, передачи и составления новых текстов [116, с. 673]. При этом, идёт разграничение мемории на информативную и креативную [Там же, с. 674]. Для первой характерна узкая специализация, состоящая в сбережении результатов познания [Там же]. Творческая сторона запоминания имеет динамический характер, постоянно актуализируя одни фрагменты текстов культуры и переводя в «потенцию» другие [Там же].

Память, по Ю. М. Лотману, обеспечивает существование культурно-темпорального континуума, соединяя настоящее с минувшим, благодаря чему последнее сохраняется как пребывающее, вызывая чувство того, что «былое не прошло» [Там же, с. 674–675].

Понятие «культурная память» в его современной интерпретации впервые было использовано немецким историком Яном Ассманом в классическом труде «Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности» (1992 г.).

Для Я. Ассмана данный феномен представляет собой нескончаемый процесс, в котором общество осознаёт своё единство посредством воссоздания собственного прошлого [20, с. 30]. Социумы, построенные на рассматриваемом явлении, обладают «помнящей культурой» [Там же]. Культурная память помогает социальной группе сформировать образ «мы» через коллективные воспоминания о совместном минувшем, обеспечивая ощущение целостности и самобытности [65, с. 12]. Полученный образ «мы» при определённых условиях (соперничества, конфликта) противопоставляется образу «они», «другие» – все те, кто не причастны к данным формам общих воспоминаний [90, с. 71]. В таком

качестве этот феномен служит основой, объединяющей группу, общину, государство. Развивая мысль отечественного исследователя Н. Г. Федотовой, можно проследить зарождение культурной памяти античного города как прототипа глобальных меморий современных мегаполисов [208, с. 2]. Поэтому сделаем вывод, что рассматриваемые выше положения служат базисом для понятия «полисный патриотизм».

Культурная память представляет собой сложный комплекс, состоящий из следующих частей [20, с. 19–20]:

- коммуникативная (языки, коммуникация, устная традиция);
- миметическая (запоминание посредством подражательного повторения);
- предметная, связанная с повседневным бытом.

Согласно Я. Ассману, для рассматриваемого явления важна не реальная, а воспроизведённая в воспоминании история [Там же, с. 55]. Так появляется исторический миф – обосновывающее повествование для объяснения настоящего из его первоначальных истоков [Там же]. Применительно к нашей теме, примером исторического мифа стало представление о единодушной борьбе эллинов против варваров во время Греко-персидских войн, культивируемое властителями дум в античности [151, с. 47–48]. Общеизвестно, что на самом деле «греческий мир» тогда разделился на противников и сторонников персов, а также на тех, кто пытался соблюсти нейтралитет. Только после решительных побед эллинов, положение изменилось в пользу первых. Однако, этот миф оказался чрезвычайно живуч, и им воспользовался в своих целях – для оправдания завоевательной политики на Востоке – полуварвар Александр, царь Македонии, страны, ставшей в прошлом на путь коллаборационизма. Под знаменем этого мифа был разорён крупный малоазийский полис Милет, а родина истинного грека-патриота Геродота город Галикарнас – разрушен [232, с. 57–60].

Как уже отмечено в § 2 данной главы диссертационного исследования, культурная память обязательно ориентирована на строго определённые факты прошлого, в т. ч. на события войн. Минувшее сохраняется в потоке темпоральности, отливаясь в символические фигуры [20, с. 54]. Таким образом,

культурная память является комплексом аксиологических ценностей, значимых для общины, передающихся от предков к потомкам в форме символов и овеществляющихся в различных объектах материального наследия [92, с. 102], в том числе, и в памятниках [255, р. 49].

Следующий шаг в исследовании культурной памяти сделан Алейдой Ассман в книге «Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика» (2006 г.). Согласно А. Ассман, культурная мемория имеет два модуса: «канон» и «архив» [18, с. 136].

Функциональная часть культурной памяти формирует «канон» – принцип, связывающий воедино личность и общество [Там же]. «Канон», как активная часть культурной мемории, вмещает в себя систему оценок и интерпретаций. Признавая её, каждый человек становится действенной единицей такого социума [Там же, с. 136]. «Архив» же подобен художественному музею, миссия которого в хранении и упорядочении фрагментов прошлого [Там же, с. 34]. Он представляет собой ценностную и накопительную часть культурной памяти, направленную на аксиологическую оценку, сохранение и консервацию «артефактов» минувшего.

Обратим внимание на мысль А. Ассман, что свойством культурной мемории является овеществление воспоминаний на «материальных носителях» [Там же, с. 257]. В этом замечании очерчен круг предметов, фиксирующих культурную память (артефакты, сооружения, монументы). Они используются в обрядах и ритуалах, обеспечивая сохранение прошлого. Говоря словами отечественного специалиста в области *memory studies* М. Л. Шуб, былое модифицируется через систему посредников (в том числе и памятников) [237, с. 65]. В процессе такой реконструкции оно изменяется и приспособляется к реалиям настоящего [Там же].

Учитывая эти важные доводы, очевидно, что сооружение воинских памятников следует рассматривать как одну из культурных практик античности, направленную на сохранение и трансляцию прошедших событий.

В данном диссертационном исследовании в качестве среды

циркулирования культурной памяти выступает полисный коллектив от времени своего возникновения в VIII–VI вв. до н. э. до конца эпохи античности (V в.). Такой коллектив поддерживал собственное единство на основе общих воспоминаний, традиций, религиозных обрядов, памятников, при наличии особой цементирующей системы ценностей (полисный патриотизм). Как функциональные единицы культурной памяти, воинские памятники встраивались в указанный процесс в качестве символического воплощения основных положений полисного патриотизма. Они составляли часть материального культурного наследия, игравшего важную роль в процессе формирования коллективной идентичности античного социума. Носителями культурной памяти и полисного патриотизма были граждане города-государства, осмысленно использующие данные символы [18, с. 31].

Прошлое не остаётся навсегда застывшим, неизменным. Оно активно встраивается в механизм постоянного «переписывания» воспоминаний с учётом актуальных обстоятельств современности [20, с. 54]. Такое переосмысление происходит перманентно, минувшее снова и снова пишется на черновике, которому никогда не суждено быть завершённым. Этим обеспечивается чувство темпоральной непрерывности, имманентно присущее человеку [238, с. 73]. В новой социокультурной среде последующих поколений прошлое приспособляется к обоснованию своих претензий на значение и власть, составляя ядро аксиологических ориентаций социальных групп, классов, государств [154, с. 36–37]. Происходит постоянная «переоценка ценностей».

Согласно А. Ассман, *memory studies* имеет несколько задач [18, с. 28]:

- описание и объяснение воздействия образов и символов культурной памяти на современников и последующие поколения;
- их критическая оценка;
- рассмотрение деструктивного потенциала этого феномена.

Полагая, что античные воинские памятники являются составной частью культурной памяти, рассмотрим специфику решения каждой из перечисленных проблем в данной работе.

Для анализа первой задачи, поставленной А. Ассман, нужно привести ряд соображений. Как показано в § 2 гл. 1 данного диссертационного исследования, о том, как выглядели монументы рассматриваемой исторической эпохи и об их воздействии на людей своего времени можно узнать из дошедших до нас античных источников. Мы имеем надёжные сведения того, что древние лично осматривали памятники, описания которых приводят в своих произведениях. Например, выдающийся отечественный исследователь С. С. Аверинцев указывал на то, что творческий метод Плутарха Херонейского отличался тщательностью подбора материала с обязательным посещением «мест знаменитых событий» и изучением монументов [2, с. 56].

В трудах античных авторов упоминается о том, что воинские памятники вызывали у людей различные чувства: сопричастность к событиям прошлого, уважение, благоговение и страх перед грандиозностью увековеченной личностью [193, с. 121–122].

Объяснить перечисленные переживания можно только с точки зрения системы ценностей, бытовавшей в социокультурной среде эллинского города-государства. Как показано в § 1 гл. 1 данного диссертационного исследования, таким сводом принципов был полисный патриотизм.

Реализация второй задачи, поставленной немецким исследователем – критическое осмысление системы знаков, запечатлённых в воинских памятниках античности – строится на указанных ниже основаниях. Безусловно, в оценках, приведённых в произведениях древних авторов, имеются аксиологические характеристики, которые предопределены их социальной и классовой принадлежностью [67, с. 221–222]. Однако, эти субъективные моменты имеют большой интерес, как свидетельства понимания представителями различных групп населения образов и символов, воплощённых в памятниках [142, с. 90]. Особые возможности для такого критического анализа дают полемические произведения, в первую очередь, речи ораторов. Например, в схолии к речам Эхина, военная борьба между политическими группировками в Афинах символически представлена в виде изваяния, изображающего Олигархию,

сжигающую пламенем Демократию [122, с. 60].

Наконец, деструктивный потенциал семантических форм, запечатлённых в античных воинских мемориалах рассматриваемого исторического периода, имел ряд проявлений.

Одно из них, на наш взгляд, содержалось в культурной памяти о событиях братоубийственной межполисной вражды. Например, Плутарх вкладывал в уста «освободителя» Греции римского военачальника Тита Квинкция Фламинина (229–174 гг. до н. э.) слова о том, что Эллада может гордиться сражениями за общегреческую свободу [166, с. 28]. В остальных битвах она воевала «за своё рабство», причиной чему являлись низкие моральные качества политиков и военачальников [Там же].

Развивая данный тезис, отметим, что поля великих побед над иноземными захватчиками становились местами славы для граждан греческих полисов и всей Эллады. В частности, римлянин Марк Туллий Цицерон среди деяний древних, осуществлённых с «исключительным мужеством», называл победы при Марафоне, Фермопилах, Саламине, Платеях [127, с. 74].

С другой стороны, пространства, служившие ареной трагических событий военной катастрофы, воспринимались как места позора, который общины стремились оправдать или забыть [111, с. 197]. Поэтому на полях сражений, окончившихся разгромом эллинов, часто устанавливались памятники без пояснительной надписи [153, с. 239].

С культурной памятью связано понятие коммеморации. Она определяется как комплекс коллективных практик, сохраняющих в символической форме значимые для социума представления о минувшем [235, с. 74].

Являясь частью материального культурного наследия, монументы встраиваются в коммеморационные процессы, где играют важную роль в передаче и сохранении культурной памяти. Говоря словами А. Ассман, они предоставляют потомкам, не обладающим героической практикой, способ приобщиться к «совместным воспоминаниям» [18, с. 32].

Таким образом, сооружение памятников становится коммеморативной

практикой, характерной как для античности, так и для более поздних исторических эпох [184, с. 43].

Согласно выводам диссертационного исследования М. Л. Шуб, структура коммеморации может быть выражена в виде триады: ядро, символ, функция [236, с. 351].

В основе рассматриваемого процесса находится событие (коммеморативное ядро), значимое для данной общности [Там же, с. 254].

Подобными событиями в нашем исследовании выступают факты военной истории периода античности, воинские подвиги граждан в борьбе за свободу Отечества, проявляющие максимы полисного патриотизма, представленные в § 1 гл. 1 данного диссертационного исследования.

Очевидно, что коммеморативное ядро имеет ряд типов, выделенных по следующим основаниям:

- масштаб события: межполисный конфликт или борьба за свободу всей Эллады;
- хронологическая локализация события: архаика (VIII–V вв. до н. э.), классика (V–IV вв. до н. э.), эллинизм (IV в. до н. э. – I в. до н. э.), римский период (I в. до н. э. – V в.);
- степень персонификации: коллективный или индивидуальный подвиг.

Со временем ядро превращается в коммеморативный символ, складывающийся вокруг него как центра.

М. Л. Шуб отмечает существование двух глобальных коммеморативных символов [Там же, с. 357–358]:

1. Символ «Наследие» представлен следующими содержательными аспектами: исторический (истоки) и культурный (культурное достояние).

Ему имманентно присуща идея общих для полиса исторических корней, совместного прошлого.

2. Символ «Герой», понимаемый как образ личности, действующей во благо Отечества, имеет три основных варианта, являя: преобразовательную деятельность, воинское служение, героическую смерть.

В нашем исследовании эти символы находят выражение в виде разных типов воинских памятников, выделенных в § 2 гл. 1 данного диссертационного исследования.

Существуют также два частных символа, воплощающие формы служения индивида Родине: «Героическая жизнь» и «Героическая смерть» [Там же, с. 366]. Очевидно, что эти коммеморативные символы также находят реализацию в форме соответствующих типов античных воинских памятников.

Особо отметим, что коммеморация всегда энтелехиальна, она исполняет определённый общественный и (или) правительственный заказ [Там же, с. 255]. Целям исполнения последнего служат следующие коммеморативные функции [Там же, с. 255–257]:

- компенсаторная, реализуемая путём формирования чувства сопричастности у членов общности к событиям прошлого;
- информационно-накопительная, выраженная в накоплении необходимой для сообщества информации о минувшем;
- социализирующая, обеспечивающая приобщение каждого индивида к культурной памяти всей общины;
- визуализации, позволяющая членам общества наглядно усваивать образы, ценные для его культурной мемории;
- воздаяние справедливости ушедшим, направленная на поминовение предков, их деяний;
- интеграции, реализуемая через объединение социума в единое целое при воспоминании о значимом событии.

Таким образом, коммеморация является той точкой, где смыкаются в единстве понятия: античный воинский памятник и полисный патриотизм. При этом, подобное соединение имеет сложный характер, так как происходит наложение разных коммеморативных практик, образующих своего рода палимпсест [6, с. 18].

Воспользовавшись вышеизложенными теоретическими основами *memory studies*, проиллюстрируем их действие на примере данного исследования.

В нашем случае, первичной формой коммеморации являлась память об умерших, которая основывалась на культе предков, рода. Поминование мертвых Я. Ассман называет корнем модуса воспоминания [20, с. 34]. Естественным местом концентрации культурной памяти об ушедших служила их братская или индивидуальная могила. Она превращалась в монументальное надгробие как символ итога жизненных свершений [Там же, с. 65–66].

Получается, что первым видом коммеморативных практик, появившимся в античности, стало создание могильных сооружений-памятников.

Коммеморативным ядром была гибель на поле брани, представлявшая один из основных принципов полисного патриотизма – акт самопожертвования во благо сограждан и Отечества.

Коммеморативный символ «Героическая смерть» воплощался в форме братских и индивидуальных погребений, а также кенотафов.

Очевидно, что основной коммеморативной функцией являлась воздаяние справедливости ушедшим, реализуемая потомками через акты поминовения. Также, здесь прослеживался и посыл к интеграции – индивидуальные и братские захоронения (или кенотафы) павших воинов служили своеобразным «центром притяжения» граждан полиса. Кроме того, могильные сооружения воздвигались, как правило, на обозримых местах, имели характерный внешний вид, реализуя визуализацию. Одновременно механизм накопления и передачи значимой информации обеспечивался путём трансляции последующим поколениям сведений о героическом подвиге благодаря изображению и эпитафии на надгробии. Компенсаторная функция утверждалась посредством погребального ритуала, делая сограждан и других греков сопричастными подвигу павших при защите полиса и всей Эллады. Социализирующий аспект проявлялся в воспитании соотечественников на примере патриотического поступка – смерти на поле брани.

Следующим видом коммеморативной практики являлось формирование особого «места памяти».

Проблема «мест памяти» (*lieux de mémoire*) поставлена Пьером Нора [147,

с. 25]. Этот выдающийся французский учёный определяет такие локусы, как остатки прошлого, достойного для сохранения [Там же, с. 26]. Они реализуют главную функцию – остановки времени и воспрепятствование забвению [Там же, с. 41], а также служат естественным продолжением живой памяти поколений [Там же, с. 26].

Lieux de mémoire может быть описано в виде точки пересечения физических и культурных характеристик пространства и эмоциональных восприятий индивида [248, p. 101]. По словам американского историка П. Хаттона, такие мемориальные территории пробуждают особые воспоминания о прошлом, построенные на стереотипах нашего рассудка [220, с. 204]. Также замечено, что для «традиционных» культур характерна привязанность человека к «месту», что являлось следствием чувства взаимосвязи каждого члена социума с памятью праотцов [66, с. 8].

С мемориальными локусами связан ритуал, который, согласно великому французскому социологу Э. Дюркгейму, имеет целью представление истории прародителя [254, p. 531]. Сущность такого действия заключается в том, чтобы обратиться к минувшему и, в некоторой форме, оживить его средствами «драматического представления» [Ibid., p. 534].

«Местами памяти» могут служить целые местности, которые возвышаются на уровень знака, т. е. семиотизируются [20, с. 63].

По функциональному значению П. Нора выделял две группы мемориальных локусов – *доминирующие и доминируемые* [147, с. 47]. Первые отличаются масштабностью, триумфальностью и пользуются огромным авторитетом [Там же]. Посещение таких пространств связано, скорее, с чувством долга, чем с душевной необходимостью. Примерами могут служить мемориалы на поле брани при Марафоне, Фермопилах, Платеях. Вторые локусы П. Нора называл «живым сердцем памяти» [Там же, с. 48]. Например, место казней афинских граждан Тридцатью тиранами около Расписной стой (404–403 гг. до н. э.) в позднеклассический период считалось территорией скорби по невинно убиенным [57, с. 249]. Оно было облюбовано философами-«стойками»

для размышлений о бренности земного существования [Там же].

По мнению П. Нора, в понятие *lieux de mémoire* включаются материальные объекты следующих типов [147, с. 47]:

- 1) переносная значимая вещь;
- 2) монументальное сооружение (статуя и надгробие);
- 3) мемориальная территория;
- 4) архитектурный комплекс и конструкция.

Учитывая изложенное в § 2 гл. 1 данного диссертационного исследования, первые два типа можно соотнести с памятником, третий – с достопримечательным местом, а четвёртый – с ансамблем.

Коммеморативным ядром «мест памяти» являлось событие военной истории (сражение, морской бой, осада города и т. д.), связанное с героическими поступками воинов и полководцев античности.

Они представляли принцип полисного патриотизма – защита города-государства и всей Эллады на поле боя как исполнение воинского долга.

Коммеморативный символ «Героическая жизнь» воплощён в следующих формах: мемориальный локус (поле великой битвы), сооружение на поле брани (трофей).

Далее будет показано, что основными в данном виде коммеморативной практики являлись следующие функции:

- информационно-накопительная, отражаемая в мемориальном пространстве, которое хранит коллективные воспоминания о баталии в целом и о её части;
- визуализации, воплощаемая путём обзора панорамы поля брани и её элементов;
- интеграции, выражаемая в мемориальном локусе, как точке притяжения граждан победивших полисов, а также других эллинов, связанных общей памятью о значимом событии;
- социализирующая, реализовавшаяся при проведении гражданских и воинских ритуалов.

В некоторых случаях происходила сакрализация элементов пространства полиса, в результате чего появлялись «священные места памяти» [24, с. 18]. К ним следует отнести предметы (посвящения богам), связанные с историческими событиями и личностями. Могильные памятники, монументы и артефакты, становясь частью религиозного контекста, переходили из области профанного в сакральное [254, р. 414].

Коммеморативным ядром в данном случае стало судьбоносное событие – решающая битва, завершение войны или заключение мира.

«Священные места памяти» воплощали следующие принципы полисного патриотизма:

- защита Родины как «святой земли»;
- акт принесения себя в жертву на «алтарь Отечества».

Коммеморативным символом здесь определён символ «Наследие», отражённый в форме святилища, храма, алтаря и изваяния бога, посвячительного дара небожителю во славу побед на поле брани или заключения мира, а также братской и индивидуальной могилы.

По нашему мнению, мемориальные сакральные локусы, используемые в религиозных ритуалах, реализуют следующие коммеморативные функции: компенсаторная, информационно-накопительная, социализирующая, визуализации, воздаяние справедливости ушедшим, интеграции.

Начиная с эпохи классики и особенно в период эллинизма, личность всё ярче выделяла себя из коллектива. Это привело к появлению военного лидера как воплощения героического идеала в его чистом виде.

Деятельность выдающейся личности имела огромное значение для людей во все времена существования социума [183, с. 159]. По мнению британского философа и историка Т. Карлейля (1795–1881 гг.) и само общество устроено на почитании индивидуумов, являющихся великими и мудрыми [81, с. 17–18].

В § 1 гл. 1 данного диссертационного исследования отмечалось, что главной нормой полисного патриотизма была защита родного города-государства, понимаемого как гражданский и воинский долг каждого

конкретного гражданина, стратега, эллинистического правителя. Поэтому, на наш взгляд, следует отдельно выделить, как вид практики, создание мемориалов, воплощавших коммеморативный символ «Герой».

Коммеморативным ядром в одноимённом виде практики становились деяния воина, военачальника (стратега), правителя, царя, их подвиг на поле брани.

Герой в процессе своей деятельности реализовал следующие принципы полисного патриотизма:

- 1) исполнение воинского долга, воспринимаемого как подвиг;
- 2) гибель на войне за полис или всю Элладу.

В рассматриваемой практике проявлялся широкий спектр коммеморативных функций.

Образ Героя, воплощённый в картине или статуе, вполне осязаем. Он глубоко укоренялся, проникая в сознание подрастающего поколения (функция визуализации). Герой объединял вокруг себя людей (функция интеграции). На него равнялись, ему подражали (социализирующая функция). Статуя или картина, изображавшая выдающегося полководца, передавала память о его деяниях потомкам (информационно-накопительная функция). Братская или индивидуальная могила отдавала долг памяти, совершившим ратный подвиг (функция воздаяние справедливости ушедшим).

Подведём итог изложенному в данном параграфе.

Культурная память представляет собой концепт, включающий воинский памятник в контекст полисного патриотизма в форме коммеморативных практик. Центральным явлением в данном процессе является коммеморация – способ закрепления, сохранения и передачи в обществе памяти о прошлом.

Согласившись с мнением М. Л. Шуб, что структура коммеморации выражена триадой (ядро, символ, функция), нами выделено четыре вида практик, характерных для античности. Они представляли собой формирование памятников, воплощавших соответствующие коммеморативные символы:

- могильное сооружение – символ «Героическая смерть»;
- «место памяти» – символ «Героическая жизнь»;
- «сакральное место памяти» – символ «Наследие»;
- мемориал – символ «Герой».

Проделанный в первой главе анализ позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Культура полисного патриотизма являлась сложным феноменом античного города-государства (VIII в. до н. э. – V в.).

Этот феномен имел три измерения: материальное, духовное и художественное.

Материальное измерение состояло из трёх предпосылок для дальнейшего развития этого явления:

- влияние на становление эллинских городов-государств различных физико-географических факторов;
- особая психологическая среда полисного коллектива, выраженная в конкуренции граждан во всех формах общественной жизни;
- появление творческой личности.

В духовном измерении, в сущностной основе полисного патриотизма нераздельно сливались возвышенно-эмоциональный, реализационно-деятельностный, общественный, духовно-религиозный, государственный, личностный, культурно-исторический и военный аспекты этого понятия как социокультурного феномена.

Художественное измерение полисного патриотизма сформулировало неповторимый «образ Отечества» в античной литературе и искусстве. Наивысшим его проявлением стал идеал, созданный Платоном и выраженный в четырёх добродетелях: мудрость, мужество, умеренность и справедливость.

В полемической литературе периода поздней классики возник образ безупречного гражданина, основными качествами которого являлись: неподкупность при исполнении должностных обязанностей, благомыслие и

красноречие во время исполнения государственных должностей в мирное время, мужество во время войны.

Основные положения полисного патриотизма в порядке приоритета:

- оборона родного полиса на поле боя, часто доходящая до самопожертвования;
- охрана государственного строя, унаследованного от предков;
- исполнение гражданского долга во время мира и войны;
- защита чести города-государства на спортивных и иных соревнованиях;
- бережное отношение к историческому прошлому, уважение к традициям, культуре полиса, деяниям предков.

Апофеозом полисного патриотизма стал общеэллинский патриотизм, проявившийся в период Греко-персидских войн, насыщенных актами самопожертвования за свободу и независимость всей Эллады.

2. Античный воинский памятник – материализованный символ, продукт культурной памяти, приобретающий особый смысл в контексте упомянутых выше максим полисного патриотизма.

Основные типы античных воинских памятников:

- захоронение погибших на поле брани (индивидуальное и братское надгробие, в том числе кенотаф);
- мемориальное пространство (место великой битвы), сооружение на поле значимого сражения (трофей);
- святилище, храм, алтарь и изваяние божества, посвященный дар небожителю во славу победы на поле брани;
- статуя-памятник и историческая картина в честь воина или полководца.

Античные воинские памятники в культуре своего времени выполняли следующие функции:

- трансляция социально-значимой информации из поколения в поколение в форме культурных символов (кодов);
- универсальный способ хранения прошлого в семантической форме.

Античные воинские памятники воплощали следующие принципы

полисного патриотизма: защита Отечества на войне; исполнение воинского долга, часто доходящее до самопожертвования на поле боя.

3. Культурная память является концептом, включающим воинский памятник в контекст полисного патриотизма в форме коммеморативных практик. Ключевым звеном в этом комплексе служила коммеморация – способ закрепления, сохранения и передачи в обществе памяти о прошлом.

Её структура может быть представлена следующим образом:

3.1. Исходным пунктом является событие античной военной истории (коммеморативное ядро).

3.2. Объект трансформируется в коммеморативный символ, сформированный на основе ядра.

3.3. В результате реализуется комплекс коммеморативных функций.

В ходе исследования выделены четыре вида коммеморативных практик, характерных для античности, с одноимёнными ядрами, символами и функциями.

Их сущность состоит в формировании памятников, воплощавших соответствующие коммеморативные символы:

- могильное сооружение – символ «Героическая смерть»;
- «место памяти» – символ «Героическая жизнь»;
- «сакральное место памяти» – символ «Наследие»;
- монумент – символ «Герой».

Глава 2. Воинский памятник в видах коммеморативных практик

2.1. Могильные сооружения как воплощение коммеморативного символа «Героическая смерть»

В данном параграфе диссертационного исследования рассматривается создание могильных сооружений (братских и индивидуальных захоронений, кенотафов) в контексте *memory studies*. Места упокоения павших за Родину достойно воплощали коммеморативный символ «Героическая смерть». В результате анализа будут выделены основные типы такого вида одноимённой практики как проявления максималистского патриотизма.

В европейской культуре интерес к погребальным сооружениям античности, символизирующих высочайшее мужество, наиболее ярко проявился в эпоху Ренессанса. Например, итальянский архитектор Леон-Баттиста Альберти (1404–1472 гг.) в повествовании об эпитафиях с восхищением приводил надпись на могиле, прославлявшую доблесть эллинов в Греко-персидских войнах [5, с. 275]. Выдающийся гуманист Лоренцо Валла (1407–1457 гг.), рассуждая о значении памяти сложивших головы во имя Отечества, сделал заключение о том, что в античности надгробия воинов служили потомкам высокими образцами для подражания [31, с. 142].

В Новое и Новейшее время учёные и философы также обращали внимание на мужество древних эллинов, зримым свидетельством которого были братские захоронения. Видный немецкий философ И. Г. Гердер (1744–1803 гг.) считал высшей наградой спартамцам за защиту Отчизны при Фермопилах их погребальный памятник [42, с. 370].

Такого же мнения придерживался русский философ И. А. Ильин (1883–

1954 г.), полагая надпись на надгробии Леонида апофеозом «высшей нравственной реальности» [72, с. 70].

Коммеморативным ядром, в рассматриваемом виде одноимённой практики, стало событие военной истории, закончившееся актом самопожертвования – гибелью на поле боя (один из выделенных нами в § 1 гл. 1 данного диссертационного исследования принципов полисного патриотизма).

При этом, коммеморативный символ здесь – «Героическая смерть» – понимается как кончина доблестного индивида в сражении за Родину [236, с. 366]. Он в полной мере был воплощён в могильном сооружении: братское, индивидуальное или символическое (кенотаф) захоронение и надгробии над ними.

Очевидно, что возведение подобных мемориалов позволяло реализовать следующие коммеморативные функции: воздаяние справедливости покойным, визуализации, информационно-накопительная, компенсаторная, социализирующая, интеграции.

Сооружение могилы и надгробия погибшим на войне являлось древнейшим видом коммеморативной практики, уходящей в доисторические времена [261, р. 218]. Братское или индивидуальное погребение фиксировалось на местности холмом (курганом) – насыпью из земли и камня [224, с. 47]. Как правило, на могильной насыпи ставилось надгробие, которое часто представляло собой стелу (с указанием имени) [261, р. 218]. Оно служило наземным маркером (*grave marker*) для того, чтобы захоронение не было впоследствии нарушено [Ibidem].

В итоге, можно сделать вывод, что погребение – наземный знак (*sema*), в широком значении этого слова, представлено конструкцией из природных материалов, а в более узком – стелой или могильным камнем [Ibidem].

Надгробный памятник, как венец заупокойного ритуала, «помогал» душе индивида совершить переход в мир мёртвых [256, р. 24]. Начиная с гомеровской эпохи, считалось, что только после достойного захоронения человека, его *психея* удалится в Аид. Об этом в «Илиаде» «говорит» неуспокоенная душа Патрокла,

обращаясь к Ахиллу: «О! погребви ты меня, да войду я в обитель Аида!..» [44, с. 319].

Погребальный ритуал был определён не только традицией, но и подвергался регламентации со стороны государства. Так, лаконский законодатель Ликург (VIII–VII вв. до н. э.) запретил нанесение эпитафий на могильных стелах, за исключением тех, которые сооружены погибшим на поле брани [163, с. 333]. Таким образом, места упокоения павших на войне выделялись среди общего числа захоронений. Они предоставляли возможность передать потомству имя умершего и обстоятельства его героической гибели, продлевая посмертную память в будущее, пока существует надгробие [250, р. 192].

В Афинах законами Солона (VI в. до н. э.) ограничивались затраты на постройку гробницы, не допускалась установка на ней герма, запрещалось осквернять и разрушать возведённые памятники [125, с. 131–132].

Позднее, в конце IV века до н. э. регламентации подверглись размеры надгробия: на могильной насыпи разрешалось сооружение только одной колонны определённой высоты или стола, или чаши для возлияний [Там же, с. 132].

Философ Платон в «Законах» ещё более детализировал погребальную обрядность в проекте идеального полиса: устанавливался запрет устраивать захоронение на возделываемой земле, ограничивались средства и время, затрачиваемые на возведение могильного холма [161, с. 464–465]. Размеры могильной стелы определялись из расчёта, чтобы на ней могла уместиться эпитафия объёмом не более четырёх «героических стихов» (гекзаметра) [Там же, с. 465].

Часто церемонию прощания не представлялось возможным завершить в день физической смерти. Это могло быть обусловлено большим числом участников похорон, которые должны собраться в одном месте, или необходимостью перемещения тела с места гибели на Родину. Для такого случая требовалось каким-то образом замедлить естественное разложение плоти, то

есть, сблизить физическую смерть с социальной [230, с. 318]. Последнее обстоятельство стало причиной возникновения бальзамации. Имеются сведения, что её методы были известны грекам, например, спартанцам, в эпоху поздней классики [261, р. 191]. Кремированные останки являлись наиболее удобными для перемещения и совершения дальнейших погребальных церемоний [181, с. 121]. Поэтому для проведения длительных обрядов трупы погибших, зачастую, предавали огню [261, р. 190]. Например, тело стратега Ахейского союза Филопемена сожгли на месте гибели в Мессене (183 г. до н. э.) [165, с. 19]. Затем урну с прахом перенесли торжественной процессией в Мегалополь [Там же]. Там были устроены похороны, а около надгробия принесена заупокойная жертва – побиты камнями пленённые в сражении враги [Там же].

Перед битвой давалась специальная клятва в том, что павшие обязательно будут похоронены, согласно обычаю. Так случилось, в частности, при Платеях [74, с. 539].

Однако, в условиях затяжных боевых действий погребальный обряд прошёл известную «стандартизацию», сократив до минимума возможную роскошь и продолжительность.

Фукидид в «Истории» детально приводил последовательность заупокойного ритуала афинских воинов, погибших в первый год Пелопоннесской войны (431 г. до н. э.) [214, с. 78–79]:

- церемония начиналась обрядом выставления тел на три дня для общественного прощания;
- потом останки доставлялись в филы для расставания с близкими родственниками;
- затем трупы погребали в государственной гробнице на кладбище в Керамике;
- в конце церемонии человек, занимавший первенствующее положение в государстве, произносил надгробную речь.

Могильное сооружение появлялось на предпоследнем этапе ритуала. После завершения надгробной речи оно приобретало социокультурный статус –

становилось памятником (братской могилой). Далее, за государственный счёт устраивались состязания, потому что погибшие на поле брани почитались наравне с небожителями [109, с. 68]. Философ Платон упоминал ежегодные общественные обряды, гимнастические, конные и мусические состязания во славу сложивших головы на поле боя афинян [157, с. 111].

Как отмечено выше, надгробное сооружение представляло собой своеобразный маркер, обозначающий могилу. Обычно, это была стела, являющаяся символом незримого присутствия умершего [256, р. 119].

На ней помещали эпитафию, состоящую из имени воина, часто с прибавлением имени отца и указанием города, а также лаконичной информации, содержащей вехи жизненного пути и обстоятельства гибели [123, с. 147]. Известна практика сооружения каменных стел на афинском кладбище с обозначением антропонима и дема⁵ похороненного воина [152, с. 77]. Эпитафии имели большое эмоциональное воздействие на живых. Они вызывали почтительные воспоминания о деяниях покойных, их геройских поступках [148, с. 457]. По мнению оратора Исократ, стихи-эпитафии в честь погибших за Родину должны заставлять стыдиться предателей [74, с. 555].

Надгробия передавали не только словесную, но и визуальную информацию. Примером служит рельеф в виде сражающихся гоплитов на могильном камне классической эпохи на некрополе в афинском Керамике [152, с. 77]. Интересна особая иконография погребальных стел, сложившаяся в Херсонесе Таврическом в эллинистический период: стелы мужчин-воинов украшались изображением оружия и амуниции (щит, меч⁶, копьё, портупейная перевязь) [105, с. 138].

Надгробия в честь воинов были важны сами по себе. Роскошь в их изготовлении считалась неуместным проявлением варварской чрезмерности. В этом смысле интересна греческая оценка одного из семи чудес света – гробницы

⁵ по-древнегречески δῆμος – территориально-административный округ в Аттике, часть филы [50, с. 360].

⁶ в этом перечислении особое место занимает меч, который согласно Ю. М. Лотману является «знаком свободы», а также символизирует принадлежность к военному сословию [115, с. 6].

карийского царя Мавсола в Галикарнасе – пример богатства, превращённого в камень [57, с. 96].

В предместье Афин – Керамике, вдоль дороги в Академию располагались могильные памятники афинянам, а также их союзникам, убитых в морских и сухопутных баталиях, исключая сражавшихся при Марафоне [152, с. 77]. Братское погребение марафономахов воздвигли именно на месте сражения, подчёркивая этим их исключительную храбрость [Там же].

Путешественник Павсаний перечислял захоронения афинского некрополя в последовательности, которая, вполне очевидно, отражала степень их важности в глазах современников:

– граждан, участников походов против варваров во Фракию (V в. до н. э.) [Там же];

– афинян, павших в войнах с соседями: лакедемонянами и беотийцами (IV в. до н. э.) [Там же];

– союзников афинян, фессалийских всадников, погибших при вторжении в Аттику войск спартанского царя Архидама (последняя треть V в. до н. э.) [Там же, с. 77–78];

– известных отечественных военачальников, а также наёмников [Там же, с. 78];

– афинян и их союзников, сложивших головы в войнах с македонянами [Там же], в первую очередь, в битве при Херонее (IV в. до н. э.) [Там же, с. 79];

– участников дальних походов периода Греко-персидских войн (V в. до н. э.) [Там же, с. 78];

– граждан, погибших в Коринфской войне (395–387 гг. до н. э.), закончившейся поражением афинян и их союзников от лакедемонян [Там же, с. 79];

– соотечественников, убитых в Пелопоннесской войне (431–404 гг. до н. э.) [Там же, с. 79–80], отдельно – участников сицилийской экспедиции [Там же, с. 78];

– тем, кто под начальством Кимона одержал победу при Микале

(479 г. до н. э.), завершив Греко-персидские войны [Там же, с. 80];

– полководцев Конона и Тимофея, совершивших «блестящие военные подвиги» (IV в. до н. э.) [Там же];

– тираноборцев, погибших в борьбе с единовластными правителями, покушавшихся на государственный строй Афин (конец VI в. до н. э.) [Там же].

Павсаний замечал, что на надгробии, сооружённом в честь убитых во время сицилийской экспедиции, закончившейся страшным поражением, написаны все имена аттических полководцев, кроме Никия. Последний не был указан намеренно, так как он считался виновным в капитуляции [Там же, с. 79]. С другой стороны, среди имён простых воинов, участвовавших в этой войне, вместе с афинянами перечислены также и платейцы [Там же].

Особой популярностью у местной элиты в период римского господства пользовалось надгробие афинян, пришедших на помощь римлянам в качестве союзников в войне с карфагенянами (III в. до н. э.) [Там же, с. 80].

Учитывая вышеизложенное, коммеморативное ядро можно классифицировать:

– хронологически – все приведённые упоминания войн относились к периоду архаики и классики, за исключением одного случая, представлявшего эллинистическую эпоху (помощь римлянам в войне с карфагенянами);

– по масштабу – в описанных выше случаях афиняне и их союзники участвовали в междоусобных войнах или в сражениях против варваров (общееэллинический уровень);

– по степени персонификации – коллективный подвиг (братские захоронения) или индивидуальный (могилы военачальников и воинов-наёмников).

Расположение, упомянутого выше, общественного кладбища в предместье Афин не случайно. В античности город живых, ограниченный крепостной стеной, был отделён от города мёртвых (некрополя). Это обособление можно объяснить дихотомией мира на сакральную и профанную составляющие [254, р. 321–322]. Согласно утверждению Э. Дюркгейма, отношения между этими

мирами пронизаны антагонизмом, они не могут соприкасаться в повседневности [Ibid., p. 322]. Воплощением указанного противоречия являлся тот факт, что захоронения располагались за пределами стен города живых [256, p. 4]. Однако, самых достойных граждан, отдавших свою жизнь за Родину, погребали рядом с крепостной стеной [Ibidem]. Так, в Фивах, недалеко от городских ворот, находился Полиандрион – братское захоронение соотечественников, нашедших смерть в битве с македонянами [153, с. 185].

Только в редких случаях предание земле совершалось в городской черте. Например, жители Мегар соорудили надгробие воинов, погибших в ходе иноземного нашествия, в пределах стен здания городского Совета, чтобы мёртвые «давали наставления» живым [152, с. 105].

Исключением из общего правила служили спартанцы, у которых главный город представлял собой военный лагерь, не имевший городских стен вплоть до эпохи эллинизма [163, с. 333].

Судьба павших за Отчизну стала предметом рефлексии философов периода классики. Например, Сократ в одном из диалогов Платона говорил, что гибель на поле брани есть прекрасный жребий для человека [157, с. 96]. Также считалось, что, хотя умершие не имели доли в благах, доступным живым, признание доблести в битвах за Родину было их неотъемлемым достоянием, не подверженным даже зависти [55, с. 394].

Как показано в § 1 гл. 1 данного диссертационного исследования, защита родного города являлась главным проявлением гражданского долга, одним из основных принципов полисного патриотизма. Часто она заканчивалась гибелью в сражении. Именно такая кончина со времён архаики считалась прекрасным венцом жизни обычного гражданина [170, с. 5]. Здесь уместно вспомнить слова Солона (в повествовании Геродота), сказанные лидийскому царю Крёзу, гордившемуся своими богатствами и связанным с ними «счастьем». «Счастливей» последнего правителя Лидии оказался простой афинянин Телл, которого сограждане почтили надгробным памятником за общественный счёт за то, что он честно исполнил свой воинский долг, погибнув при защите Отечества

[43, с. 19].

Такое понимание высшего проявления патриотизма характерно и для более поздних исторических эпох. Например, достигшим вершины блаженства называл Плутарх стратега Пелопида, павшего в битве при Киноскефалах (364 г. до н. э.) [164, с. 380]. Этого фиванского гражданина, убитого на чужбине, искренне оплакивали многие греческие города, оспаривая честь проводить его в последний путь [Там же, с. 380]. К выставленному для прощания телу Пелопида шли целые делегации фессалийских городов, неся трофеи, венки и золотое оружие [Там же]. По словам римского историка I в. до н. э. Корнелия Непота, города Фессалии почтили стратега также золотыми венками и медными статуями [88, с. 67].

Главной заслугой военачальника очень часто считалось отсутствие потерь в сражениях. Этим славились афинские полководцы V в. до н. э. Формион и Перикл. Первый говорил, что благодаря ему как стратегу, граждан хоронят в собственных гробах и могилах [166, с. 19]. Второй, перед смертью считал своим достижением то, что ни один соотечественник из-за него не надел чёрный плащ как знак насильственной смерти родича [164, с. 224].

С другой стороны, могилы поверженных врагов служили предостережением завоевателю и напоминанием о храбрости победителей. Об этом повествует драматург Эсхил в своей бессмертной трагедии «Персы» [243, с. 112].

В период эллинизма обязанности по захоронению и сооружению воинских надгробий переходят к царям. Историк II в. Флавий Арриан передал речь Александра Македонского ко всему войску (в составе которого находились и греки), произнесённую им после всех побед в Азии, на восточной границе ойкумены. В своём выступлении македонский воитель говорил, что о славе павших свидетельствуют надгробные мемориалы, воздвигнутые в их родных городах [16, с. 227–228].

Со времени возникновения полиса (период архаики) коммеморативный символ «Героическая смерть» наиболее полно воплощён в братских могилах,

реализуя весь спектр коммеморативных функций. Поэтому перейдем к их детальному рассмотрению.

Функция – воздаяние справедливости покойным – реализовалась путём уважительного отношения к братским захоронениям.

Такое уважение сохранялось даже тогда, когда память о событиях, связанных с погибшими на войне, оказалась утраченной. Например, рядом с Орхоменом ещё во II в. путешественнику показывали захоронения неизвестных эллинов, хотя уже никто не мог пояснить в какой битве они пали [153, с. 96].

Данная коммеморативная функция задействовалась посредством похоронного ритуала и обряда поминовения, центром которого являлось подобного рода погребение.

Важной частью этого обряда была эпитафия⁷ – речь, произносимая над телом покойного [242, с. 154]. Если эпитафия декламировалась много времени спустя после кончины, она называлась энкомием⁸ [Там же].

Обе разновидности речей возвеличивали деяния и другие достоинства усопшего лица или лиц [Там же, с. 159].

Ритор второй половины III в. Менандр Лаодикейский ставил в пример надгробную речь Перикла (известную нам из «Истории» Фукидида [214, с. 79–84]) за то, что он не просто воздал хвалу погибшим за Отечество, но изобразил их решимость достойно умереть [242, с. 154].

Однако, в отличие от битв за свободу во время Греко-персидских войн, большинство вооружённых конфликтов классики и последующих исторических эпох воспринимались уже братоубийственными. Об этом говорил оратор Лисий в эпитафии в честь афинян, погибших при обороне Коринфа (произнесена в промежутке между 394–387 гг. до н. э.), оплакивая «осиротевшую Элладу» [109, с. 66].

Функции – визуализации и информационно-накопительная – можно проиллюстрировать следующим ярким примером.

⁷ по-древнегречески *ἐπιτάφιος* – надгробное слово [50, с. 640].

⁸ по-древнегречески *ἐγκώμιον* – похвальное слово, хвалебная речь, хвала [Там же, с. 453].

В центре Мегары был установлен памятник с надписью во славу граждан, павших в период Греко-персидских войн. Повествование в тексте посвящения велось от имени участников разных битв, погибших ради «свободной жизни» мегарян и Эллады [9, с. 177]. В заключении своей «речи» мёртвые выражали благодарность за то, что живые достойно оценили их заслуги, «честью великой почтив» – соорудив надгробный монумент [Там же].

С другой стороны, считалось, что неуместные почести, оказанные одному из граждан, могли заставить «застонать» могилы предков, погибших при Марафоне и Платеях [74, с. 774].

Примером реализации компенсаторной коммеморативной функции может служить мемориал на месте подвига и захоронение греков, сражавшихся против персов при Фермопилах. По словам историка Геродота, на надгробии вырезали следующие надписи: во славу всех эллинов, лаконцев отдельно, а также гадателя Мегистия [43, с. 374].

Памятник и две эпитафии были заказаны священным союзом эллинских полисов (амфиктионией).

Первая надпись посвящена всем погибшим пелопоннесцам [Там же, с. 373]. В ней констатируется факт неравного боя незначительного числа смельчаков против несметного количества врагов [Там же].

Лакедемоняне удостоились особого стихотворного текста такого содержания:

«Путник, пойдя возвести нашим гражданам в Лакедемоне,
Что их заветы блюдя, здесь мы костями полегли» [Там же, с. 374].

Повествование в эпитафии велось от имени павших воинов. Адресатом названы граждане Лакедемона (Спарты), а в качестве посредника предполагался безымянный путник [Там же]. Послание фиксировало факт нерушимости заветов родного города (законов Ликурга), норм полисного патриотизма, исполненных ценой собственной жизни [126, с. 241].

Надписи формировали у сограждан и всех эллинов чувство сопричастности с воинами-героями.

Обратим внимание, что в текстах данных эпитафий Симонида Кеосского отчётливо звучит мотив, прославляющий мужество, проявленное во имя свободы всей Эллады [177, с. 151]. На указанных выше примерах мы видим становление идеала патриота – от защитника города-государства до борца за общегреческую свободу. Последнее значение пережило века. Например, автор П в. считал, что деяние царя Леонида стало центральным фактом в истории эллинства [152, с. 200]. Следует согласиться с мнением учёного Д. Сакса (*D. Sacks*) о том, что геройский поступок лаконцев, являющийся выдающимся подвигом самоотверженности (*suicidal exploit*), произвёл неизгладимое впечатление на греческое мировоззрение [272, p. 345].

Братские погребения часто устраивались вблизи людных мест, например у общественных зданий. В этом случае они играли роль послания живым, делая последних сопричастными подвигу во имя Отечества.

В Аргосе, рядом с гимнасием, было устроено братское захоронение граждан, которые пошли в поход вместе с афинянами на завоевание Сицилии (415–413 гг. до н. э.) [152, с. 157]. Самой важной здесь являлась социализирующая коммеморативная функция. Она реализовалась путём сооружения могилы как символа исполненного воинского долга, воспитывая на этом примере будущих воинов, готовящихся в гимнасии к выполнению грядущей своей героической миссии.

Погребения позднеклассической эпохи столетиями сохранялись в культурной памяти всех греков как реминисценция об утраченной независимости. Однако указанный факт не умалял храбрости павших героев. В Беотии чужеземцам показывали, как надгробие воинов, погибших в битве при Херонее [153, с. 185], так и могилы врагов – македонян [165, с. 400].

В эпоху классики и последующие исторические периоды происходила персонификация коммеморативного ядра. Победы связывались уже с именами известных полководцев и воинов. Коммеморативный символ «Героическая

смерть» всё больше находил своё ярчайшее воплощение в индивидуальных захоронениях.

Функция воздаяние справедливости покойным реализовывалась посредством погребального ритуала, центром которого становилась, в этом случае, индивидуальная могила.

Изменились и требования к построению надгробной речи в честь выдающегося полководца или воина. Оратор III в. советовал строить её так: начинать словами о роде и рождении покойного, затем перейти к его природным качествам, воспитанию, обучению и образу жизни [244, с. 155]. Важнейшей темой эпитафии являлись деяния усопшего, их сравнение с подвигами героев или полубогов [Там же, с. 156]. Затем осуществлялся переход к утешению родственников умершего [Там же]. В заключении восхвалялся весь его род и произносилась молитва [Там же, с. 157].

Прах военачальников, погибших на чужбине, граждане старались перезахоронить на Родине. В Спарте, в центре города, иноземцам показывали захоронение Леонида, прах которого был перенесён царём Павсанием (ок. 510–468 гг. до н. э.) из-под Фермопил некоторое время спустя после его подвига [152, с. 221]. Оно находилось около надгробия самого Павсания и символической могилы Брасида. Вблизи была расположена стела с начертанными именами лаконцев, павших при Фермопилах [Там же, с. 222]. Из этого явствует, что у спартанцев сложился своеобразный пантеон героев, погибших за Отечество. Обратим внимание, что его составляли индивидуальные и братские могилы (или кенотафы) значимых стратегов, а также простых воинов. Данный пантеон реализовывал все рассмотренные выше коммеморативные функции.

Кроме того, заметим, что такой некрополь являлся осуществлением зримого идеала служения Отечеству, воплощая коммеморативный символ «Героическая смерть».

Этот идеал описан в одной из элегий поэта Тиртея (VII в. до н. э.):

«Общее благо согражданам всем и Отчизне любимой

Муж приносит, когда между передних бойцов,

Крепости полный стоит...

Если он жизни лишится, в передних рядах поражённый,

Славится всюду могила его среди народа...» [цит. по: 10, с. 95–96].

В процитированном отрывке показан механизм реализации функции воздаяние справедливости покойным посредством поминовения их деяний при посещении захоронения, как семьями, так и всеми гражданами, а затем и потомками. Вспомним, что поэзия Тиртея поднимала воинский дух лаконцев в период Второй Мессенской войны (VII в. до н. э.). Считалось, что слушатели его патриотических стихов будут стремиться погибнуть за Отчизну [74, с. 546]. В то же время, торжественный обряд и погребение вызывали чувство сопричастности к героическому поступку у современников, реализуя компенсаторную функцию. В ритуале поминовения, центром которого служило захоронение, воплощалась функция интеграции. Могила погибшего воина всегда находилась на виду у граждан (функция визуализации). Она реализовала также социализирующую функцию, воспитывая воинов на примерах беззаветного мужества и самоотверженности.

Военачальников, погибших в бою, часто хоронили на месте гибели. Например, сохранилось описание надгробия великого фиванского стратега Эпаминонда, установленного на месте битвы при Мантинее (362 г. до н. э.) [153, с. 92]. На его могиле стоял столб с выпуклым контуром дракона на щите [Там же, с. 92–93]. На захоронении также были воздвигнуты две стелы с надписями: одна – более древняя (вероятно, изначальная) с текстом на беотийском диалекте, а другая – более поздняя, сооружённая в римскую эпоху [Там же, с. 93].

Функция визуализации в этом случае реализовалась посредством скульптурной демонстрации щита как символа профессиональной принадлежности стратега, имеющего достижения общеэллинического масштаба [Там же]. Заметим также, что очертание змеи (или дракона) на надгробии являлось эмблемой всякого усопшего воина [261, р. 239]. Информационно-

накопительная функция воплощалась посредством надписей-эпитафий на стелах.

Кенотафы⁹ были широко распространены в античности, их сооружение считалось древним обычаем [219, с. 71]. Примеры таких памятников уже описаны нами в этом параграфе данного диссертационного исследования. Основным назначением кенотафа считалась символическая локализация места упокоения павших на поле битвы, тела которых не были найдены [261, р. 257].

С другой стороны, если на поле сражения воздвигали братскую могилу, то в родном городе возводили кенотаф, на котором увековечивались имена погибших [Ibidem]. Так реализовались коммеморативные функции: воздаяние справедливости покойным, а также – информационно-накопительная и визуализации.

Подобные надгробия сооружались при любой военной обстановке. Даже в сложной оперативной ситуации греки сооружали пропавшим без вести символические захоронения [97, с. 151].

Рост значения коммеморативных функций, определяющих социальный заказ на памятники в честь защитников общеэллинской свободы, привёл к тому, что псевдо-кенотафы сооружались даже теми полисами, которые не участвовали в сражениях [43, с. 442].

На братских могилах часто ставили надгробные скульптуры самого могучего животного. В античной культуре символом высочайшего мужества в бою считался лев, образ которого связан с хтоническими божествами, а также с культом мёртвых [270, р. 249]. Скульптуры «царя зверей» служили маркерами для братских воинских захоронений и нередко сопровождалась посвятительными эпитафиями на постаменте, где доблесть погибшего сравнивалась со львом [261, р. 239].

Самые ранние примеры надгробий с изображениями этих животных, относящиеся ко времени ок. 600 г. до н. э., были найдены на кладбище острова Корфу [Ibidem]. Другие образцы периода поздней архаики известны на

⁹ по-древнегречески *κενο-τάφιον* – гробница-памятник тем, кого тело не найдено [50, с. 934].

некрополях в Афинах, Кифере, Милете, а эпохи классики – в Восточной Греции, на островах Эгейского моря, в Эпире и Беотии [Ibidem].

Скульптуру льва воздвигли и на братской могиле лаконцев, погибших при Фермопилах. Содержание надписи на постаменте, приписываемой Симониду Кеосскому, дошло до нашего времени [46, с. 35]. В тексте эпитафии обыгрывалось имя Леонида¹⁰, уподобляя храбрость, присущую этому зверю, доблести лаконского царя и его воинов [Там же].

Это изваяние над захоронением реализовало функцию визуализации, вызывая ассоциацию между образом величавого животного и мужественного спартанского царя.

На месте Херонейской битвы (338 г. до н. э.) также был водружён надгробный памятник в виде льва [153, с. 239]. Согласно новозеландскому историку Дж. Коуквеллу (*J. Cowkwell*), данный античный воинский монумент стал одним из самых таинственных, ибо точно неизвестно кто и когда его возвёл [251, р. 147]. Исследование аналогичных скульптур позволяет сделать вывод, что изваяние установлено в последней четверти IV в. до н. э. [249, р. 49].

Фрагменты этого памятника найдены в начале XIX века английскими путешественниками [263, р. 79]. Они использовались при восстановлении скульптуры в 1902–1904 гг. [Ibid., р. 80].

До нас дошла часть надписи на постаменте, которая воспроизводила эпиграмму «Палатинской антологии» (AP VII, 245), прославлявшую героев, которые безуспешно пытались уберечь от неприятеля «землю Эллады» [55, с. 577]. В тексте эпитафии отражена идея гибели за свободу Отечества – прекрасный удел храбрецов [Там же]. Упоминание в ней о «Беотийской земле» позволяет считать, что памятник был установлен фиванцами¹¹ [Там же], соорудившими статую льва в честь погибшего на херонейском поле «священного

¹⁰ имя Леонид (*Λεωνίδα*), произошло от слова «λέων» – «лев» [50, с. 1023].

¹¹ также существует мнение что памятник воздвигнут македонским царем Филиппом в знак примирения с греками [146, с. 209].

отряда»¹².

Памятник помимо функции визуализации, реализовал также воздаяние справедливости покойным. Необходимо отметить компенсаторную функцию, которая осуществлялась посредством формирования чувства сопричастности к событию у современников и потомков, скорби по утраченной свободе Эллады [145, с. 679].

Мемориальное погребение часто представляло пример реализации деструктивного потенциала коллективной памяти [18, с. 28]. В таком случае коллективная память сохраняла осуждение к агрессору (в том числе путём забвения имени врага) и сочувствие к жертвам военного преступления.

Например, в Аркадии было сооружено надгробие воинам, погибшим во время вероломного нападения лаконцев. Это братское захоронение мегалопольцы называли Паребасионом (Преступным нарушением) потому, что спартанцы напали на своих жертв, преступив условия мирного соглашения (III в. до н. э.) [153, с. 124].

Функция воздаяние справедливости покойным здесь являлась самой главной. Также, явно выражена компенсаторная её разновидность, которая реализовывалась путём вызова чувства сопричастности трагическим событиям прошлого у современников и потомков. Для усиления влияния данной функции на граждан и чужеземцев братское погребение было расположено в людном месте – у дороги.

Римский историк Тит Ливий рассказывал (под 211 г. до н. э.) о страшной клятве акарнанцев, доведённых до отчаяния этолийцами. Они попросили союзников-эпирцев похоронить их в братской могиле, а в надгробной надписи обличали своих убийц перед всеми эллинами: «Здесь покоятся акарнанцы, принявшие смерть, в сражении за Отчизну против этолийцев, злодеев и насильников» [202, с. 250].

Этот пример иллюстрирует механизм реализации компенсаторной

¹² отборный отряд из 300 фиванских граждан, прославившийся доблестью в IV в. до н. э.

функции. Текст эпитафии должен вызывать чувство сострадания у предполагаемого адресата – всех неравнодушных эллинов. В нём в скрытой форме содержится апелляция к несколько утраченному чувству общеэллинского единства (функция интеграции).

Подведём итог изложенного в данном параграфе:

1. Коммеморативный символ «Героическая смерть» воплощён в форме могильного сооружения: братское, индивидуальное или символическое (кенотаф) захоронение и надгробие над ними.

1.1. Возведение надгробий погибшим на войне представляет собой вид коммеморативной практики, уходящей в древнейшие времена.

1.2. Рассматриваемые мемориалы сооружались на заключительном этапе ритуала поминовения, представляя собой курган, стелу, архитектурное сооружение из естественных материалов.

2. Коммеморативным ядром в таком случае являлось событие военной истории, закончившееся героической гибелью граждан в сражении.

3. В нём был запечатлён один из основных принципов полисного патриотизма – акт самопожертвования в битве за Отечество.

4. Братская и индивидуальная могила, а также кенотаф позволяли реализовать основные коммеморативные функции: воздаяние справедливости погибшим, визуализации, информационно-накопительная, компенсаторная, социализирующая, интеграции.

5. Для воплощения указанных функций воздвигались надгробия в форме скульптур (мы знаем о статуях льва), на постаментах и стелах вырезались изображения и надписи-эпитафии.

6. По характеристикам коммеморативного ядра могильные сооружения можно классифицировать по типам:

- хронологически: относящиеся к периоду архаики, классики, эллинизма, римскому времени;

- по масштабу события: могильные сооружения, погибших в

междоусобной войне или в борьбе за общеэллинскую свободу;

– по степени персонификации: братские или индивидуальные погребения (или кенотафы).

7. В период архаики и классики преобладал коллективный тип коммеморативного ядра, что привело к преимущественному распространению братских захоронений.

В эпоху поздней классики и эллинизма возросло значение персонифицированного типа этого ядра. Стало обычным явлением возвеличивание заслуг полководца, что имело следствием появление коммеморативной практики сооружения индивидуальных могил (или кенотафов) военачальникам, а также выдающимся воинам.

8. Известны случаи, когда надгробие – захоронение жертв военного преступления – представляло пример реализации деструктивного потенциала коллективной памяти, сохраняя осуждение к агрессору и сочувствие к жертвам.

2.2. «Места памяти» как воплощение коммеморативного символа «Героическая жизнь»

В данном параграфе диссертационного исследования рассматривается формирование «мест памяти» как вида коммеморативной практики с выделением их типов в контексте полисного патриотизма. Эти мемориальные локусы отражали важнейший для эллинов принцип – защита Родины на поле боя.

Коммеморативным ядром в рассматриваемой форме одноимённой практики являлось событие военной истории (битва, морское сражение, осада города и т. д.), связанное с героическими поступками воинов и полководцев античности.

Коммеморативный символ в данном случае – «Героическая жизнь» – воплощён в форме пространств великих сражений, сооружений на них (в том числе и трофеев). Эти символы-знаки также были визуализированы в исторических картинах (фреска, мозаика), описание которых дошло до нашего времени.

«Места памяти» представлены культурными ландшафтами¹³ как гармоничными соединениями природного и духовного начал [1, с. 130]. Важными характеристиками этих ландшафтов служили элементы географического ономастикона: холмы, балки, реки и т. д. Особенностью топонимики отличались локализации морских битв, включая острова, мысы, заливы и т. д. Очеловеченная земная поверхность и морская гладь составляли определённый пространственный образ «места памяти» в культурном универсуме, отражаясь в нарративах и в устной традиции [96, с. 15].

Интерес к таким локусам появился уже у римских учёных, знатоков эллинской культуры. Цицерон, размышляя о вечности воинской славы,

¹³ культурный ландшафт определяется как результат творческого воздействия человека на окружающую среду [174, с. 49].

утверждал, что память о её образцах сохранится до тех пор, пока существуют места великих сражений [127, с. 244]. Можно согласиться с мнением американского географа Кеннета Роберта Олвига (*Kenneth Robert Olwig*) о том, что подобные физические ландшафты (*physical landscapes*), имеющие исторический контекст, становятся частью уникального национального наследия прошлого [265, р. 74].

Таким образом, «места памяти» (поля великих сражений) представляли собой особые мемориальные пространства, которые играли роль достопримечательностей, притягивающих внимание посетителей [223, с. 29]. Они являлись важнейшим источником самоидентификации сообществ, обладая глубокими ментальными связями с людьми, населявшими конкретную территорию [275, р. 882]. Памятные локусы относились к топонимическому типу коммеморации, имея точное расположение на местности [147, с. 47]. Пространства великих сражений древности вызывали глубокие и возвышенные ассоциации, символизируя героическое служение Отечеству. В античной литературе топонимы Марафон, Саламин, Фермопилы, Платеи не требовали пояснения. Они безоговорочно обозначали высочайшие примеры мужества на поле брани [127, с. 74].

Мемориальные локусы реализовали следующие коммеморативные функции:

- информационно-накопительная – отражалась в коллективном воспоминании о битве в целом и о её важнейших эпизодах;
- визуализации – реализовалась путём осмотра, либо изображения в искусстве самого поля брани и его отдельных участков;
- интеграции – выражалась в фиксации «места памяти» как точке притяжения внимания граждан победивших полисов, а также эллинов других городов-государств, связанных общей памятью о значимом событии;
- социализирующая – отображалась путём воспитания граждан на примерах мужества, проявленных в воинских столкновениях.

По масштабу события коммеморативного ядра «места памяти» можно

разделить на общеэллинский и межполисный типы. Первый тип – сражения в войнах с варварами, а второй – битвы в ходе междоусобных конфликтов.

Пространства великих сражений с иноземными захватчиками почитались в качестве территории неуязвимой славы.

Эллинская история пестрит вооружёнными стычками в междоусобицах. Они получили крайне негативную оценку современников. Трофеи, установленные после подобных битв, представлялись памятниками «беды и позора» Эллады [165, с. 28].

Приведём примеры таких мемориальных локусов и рассмотрим их становление как вида коммеморативной практики.

Выше было отмечено, что наиболее известными знаковыми местами являлись пространства великих сражений периода Греко-персидских войн. Визуальную локализацию событий и их ход представляли исторические картины, описания которых сохранились в трудах античных авторов. Например, на картине, украшавшей Пёстрый Портик в Афинах, наряду с изображением Марафонской битвы (490 г. до н. э.), присутствовали элементы ономастики, характеризующих поле боя: топкое болото и берег моря [152, с. 48].

Из сообщений путешественников мы также узнаём, что афиняне и платейцы стояли на равнине, у подножия небольшой горы, недалеко от лесного массива [88, с. 13]. Позже, рядом с марафонским лесом, куда отступили персы, находилось место упокоения драматурга Эсхила, участника этого сражения [152, с. 47]. На поле боя при Марафоне был воздвигнут мраморный обелиск [Там же, с. 84]. Рядом располагались захоронения победителей с надгробными стелами, на которых увековечены имена афинян и платейцев [Там же]. И, напротив, могилы противников-персов не обозначались ни насыпью, ни надгробием [Там же, с. 84–85].

Огромное значение этой победы над варварами понималось уже современниками. Например, в эпиграмме Симонида Кеосского, она трактуется как акт защиты афинянами свободы всего эллинства [74, с. 547].

Поле битвы при Марафоне представляло собой природный ландшафт,

дополненный искусственными сооружениями, создающий образ «места памяти» как грандиозный символ великой победы над вторгшимся в Грецию врагом. Описанные рукотворные трофеи и братские могилы эллинов на Марафонском поле служили наглядным образцом мужества и победы, а природная среда (лес и топкое болото) – бегства и поражения неприятеля.

Теперь рассмотрим иной пример, когда греки формально проиграли сражение, но стяжали славу непобедимых – битва при Фермопилах (480 г. до н. э.). На поле брани была сооружена стена, пересекавшая проход в горах. В месте сужения этого прохода находился холм, где приняли смерть спартанцы во главе с царём Леонидом, и благодарные потомки установили каменного льва [43, с. 373].

Описанное пространство насыщено символами и знаками, подлежащих «прочтению» [103, с. 43]. Полуразрушенная стена впоследствии стала священным напоминанием о мужественной обороне всей Эллады от внешнего врага. Холм с памятником, в рамках складывающейся традиции оформления «мест памяти», продолжался ввысь насыпью братской могилы и завершался наверху скульптурой льва). Все эти природные и рукотворные объекты на месте подвига общеэллинского масштаба, соединённые воедино, получили новую ценностную коннотацию в качестве пространства неувядаемой славы [241, с. 37].

Морское сражение при Саламине (480 г. до н. э.) представляло особое «поле» боя. Острова Саламин и Пситталея стали двумя центрами, вокруг которых разворачивалась морская битва [243, с. 99–100]. Целью объединённого флота эллинов была защита Саламина, где укрылись жители Афин (старика, женщины и дети) [43, с. 387], а остров Пситталея стал зримым ориентиром гибели кораблей и моряков персидской армады [Там же, с. 401]. Трофеи из оружия поверженной иноземной эскадры победители установили именно на этих двух островах [152, с. 91].

В результате, Саламин и Пситталея стали представлять собой две точки концентрации культурной памяти как афинян, так и всех эллинов.

Рассмотрим также пример битвы не только за Родину, но и за её святыни. Сражение при Платеях (479 г. до н. э.) происходило на равнине [43, с. 434]. В объединённом войске эллинов спартанцы бились рядом со святилищем Деметры [Там же, с. 436], а в тылу афинян находился храм Геры [Там же, с. 435]. После победоносного для греков сражения, в центре поля боя были сооружены два трофея [164, с. 424] и три братские могилы (афинян, спартанцев, остальных эллинов) [153, с. 173]. Рядом располагались пустые курганы, воздвигнутые другими полисами [43, с. 442].

Баталия возле святилищ олимпийских богинь глубоко символична. Это было сражение за общеэллинские ценности, как гражданские (свобода и независимость), так и религиозные, сакрально связывающие полисы воедино. В итоге они остались не осквернёнными, ибо ни один вражеский воин не вступил в пределы священной рощи Деметры [Там же, с. 437].

Описанные мемориальные пространства реализовывали перечисленные выше коммеморативные функции и, прежде всего, единение эллинов перед общей угрозой варварского вторжения.

Битвы при Левктрах и Мантинее следует отнести к военным событиям междоусобных войн эллинских полисов периода поздней классики. Их важность заключалось в том, что в указанных сражениях впервые потерпели поражение «непобедимые» спартанцы – гегемоны Эллады, а угнетаемые лаконцами жители Пелопоннеса получили надежду на свободу.

Рассмотрим детально данные мемориальные локусы.

На равнине в Беотии, где развернулась битва при Левктрах (371 г. до н. э.), располагались могилы двух молодых женщин Молпии и Гиппо, подвергшихся насилию со стороны спартанцев и покончивших с собой [164, с. 371]. Во время обряда перед битвой фиванский стратег Эпаминонд дал обет в том, что сражение будет вестись не только во имя его родных Фив, но и в отместку за гибель этой семьи [153, с. 190]. После боя свыше тысячи спартанцев и их союзников, а также несколько десятков фиванцев и беотийцев погребли в братских могилах, рядом с захоронениями женщин [Там же, с. 191]. Учитывая вышеизложенное, центр

концентрации культурной памяти находился в середине поля боя (братские погребения воинов противоборствующих сторон, могилы Молпии и Гиппо).

Этот центр символизировал мужество и верность данному обету фиванцев и их союзников, а также подчёркивал тему священного отмщения и божественного воздаяния за грехи.

На опушке так называемой роци Пелагоса произошла битва мантинейских и афинских всадников против беотийской конницы, ставшая кульминацией сражения при Мантинее (362 г. до н. э.) [Там же, с. 92].

На картине художника IV в. до н. э. Эвфранора в Царской Стое афинского Керамика показан самый разгар боя, когда афинянин Грилл нанёс смертельную рану фиванскому стратегу [Там же]. Копия данной картины находилась в гимнасии города Мантинея [Там же, с. 88]. Ещё во II в. было известно место Скопа (Наблюдение), откуда руководил сражением и где умер смертельно раненый Эпаминонд [Там же, с. 92].

Мы видим две точки концентрации культурной памяти, в которых произошли важнейшие события: единоборство выдающихся воинов и героическая смерть полководца.

Оба «места памяти» – пространства сражений при Левктрах и Мантинее – реализовывали перечисленные выше коммеморативные функции и, прежде всего, социализирующую, воспитывая защитников полисов на выдающихся примерах индивидуального и коллективного мужества.

Херонейская битва (338 г. до н. э.) закончилась разгромом македонскими войсками объединённых сил греков во главе с афинянами и фиванцами. Этим объясняются чрезвычайно скудные описания эллинами хода указанного сражения и поля битвы. Известно, что после боя македонский царь Филипп повелел соорудить трофей из оружия побеждённых [60, с. 435]. Он также разрешил похоронить погибших врагов и совершил победное жертвоприношение [Там же]. Согласно географу I в. до н. э. Страбону, недалеко от Херонеи можно было увидеть памятник, воздвигнутый за счёт государства [197, с. 393]. Это так называемый Херонейский лев, описанный в § 1 гл. 2 данного диссертационного

исследования.

Местные жители даже четыре столетия спустя показывали путешественникам древний дуб у реки Кефис, где была установлена палатка царевича Александра, сына Филиппа, а рядом располагались погребения погибших македонян [165, с. 400]. Интересно, что культурная память сохранила место захоронения врагов, чтобы сгладить её деструктивный потенциал от понесённого поражения. Реминисценция же об Александре выступает здесь как воспоминание о правителе, сокрушившим Персию, но не о противнике в битве при Херонее.

Выше, нами неоднократно упоминались трофеи, которые являлись смысловой, а иногда и архитектурной доминантой «места памяти». Коммеморативным ядром для таких мемориальных локусов служили важные военные события, связанные с массовым и личным героизмом воинов и полководцев эллинской античности.

Трофеи наглядно отражали наиважнейший принцип полисного патриотизма – защиту Отечества. Они становились своеобразным «центром притяжения» внимания сограждан и представителей других полисов при проведении воинских ритуалов и священных обрядов. Согласно классификации П. Нора, трофеи могут быть отнесены к особым «местам памяти» – переносным значимым вещам или архитектурным сооружениям и ансамблям [147, с. 47].

Развивая мысль учёного-семиотика Г. Г. Почепцова, можно сказать, что трофеи маркировали пространство вокруг себя [168, с. 111]. В контексте коммеморативного символа «Героическая жизнь» триумфальные сооружения представляли собой конструкцию из оружия поверженных противников. Они воздвигались сразу после сражения, как заключительная часть обряда, совершаемого в честь победы. Однако, известны случаи, когда победителей было мало, а добычи много, тогда трофеи устанавливались через несколько дней после битвы [164, с. 348].

Можно проследить процесс эволюции возведения победных сооружений: от простой наглядной фиксации арсенала поверженных врагов до сложных

архитектурных ансамблей. Первоначально трофей состоял из дуба, на ветвях которого развешивались доспехи, щиты, копья и мечи противника [218, с. 330]. Получателем посвящения считался Зевс Тропей (*Ζεὺς Τροπαῖος*) [262, р. 1582], «обращающий (врагов) в бегство» [54, с. 1649]. Соответственно, слово «*τρόπαιον*» означает «памятник триумфа над поверженным неприятелем» [Там же, с. 1649]. Разрушение трофеев запрещали религиозные представления [36, с. 50], поэтому они существовали в течение многих десятилетий и даже столетий. Так, Павсанию во II в. был известен древний храм Зевса Тропея в Спарте, который лаконцы воздвигли в незапамятные времена покорения Пелопоннеса [152, с. 219].

Очевидно, что «трофей» являлся также символом мужества победителей [109, с. 66] и неудачи побеждённых [74, с. 112]. Кроме того, *τρόπαιον* считался синонимом победоносной, достойной упоминания битвы [Там же, с. 121]. Воздвигнутые триумфальные сооружения представляли предмет гордости для потомков [55, с. 166].

Они, как и оружие поверженных неприятелей, часто посвящались эллинским богам. Оратор Лисий утверждал, что местом нахождения «трофеев храбрости» являются храмы победителей, а материальные свидетельства трусости хранятся в святилищах их врагов [109, с. 117].

Позже, в процессе развития данного вида коммеморативной практики появились трофеи-мемориалы – архитектурные конструкции и ансамбли из мрамора и других долговечных материалов. Они часто имели форму колонн, портиков, иногда сопровождаемые надписями [152, с. 393].

Так, в Спарте, на главной площади города располагался портик (стоя), установленный после отражения нашествия варваров, который называли «Персидским» [Там же, с. 214–215], прославлявший доблесть лаконцев [36, с. 17]. Со временем он превратился в величественное здание, где на колоннах были установлены статуи побеждённых персидских полководцев из белого

мрамора¹⁴ [152, с. 214–215].

Эволюция трофеев (от первоначальной простоты к произведению искусства) показывает рост значения функций визуализации и информационно-накопительной в римское время, когда Эллада стала играть роль огромного музея под открытым небом.

Подношение Зевсу Тропею стало нарицательным символом победы. Например, Фемистокл (ок. 524–459 гг. до н. э.), мечтавший о славе полководца, говорил, что ему не даёт сомкнуть глаз трофеем Мильтиада [164, с. 148]. С другой стороны, афиняне сражались за свою землю и родной город для того, чтобы доказать, что победные сооружения у Марафона и на Саламине были воздвигнуты не военачальниками или Судьбой, а ими самими [Там же, с. 420].

Со временем понятие *τρόπαιον* получило ряд переносных значений. Исократ называл трофеем персидского царя мир, заключённый на его условиях и записанный на стелах, которые поставлены в память «унижения всей Эллады» [74, с. 78]. Излишняя уступчивость коварному врагу могла пониматься как «трофей», полученный победителем в результате душевной слабости побеждённых [Там же, с. 112]. Таким термином обозначались и незаслуженные почести, воспринимаемые знаками «поражения» для дарующих их граждан [Там же, с. 747].

Изначально, в период архаики, военная победа рассматривалась заслугой всего полисного коллектива. Роль полководцев сознательно принижалась – преобладал коллективный тип коммеморативного ядра, что нашло выражение, например, в упомянутом нами выше победном сооружении на Марафонском поле [152, с. 84].

С эпохи классики победоносные сражения начали ассоциироваться уже с деяниями одного человека – выдающейся личности военного вождя. Трофеи стали служить выражением особых достижений стратега при защите Отечества. Известно, что обозначением заслуг афинского военачальника Хабрия

¹⁴ в их числе статуя военачальника Мардония, сына Гобрия, а также скульптурное изображение Артемисии, дочери Лигдамида, правительницы Галикарнаса [152, с. 214–215].

(IV в. до н. э.) перед родным городом были многочисленные монументы, установленные во славу викторий этого полководца [53, с. 33–34].

Таким образом, в данную историческую эпоху происходит становление персонифицированного типа коммеморативного ядра.

Указанная тенденция проявлялась в росте тщеславия воителей, которые ставили трофей по самому незначительному случаю. В связи с этим, интересен рассказ Плутарха в «Изречениях царей и полководцев», повествующий о том, что честолюбие Хабрия однажды было осмеяно великим фиванским полководцем Эпаминондом во время осады Коринфа летом 369 г. до н. э. Когда воины Хабрия убили нескольких фиванцев, вырвавшихся из ворот, афинский стратег повелел соорудить победное сооружение [163, с. 368]. На это Эпаминонд саркастически заметил, что данный знак не является трофеем Эниалия, а скорее служит столбом Гекате, который по обычаю устанавливался на дороге у входа в город [Там же].

Драматург Еврипид в трагедии «Андромаха» фиксирует подобную новацию, когда *τρόπαιον* ставит победоносное воинство, а слава достаётся одному лишь стратегу [62, с. 317].

Вместе с тем, в античности был создан образ идеального военачальника – лакедемонянина Агесилая (ок. 444–358 гг. до н. э.). Царь воздвигал трофей только в особых случаях, например, после изгнания за пределы Спарты фиванцев [165, с. 329]. Этим Агесилай хотел показать детям и женщинам, что лаконцы достойно оплачивают Отчизне своё воспитание [Там же]. В данном случае ярко представлена социализирующая коммеморативная функция.

По масштабу событий трофеи представляли межполисный (сооружённые в честь побед в междоусобных войнах) и общеэллинский типы (воздвигнутые во славу побед в войнах с иноземными захватчиками).

Бесспорным символом храбрости эллинов в борьбе против вторжения варваров являлись «вечно памятные» победные сооружения [109, с. 61]. По словам оратора Лисия, их воздвигли герои, презиравшие смерть в битвах с чужеземцами [Там же, с. 62].

Трофеи, возведённые во время борьбы за общеэллинскую свободу, вызывали восхищение, даже если они были поставлены врагом. Согласно Исократу, мужеству лаконцев, несмотря на их поражение при Фермопилах, восторгалась вся Греция, а на памятник, созданный персами во ознаменование их победы, смотрели с любовью [74, с. 108]. В то же время, монументы, воздвигнутые спартанцами в знак победы над братьями-эллинами, вызывали неодобрение как символ тщеславных дерзновений [Там же, с. 108].

Данные сооружения реализовали различные коммеморативные функции, подлежащие подробному рассмотрению.

Во время Греко-персидских войн на первое место выходит функция интеграции. Трофеи играли роль центров концентрации культурной памяти, объединявших эллинов в единое целое. Об этом повествовал Исократ в «Панегирике»: несмотря на соперничество афинян и спартанцев иноземное вторжение заставило их объединиться, чтобы разбить врага и воздвигнуть *τρόπαιον* [Там же, с. 60].

Описанное соперничество за славу победителя иногда могло выйти за рамки мирных форм, о чём свидетельствуют следующие факты. После победы при Платеях честь установить триумфальные сооружения оспаривали афиняне и спартанцы. Никто из них не хотел уступать, и дело шло к вооружённому конфликту [164, с. 423–424]. Всё же, удалось найти компромисс, который состоял в том, что трофеи были сооружены отдельно лаконцами и афинянами [Там же].

Победные сооружения, установленные после викторий над варварами, прославляли личную и коллективную храбрость. Они выполняли социализирующую функцию, воспитывая граждан на образцах мужества. Примером служил монумент в честь военачальников, отказавшихся выполнять приказ к отступлению в морском сражении с финикийцами (VI в. до н. э.), сооружённый на рынке Самоса [43, с. 278]. За этот поступок Народное собрание постановило увековечить на стеле их имена и имена их отцов [Там же].

В период эллинизма наибольшим почётом пользовались монументы,

воздвигнутые во славу побед над варварами. Так, в городе Пергаме хранились трофеи, захваченные у поверженных галатов царём Атталом (220–138 гг. до н. э.) [152, с. 28]. Они выполняли функцию интеграции греков, живших под постоянной угрозой варварского вторжения.

Аттал (или его преемник) создал на афинском Акрополе скульптурную композицию, изображавшую поражение галатов в Мисии (189 г. до н. э.). Она стояла рядом со сценами гигантомахии и боя легендарных героев с амазонками, а также Марафонской битвы [Там же, с. 66]. Подобное соседство наводило на мысль о равнозначности известных издревле мифологических сюжетов и выдающихся исторических военных событий античности.

Трофеи, воздвигнутые даже в честь скромных батальных достижений в борьбе за общеэллинскую свободу ценились очень высоко, реализуя вышеупомянутую коммеморативную функцию единения. Например, *τρόπαιον* в Ласе увековечивал победу лаконцев над македонским отрядом (218 г. до н. э.) [Там же, с. 248].

В период междоусобной Пелопоннесской войны (431–404 гг. до н. э.) случаи установки мемориалов на месте сухопутных сражений (например: [214, с. 29, 46, 75, 159, 160]) и в районе морских битв (например: [Там же, с. 17, 26, 102, 106–107, 151, 168]) упоминались довольно часто. Однако, осознание того, что это памятники, созданные во время братоубийственного конфликта, накладывало негативный оттенок на их восприятие. Поэтому такие трофеи удаивались, как правило, беглого упоминания у античных авторов. Они реализовали, прежде всего, компенсаторную функцию.

Значительно выше ценились триумфальные сооружения, воздвигнутые после побед в борьбе с тиранами, пользовавшимися иностранной военной поддержкой. Например, мраморный трофей в память о победе над своим тираном Лафаем (вторая половина VI в. до н. э.) поставили граждане Аргоса [152, с. 154]. Данный единовластный правитель, прогнанный восставшим народом, впоследствии безуспешно пытался восстановить утраченную власть с помощью спартанцев [Там же].

В условиях междоусобных войн особого внимания удостоивались лишь трофеи, сооружённые в честь одоления более сильного агрессора. Например, жители Мантинеи гордились каменным *τρόπαιον*, воздвигнутым после успешной битвы с превосходящими силами лаконцев под предводительством царя Агиса (418 г. до н. э.) [165, с. 90]. Этот трофей стоял в центре полиса, напротив храма Посейдона [Там же], реализуя информационно-накопительную и социализирующую функции.

Сиракузяне под своим городом разгромили превосходящие силы афинян (413 г. до н. э.) и в память этого воздвигли триумфальные сооружения [Там же, с. 235]. Известно, что после баталии было совершено торжественное шествие, а затем доспехи и оружие противника развешено на деревьях [Там же]. В результате, сооружение трофеев стало заключительной частью обряда празднования победы над врагом [Там же].

Тит Ливий упоминает о том, что жители Сиракуз, предлагая сдачу родного города (212 г. до н. э.) победителю – римскому военачальнику Марцеллу (268–209 гг. до н. э.) – с гордостью перечисляли свои прежние триумфальные сооружения, ставя их вровень с почестями завоевателя [202, с. 215].

Указанные памятники, установленные сиракузянами во славу сокрушения превосходящих сил афинян и карфагенян, выполняли коммеморативные функции: информационно-накопительная и интеграции.

Для побеждённого полиса трофей, поставленный врагом, становился свидетельством травмы, нанесённой поражением, имевшей деструктивный потенциал культурной памяти. Уничтожить победное сооружение, как показано выше, препятствовали религиозные представления, поэтому часто приходилось прибегать к хитрости. Например, чтобы минимизировать моральный ущерб от негативного визуального восприятия монумента, воздвигнутого карийской царицей Артемисией (IV в. до н. э.) после взятия Родоса, граждане этого города построили вокруг него ограду под охраной стражи, чтобы ни у кого не было возможности его разглядеть [36, с. 50].

Подведём итог изложенного в данном параграфе:

1. Возникновение «мест памяти» являлось воплощением коммеморативного символа «Героическая жизнь», объединявшего в себе пространства героических сражений и возведённых на них рукотворных сооружений (трофеев).

2. Коммеморативным ядром, в указанном виде одноимённой практики, служило событие военной истории: сражение, морская битва, осада города и т. д.

3. «Места памяти» представляли один из принципов полисного патриотизма – защита Родины на поле боя как зримое и конкретное проявление воинского долга.

4. Основными коммеморативными функциями служили: информационно-накопительная, визуализации, компенсаторная, интеграции и социализирующая.

5. Исследование генезиса «мест памяти» (пространств сражений) позволяет выделить следующие их типы:

5.1. По масштабу событий коммеморативного ядра – общеэллинский или межполисный.

К первому типу относились пространства сражений в защиту всей Эллады, а ко второму – поля битв в междоусобных войнах.

5.2. По хронологическому характеру событий коммеморативного ядра большинство важнейших мемориальных локусов было связано с борьбой за общеэллинскую свободу в ходе Греко-персидских войн (период классики), также широко представлены места памяти других исторических периодов эпохи античности (архаики, эллинизма и римского времени).

6. Особым сооружением на «месте памяти» являлся трофей, представляющий собой:

– переносная значимая вещь (оружие побеждённых врагов);

– архитектурная конструкция или ансамбль, которые часто служили смысловыми и архитектурными доминантами мемориального локуса.

6.1. В ходе исследования рассмотрено развитие трофеев от простых конструкций, созданных из оружия и доспехов разбитого врага, до сложных

архитектурных комплексов, ставших произведением искусства.

7. Выделены следующие типы триумфальных сооружений:

7.1. По масштабу событий коммеморативного ядра – общеэллинический и межполисный.

7.2. По хронологическому характеру событий коммеморативного ядра – победные сооружения периода архаики, классики, эллинизма и римской эпохи.

7.3. По степени персонификации: если в период архаики и классики преобладал коллективный тип коммеморативного ядра (победа считалась заслугой общины), которое воплощал монумент, то со времени поздней классики и последующие исторические периоды возник и развивался персонифицированный тип, соотнося победу с личным достижением полководца.

8. Выделены также «места памяти» (пространства сражений) и трофеи, являющиеся свидетельством травмы, нанесённой поражением, хранящие элементы деструктивного потенциала культурной памяти.

2.3. «Священные места памяти» как воплощение коммеморативного символа «Наследие»

В данном параграфе диссертационного исследования рассматривается становление вида коммеморативной практики – генезис «священных мест памяти» как способ реализации символа «Наследие». В результате этого будут выделены основные типы мемориальных сакральных локусов в контексте культуры полисного патриотизма.

Особым эллинским способом увековечения прошлого являлись «священные места памяти»: алтарь и храм-памятник, статуя бога на поле великого сражения, дар-посвящение божеству и т. д. Они представляли собой смешанную форму коммеморации, составленную из разных *lieux de mémoire*, выделенных П. Нора: переносная значимая вещь; монументальное сооружение (включая надгробие, статую, трофей) и архитектурный ансамбль, имевшие чёткую локализацию [147, с. 47].

Интерес к подобного рода античным мемориалам возник довольно поздно, что, по нашему мнению, было следствием влияния христианства на мировоззрение европейских учёных. И. Г. Гердер одним из первых отметил исследуемый вид коммеморативной практики, выделив алтари над надгробиями и святилища в честь павших героев [42, с. 362].

Коммеморативное ядро рассматриваемой одноимённой практики составляли судьбоносные битвы за свободу и независимость Родины. «Священные места памяти» являлись воплощением коммеморативного символа «Наследие».

В § 3 гл. 1 данного диссертационного исследования указывалось, что содержательное наполнение этого символа дуалистично и включает аспекты: истоков (исторический) и культурного достояния (культурный).

Исторические отображения коммеморативного символа «Наследие» восходят к идее общих для всех полисов корней, совместного прошлого [236, с. 357–358]. Далее будет показано, что многие античные воинские памятники трансформировались в объекты религиозного поклонения. Они становились культурным достоянием всех эллинов, попадая под «покровительство» какого-нибудь общеэллинского божества [193, с. 126].

С другой стороны, дары небожителям, принесённые в честь военных побед (статуи полководцев и воинов, оружие, значимые предметы и т. п.), превращались в мемориалы во славу этих событий. Как было отмечено в § 3 гл. 1 данного диссертационного исследования, такие подношения олимпийцам являлись памятниками, если имели связь с историческим событием (победа в сухопутном или морском сражении) или с личностью (стратега или простого воина).

В указанном качестве они представляли принципы полисного патриотизма:

- защита Родины как «святой земли»;
- акт принесения себя в жертву на «алтарь Отечества».

Далее будет показано, что мемориальные сакральные локусы реализовали следующие коммеморативные функции: компенсаторная, информационно-накопительная, социализирующая, интеграции, визуализации, воздаяние справедливости ушедшим.

Рассмотрим генезис «священных мест памяти» в контексте полисного патриотизма.

Согласно Э. Дюркгейму, все религиозные верования имеют общую черту. Они предполагают деление реальных или идеальных явлений на два класса, выражаемых в понятиях: светское (профанное) и священное [254, p. 217]. Область профанного – повседневная жизнь человека, цель которой состоит в удовлетворении утилитарных потребностей [Ibid., p. 416]. Священное представляет собой полную противоположность светскому, вызывая чувство приобщения к высшему – «горнему миру» [Ibidem].

На наш взгляд, возникновение «священных мест памяти» связано с тем, что трагические события войны ломали установленный порядок повседневной жизни. Они ставили полисы и их граждан на грань выживания. К жребию судьбы, по представлению древних греков, были причастны боги [228, с. 154].

Наиболее отчётливо данный момент проявлялся в коллективном и индивидуальном акте самопожертвования на поле боя. Такая «сакральная жертва», вскоре после её принесения, становилась «почитаемой реликвией» [254, р. 414]. Даже земля кургана – братской могилы погибших за Отчизну – считалась священной. Поэтому оратор Эсхин упрекает Демосфена, бежавшего с поля боя при Херонее, в том, что последний имел наглость встать на захоронение «ногами дезертира» [74, с. 746]. Согласимся с мнением русско-американского учёного М. Ямпольски (*M. Yampolsky*), что появившиеся подобным образом памятники создавали вокруг себя особое пространство, святость которого останавливала поток времени [278, р. 112].

Факты гибели за Отечество стали объектом философской рефлексии, начиная с периода поздней архаики. Например, по мысли философа Гераклита Эфесского (ок. 544–483 гг. до н. э.) погибшим на поле брани отдают дань почтения люди и небожители [133, с. 43]. Поэтому «священными местами памяти» являлись, прежде всего, братские и индивидуальные могилы павших воинов.

Особо почитались захоронения героев, сложивших головы во имя свободы чужого полиса. Так, в центре Фигалии (Аркадия) размещалось братское погребение отряда союзников, оказавших военную помощь, где благодарные граждане этого города-государства в годовщину гибели приносили заупокойные жертвы [153, с. 146].

Исключительного почитания удостоивались воины, павшие в борьбе за Элладу во время иноземного вторжения. Погибших при подобных обстоятельствах рассматривали как сакральную жертву, добровольно принесённую на символический алтарь свободы Греции. Об этом говорится в

стихотворении известного поэта Симонида Кеосского, написанном в честь воинов, убитых при Фермопилах:

«Алтарь святой на их могилах;
Рыданий нет, но память их живёт...
Сия священная ограда
Над гробом доблестных мужей –
Обитель славы всей Эллады...» [цит. по: 171, с. 139].

Здесь показан механизм условного превращения надгробия над братским захоронением в некий сакральный символ. Героическая гибель за свободу Греции заставляла забыть горе утраты. Получалось, что нашедшим смерть в бою принадлежит вечность, а могильная стела вполне естественно превращалась в «алтарь» – место славы Эллады (общеэллинское наследие). Такое погребение-палладиум заставляло зрителя столкнуться с явлениями «горного мира», находящимися за пределами его физического опыта, основанного на рациональном мышлении [22, с. 143].

Погибшие в сражении за Отчизну почитались наравне с олимпийскими богами. Когда философ Аполлоний Тианский (I в.) со спутниками пришёл к холму – месту упокоения спартанцев при Фермопилах – возник спор о значении горных вершин в Элладе [209, с. 83]. Аполлоний, взойдя на спартанский курган, воскликнул, что почитает этот холм «выше всех Олимпов» [Там же]. Обратим внимание, что место гибели за «святую землю» Эллады оценено здесь важнее, чем обитель греческих богов.

Описанный памятник представлял собой характерный образец воплощения коммеморативного символа «Наследие». Этот яркий пример мужества и самоотверженности (символ истоков), который практически сразу стал местом поклонения, освящённым религией, а также эталоном полисного и общеэллинского патриотизма (символ культурного достояния).

Кроме поминовения павших, рассматриваемый мемориальный сакральный локус реализовывал ряд коммеморативных функций:

- визуализации – путём локализации надгробия на хорошо обозримом холме, на котором произошёл эпилог сражения;
- информационно-накопительная – посредством надписей, подробно рассмотренных в § 1 данной главы диссертационного исследования;
- интеграции – объединением эллинов вокруг этого мемориального священного пространства;
- компенсаторная – сопричастностью всех индивидов к общему героическому прошлому.

Религиозного почитания удостоивались также индивидуальные погребения выдающихся полководцев. Они представляли собой архитектурные сооружения и ансамбли, связанные с местами военных событий [147, с. 47].

В первую очередь, предметом благоговения становились надгробия полководцев, погибших во время сражений. Особым почтением их удостоивали те полисы, в защиту которых был совершён этот поход.

По свидетельству Плутарха, в Китии (на Кипре), где погиб афинский стратег Кимон, сын Мильтиада (ок. 504–449 гг. до н. э.) на могиле полководца регулярно совершались религиозные обряды [165, с. 171].

Лаконского стратега Брасида (погиб в 422 г. до н. э.) похоронили в центре города Амфиполя [214, с. 225]. Жители этого полиса регулярно приносили стратегу заупокойные жертвы [Там же]. Как свидетельствуют античные авторы, этому лакедемонянину в течение шестисот лет амфипольцы поклонялись как новому отцу-основателю за то, что он освободил их от ига афинян [242, с. 13]. В указанных случаях реализовались все перечисленные выше коммеморативные функции.

При сооружении храмов на полях битв появлялись мемориальные сакральные локусы – архитектурные ансамбли, имевшие чёткую привязку к местности [147, с. 47]. Примером может служить Храм Доброй славы, воздвигнутый в честь победы афинян и платейцев над персами на Марафонском

поле [152, с. 47].

Морская победа афинян над персидским флотом при Артемисии (мыс на острове Эвбея) (480 г. до н. э.) заложила основы будущей всеэллинской победы на войне [164, с. 151]. На этом мысе был сооружён храм Артемиды, именуемой «Восточная». Известно описание данного «священного места памяти»: вокруг святилища росли деревья и стояли колонны из белого мрамора [Там же]. На одной из них благодарные потомки вырезали надпись из элегических стихов прославляющих победу афинян [Там же].

Для этого мемориала характерны следующие коммеморативные функции:

- интеграции – реализовалась путём ритуала поклонения общеэллинской богине, прославляя победу афинян в морском сражении;
- с предыдущей функцией связана компенсаторная – помогала формировать чувство сопричастности у современников и потомков с победителями;
- информационно-накопительная – действовала посредством надписи, в которой констатировался факт морской виктории афинян над вражеской эскадрой;
- социализирующая – была связана с воспитанием подрастающего поколения на героических примерах прошлого;
- визуализации – воплощалась при помощи зрительного восприятия всего комплекса, включая храм, окружённый зеленью деревьев и белизной колонн – ансамбль располагался на обозримом со всех сторон мысе, с видом на море, где происходила битва.

Мемориальные сакральные локусы представляли собой центры «священной земли» полиса, которые следует оберегать от осквернения врагом. Поэтому обязанность по обеспечению безопасности святынь (в том числе храмов-памятников), наравне с обороной Отечества, составляла основу клятвы афинских эфебов [74, с. 538].

Особый интерес представляли алтари, созданные по случаю обоюдного прекращения боевых действий [222, с. 58]. Они являлись архитектурными сооружениями, установленными в культурном сердце античных государств и на

месте решающих баталий с иноземцами.

Плутарх пишет, что после заключения Каллием мира с персами (449 г. до н. э.), афиняне в своём городе воздвигли алтарь во славу богини Мира¹⁵ [165, с. 165]. Этот алтарь представлял собой памятник в честь победы над иноземными захватчиками. Он достойно реализовал весь спектр коммеморативных функций.

Алтари богини Мира были сооружены афинянами после окончания войны с лакедемонянами, как следствие похода стратега Тимофея в 375 г. до н. э. [88, с. 51]. Во славу этого божества учредили священную трапезу [Там же]. Последняя стала частью ритуала празднования установления мира, центральную роль в котором занимал городской алтарь-памятник. Этим реализовывались, рассмотренные в предыдущих примерах коммеморативные функции.

На поле битвы при Платеях благодарные потомки построили алтарь Зевса Элевтерия (Освободителя) [46, с. 33]. Данное мемориальное сакральное сооружение реализовало, прежде всего, функцию интеграции всех эллинов. Мотив единения победивших полисов ясно звучит в стихах текста-посвящения, представляя святилище в качестве «дара от свободной Эллады» верховному божеству (функция интеграции) и прославляя факт изгнания чужеземцев в веках (информационно-накопительная функция) [Там же].

Статуи, храмы и алтари небожителей ставились также в центре городов-победителей, формируя сакральное сердце Отчизны.

Памятником победы над галатами (190-е гг. до н. э.), одержанной царём Атталом I, служил величественный алтарь Зевса в Пергаме [25, с. 5]. Монумент был воздвигнут около 180 г. до н. э. [Там же]. Подлинным произведением искусства являлся рельефный фриз со сценой гигантомахии, большая часть которого сохранилась до нашего времени. Эта огромная декоративная композиция изображала сражение богов и гигантов, наводя зрителя на аналогии с битвой между греками и галатами. Таким образом, реализовалась функции:

¹⁵ Εἰρήνη (Ирена или Ирина) – богиня мирной жизни [50, с. 467].

визуализации и информационно-накопительная. Рассматриваемое «священное место памяти» способствовало миссии единения греков в борьбе с варварами, становясь символом «святой земли» Отечества.

В конце классической эпохи появились алтари, воздвигнутые во славу победоносных стратегов. Например, известно, что ионийские города соорудили святилище и стали приносить жертвы, как богу, лаконскому полководцу Лисандру (ок. 450–394 гг. до н. э.) после победы стратега при Эгоспотамосе (405 г. до н. э.) [165, с. 109]. При этом, благодарные ионийцы изменили название праздника в честь Геры на «торжество Лисандра» [257, с. 3–6].

Статуи небожителей представляли собой монументальные «священные места памяти» [147, с. 47]. Среди олимпийцев, «специализирующихся» на войне были Зевс, Арес (Эниалий), а также Афина [139, с. 53]. Приведём примеры подобных мемориальных сакральных локусов.

В память победы над персами при Марафоне, на афинском Акрополе установили изваяние покровительницы города [153, с. 175]. В Платеях был сооружён храм в честь этой богини [Там же]. Его воздвигли на средства от части добычи, доставшейся платейцам после сражения при Марафоне [Там же]. В святилище возвели величественную скульптуру Паллады, в ногах которой располагался рельеф Аримнеста – военачальника платейцев в битвах при Платеях и Марафоне [Там же, с. 176].

Статуя Зевса в Платеях, расположенная рядом со зданием городского совета, также увековечивала великую победу эллинов над персами [Там же, с. 381]. На постаменте изваяния были вырезаны наименования полисов, принимавших участие в этой баталии, в порядке их вклада в викторию – от наибольшего к наименьшему [Там же, с. 381–382]. Эта надпись прославляла отличившиеся в боях города-государства, сохраняя сведения о минувшем (информационно-накопительная функция). Она также позволяла воплотить компенсаторную функцию, формируя чувство сопричастности к отражению варваров у всех граждан полисов, включённых в перечень. Во время проведения обрядов почитания верховного олимпийского небожителя сохранялась память о

единении полисов-победителей, ставшая реальным фактом во время защиты Эллады от неприятеля. Статуя располагалась на видном месте, рядом с главным общественным зданием города, реализуя функцию визуализации.

Мраморный барельеф Эниалия был установлен на центральной площади в Тегее (Аркадия). Изваяние назвали Аресом Гинайкофойном (Кормящим женщин) в память о храбрости женщин, напавших из засады на лаконцев, что предрешило исход битвы в пользу тегеев [153, с. 158]. Известно, что во время священного обряда во славу победы женщины приносили жертву богу войны без участия мужчин и не приглашали их для распределения жертвенного мяса. Отсюда и появилось приведённое выше наименование божества [Там же].

Информационно-накопительная функция, которую выполнял описанный монумент, заключалась в сохранении памяти о том, что в бою отличилась тегеевка Марпесса и в плен попал сам лаконский царь [Там же]. Об этом через несколько столетий местные жители рассказывали путешественнику Павсанию [Там же].

Данный памятник относился к числу редких, так как чисто мужской культ бога войны здесь представлен статуей, посвящённой женщинам. Однако, указанный факт наглядно отражал важность коммеморативных функций, показывая, насколько великим являлся социальный заказ на мемориалы, связанные с освящёнными религией нормами полисного патриотизма. Селективная интеграция (исключительно для женщин) во время исполнения торжественного обряда подчёркивала единство представителей обоих полов при защите родного полиса (функция интеграции).

Такие же коммеморативные задачи выполняла статуя Эниалия, установленная аргивянами в честь храбрости женщин под предводительством поэтессы Телесиллы, которые отбили осаду города, предпринятую спартанским царём Клеоменом (конец VI в. до н. э.) [163, с. 265–266]. Это изваяние было воздвигнуто около захоронения павших защитниц Отечества, рядом с Аргосской дорогой [Там же, с. 266]. В честь описанного события ежегодно справлялся праздник, во время которого женщины одевались в мужское платье, а мужчины

– в женское [Там же]. Обычай, связанный с памятником – статуей божеству – позволял реализовать информационно-накопительную функцию, а также способствовал интеграции всех жителей полиса – мужчин и женщин – в борьбе за свободу Родины.

После осады Родоса Деметрием Полиоркетом (305–304 гг. до н. э.), закончившейся *status quo*, стратег заключил с противником мир. Он оставил родосцам свою осадную машину «гелеполис» в качестве памятника своих подвигов и мужества врага [Там же, с. 354]. Родосцы продали эту и другие осадные машины и на полученные средства соорудили 33-метровую (70 локтей) бронзовую статую Гелиоса [162, с. 62]. Автором скульптуры был Харет из Линда [Там же, с. 62]. Изваяние, наиболее вероятно, стояло на Акрополе [218, с. 332], чем способствовало достижению визуализации, а также решая задачу по накоплению информации о прошлом. Колосс Родосский в полной мере способствовал интеграции вокруг такого «памятника подвигов и мужества» жителей острова. Это «чудо света» [167, с. 97] было разрушено землетрясением в 238 г. до н. э. и более не восстанавливалось [218, с. 332].

Ника Самофракийская представляла собой статую богини Победы, стоящую на постаменте в форме носа корабля [63, с. 217]. Вероятно, она служила монументом, установленным на острове Родос в честь одной из морских побед (II в. до н. э.) [218, с. 332]. Здесь уместно привести предположение о том, что прототипом античного постаментов являлся жертвенник архаической эпохи [225, с. 24]. Скульптурное изображение богини Победы, установленное на пьедестале-алтаре, формировало «священное место памяти», реализуя коммеморативные функции, перечисленные в предыдущем случае.

Существовала также практика сооружения герм (символы бога Гермеса) на поле победоносного сражения. Например, после того как сын Мильтиада Кимон (ок. 504–449 гг. до н. э.) овладел городом Эноном во Фракии афиняне установили на месте битвы гермы с надписями. Текст на первой из них прославлял граждан Афин, которые в кровавых битвах повергли врагов [165, с. 159]. Эта надпись констатировала факт победы над персами (информационно-

накопительная функция). Она также способствовала формированию чувства единства эллинов в борьбе за независимость (функция интеграции).

Стихи на второй герме содержали выражение признательности военачальникам от имени афинского демоса [Там же, с. 160]. Эта герма представлялась подарком народа стратегам, что казалось современникам «верхом почёта» [Там же]. Социализирующая функция явно представлена в стихотворных строках, где говорится о необходимости преемственности поколений при исполнении воинского долга [Там же].

Текст третьей гермы прославлял храбрость афинян на поле боя, сравнивая её с образцами мужества героев легендарной Троянской войны [Там же].

Визуализация проявлялась в том, что гермы служили указателями границ земельных участков, а также устанавливались на сакральных территориях [225, с. 23–24]. Последнее обстоятельство, по нашему мнению, превращало гермы, воздвигнутые рядом с греческим городом во Фракии, в символические пограничные столбы, определяющие пределы «священной земли» Эллады.

Посвятительные дары божествам также представляли собой способ увековечения военных событий. По классификации П. Нора – это переносные значимые вещи [147, с. 47]. В § 1 гл. 2 данного диссертационного исследования указывалось, что предметы, посвящённые богам, можно считать памятниками, если они имели непосредственную связь с теми событиями, в честь которых они пожертвованы.

В святилищах находилось оружие побеждённых врагов, предложенное победителями в дар небожителям [109, с. 117]. Такие посвящения часто сопровождались текстами. Например, Плутарх пишет, что из всех известных ему полисов только в Коринфе главнейшие храмы были украшены исключительно варварским оружием с надписями, прославляющими победителей [164, с. 349]. Подобные священные дары реализовывали коммеморативные функции: информационно-накопительная и интеграции. Они являлись особенно важными для объединения эллинов против варваров.

По свидетельству Фукидида, спартанский царь Павсаний хотел

представить себя единоличным победителем в сражении при Платеях. Для этого он преподнёс в дар дельфийскому оракулу треножник с текстом, отражающим исключительно свои военные заслуги [214, с. 57].

Такой самовольный шаг вызвал негодование спартанского правительства. Оно распорядилось удалить надпись, а взамен неё вырезать наименования городов, от имени которых принесено жертвенное подношение [Там же].

Подобная попытка «присвоить» победу путём увековечения себя в тексте-посвящении на памятнике показывает понимание лаконским воителем важности сохранения памяти для потомков (информационно-накопительная функция). В то же время, описанный поступок противоречил механизму реализации функции интеграции всех граждан вокруг памятника, делая акцент на заслуги одного гражданина, пусть и царя-полководца.

В конце классического периода упомянутый выше треножник, был полуразрушен, но, в целом, ещё сохранился во II в. При этом, его медные элементы остались нетронутыми, а золото уже исчезло [153, с. 269]. Частичное уничтожение описанного памятника, имеющего общеэллинское значение, свидетельствует об упадке чувства общеэллинского патриотизма в указанный исторический период.

Две статуи царя Павсания, возведённые по велению оракула [214, с. 58], стояли в храме Афины Меднодомной (Спарта), где он погиб голодной смертью в наказание за государственную измену [152, с. 231]. Эти скульптуры реализовали следующие коммеморативные функции: визуализации – посредством увековечения в двух изваяниях; информационно-накопительная – сохраняя память о деяниях царя-воителя во благо Отчизны. После победы в морской битве над афинянами при Эгоспотамах спартанский полководец Лисандр поставил в Дельфах статуи всех военачальников, причастных к виктории, в том числе и своё [165, с. 109]. Согласно британскому специалисту по античной истории П. Дж. Родсу (P. J. Rhodes), посвящение Лисандром в Дельфы этой скульптурной композиции расценивалось, как получение «экстравагантных почестей» (*extravagant honours*) равных монументу афинян при Марафоне [269,

р. 152].

С течением времени, когда Эллада превратилась в цель путешествий состоятельных представителей *Pax Romana* коммеморативные функции «священных мест памяти» – визуализации и информационно-накопительная – стали основными. В данную эпоху также появился социальный заказ на монументы во славу союза с Римской державой. Примером этому может служить храм-памятник Артемиды Симмахии (Союзницы), сооружённый мантинейцами в напоминание о совместной с римлянами победы при мысе Акции (31 г. до н. э.) [153, с. 87–88].

Воинские ритуалы можно отнести к искупительным священнодействиям, вызывавшим особого рода сверхинтенсивные коллективные эмоции. Такие аффекты обязаны своим появлением особому типу общественных коммуникационных процессов, а именно «скорби» [254, р. 402–403]. Общий эмоциональный настрой всегда вызывал у людей чувство сопричастности к важным событиям (грусть, печаль или гнев) [Ibid., р. 415]. Поэтому памятники активно использовались в подобного рода ритуалах. Например, в одном из декретов (122 г. до н. э.), посвящённых афинским эфебам, описано посещение юношами братской могилы на Марафонском поле, которые прибыли с целью возложения венка и совершения жертвоприношения в честь павших за свободу Родины [218, с. 94]. При помощи данного обряда реализовывались коммеморативные функции: поминовение погибших и социализирующая (воспитание защитников Отечества на выдающихся примерах мужества).

Важной частью описанных воинских ритуалов для афинских новобранцев-эфебов была инициация. Согласно Э. Дюркгейму, это – процедура, преследующая цель включить молодого человека в мир потусторонних явлений [254, р. 220]. Задачей инициации становился переход мужчины в категорию полноценных воинов, граждан полиса. В этом обряде мемориальные сакральные локусы выполняли социализирующую функцию, а также интеграции.

Победа при Платеях (479 г. до н. э.) стала выдающимся достижением в борьбе с иноземными захватчиками. Известно, что около надгробия павших

эллинов были воздвигнуты изваяние и алтарь Зевса Освободителя. Один раз в четыре года на этом священном месте устраивался особый праздник [153, с. 173]. Во время торжества проводились спортивные состязания – бег в полном вооружении, в котором победителю присуждалось большое вознаграждение [Там же].

Воинский ритуал поминовения павших и похороненных у стен Платей подробно описал Плутарх Херонейский [164, с. 425].

Проследим, как «священное место памяти», использованное в ритуальных целях, реализовывало основные коммеморативные функции.

1. На поле боя собирались представители греческих городов-государств, участвовавших в сражении, но только платейцам предоставлялась особая честь приносить жертвы Зевсу-Освободителю [Там же] (функция интеграции).

2. На заре, в день годовщины события начиналась многолюдная процессия. Во главе её шёл трубач, игравший сигнал к бою. Следом за ним двигались повозки с ритуальными предметами и юноши, несущие жидкости для возлияний [Там же] (социализирующая функция).

3. Из специального сосуда архонт Платей обмывал водой с ароматическим маслом надгробие павших воинов [Там же]. Затем, после принесения в жертву быка, он обращался с молитвой к Зевсу и Гермесу Подземному [Там же]. В ней платейский лидер призывал храбрых воинов, погибших за Грецию, прийти на поминальный пир (компенсаторная функция).

4. Потом он проливал вино на землю, славя павших за свободу Эллады [Там же] (функция поминовения павших воинов).

Интересны, описанные античными авторами, храмы-памятники вечной вражды с персами. Они являли собой примеры реализации деструктивного потенциала коллективной памяти, сохраняя наглядные образцы моральных травм.

О такой травме, нанесённой варварами грекам во время вторжения в Элладу, пишет Эсхил, изображая иноземное осквернение храма как дома бога, его изваяния и алтаря [243, с. 112]. Подобное кощунство считалось в древности

нарушением законов войны [181, с. 110].

В клятве эллинов при Платеях, приведённой в речи афинского оратора Ликурга, говорится о разрушенных персами и оставленных не восстановленными святилищах с целью предостережения «потомков о бесчестии варваров» [74, с. 539].

Известно, что храм в Абах (Фокида), преданный огню войском Ксеркса, также намеренно не восстанавливался эллинами, а оставлен в разрушенном состоянии как памятник вечной «вражды с варварами» [153, с. 317]. По этой же причине столетиями оставались руинами священные сооружения в Галиарте (Беотия) и в Аттике [Там же]. Можно вслед за отечественными исследователями И. В. Леоновым и И. В. Кирилловым назвать указанные святилища специально «брошенными» и преданными забвению памятниками [107, с. 181].

Однако, отметим, что храм в Абах был вторично сожжён фокейцами вместе со спрятавшимися в нём побеждёнными фиванцами [153, с. 317–318]. Последний факт представлял собой свидетельство упадка общеэллинского патриотизма в позднеклассический период.

Подведём итог изложенного в данном параграфе:

1. «Священные места памяти» являлись воплощением коммеморативного символа «Наследие».
2. Коммеморативное ядро в этом виде одноимённой практики составляли судьбоносные битвы за «святую землю» Родины.
3. Мемориальные сакральные локусы представляли следующие основные принципы полисного патриотизма:
 - защита Родины как «святой земли»;
 - акт принесения себя в жертву на «алтарь Отечества».
4. «Священное место памяти» реализовало следующие коммеморативные функции: поминовение павших воинов, информационно-накопительная, визуализации, интеграции, компенсаторная, социализирующая.
5. Мемориальные сакральные локусы относились к смешанному типу

коммеморации, включая следующие формы: переносная значимая вещь; монументальное сооружение (в том числе, статуя и надгробие); архитектурная конструкция и ансамбль, имевшие топографическую привязку к местности.

6. Исследование генезиса коммеморативной практики формирования «священных мест памяти» позволяет выделить их типы:

– по хронологическому признаку событий коммеморативного ядра – в основной своей массе они относились к периоду архаики и классики, но есть также примеры периода эллинизма и римской эпохи;

– по масштабу событий – зачастую они представляли собой общеэллинский тип, связанный с защитой всей Эллады, в то время как «священные места памяти», относящиеся к фактам межполисной вражды, имели гораздо меньшее значение.

– по степени персонификации – в период архаики и классики преобладал коллективный тип посвячительного дара божеству (сакрализация коллективного подвига), а со времени поздней классики и в последующие исторические эпохи наибольшее распространение приобрёл персонифицированный тип (освящение личных заслуг).

7. Мемориальные сакральные локусы могли нести деструктивный потенциал коллективной памяти, являясь зримыми свидетельствами моральной травмы, нанесённой противником. Известны случаи, когда следы таких травм сохраняли намеренно, примером чему служил запрет на восстановление храмов, разрушенных иноземцами во время персидского нашествия.

2.4. Мемориалы, воплощавшие коммеморативный символ «Герой»

В данном параграфе диссертационной работы рассматривается генезис мемориалов, воплощавших коммеморативный символ «Герой» как одного из видов коммеморативной практики периода античности. В результате будут выделены основные типы этого вида практики в контексте норм полисного патриотизма.

Для реализации целей исследования необходимо рассмотреть становление понятия «Герой» в античности, а также аспекты, вкладываемые в него учёными Нового и Новейшего времени.

В общепринятом смысле слово «Герой» имеет значение: доблестный человек; личность, известная своими подвигами [149, с. 120]. Корни этого слова следует искать в древнегреческом языке.

Слово *ἥρως* имеет следующие смыслы: 1) вождь, военный предводитель; 2) прославленный боец; 3) герой, человек выдающейся силы [50, с. 761]. Два первых определения означают человека, связанного с ратным делом, а последнее – мужа, покрытого славой, либо обладающего какими-то выдающимися физическими и моральными качествами. Все эти характеристики представляют собой оценку со стороны, которое даёт «героическому» лицу общество (в узком смысле – государство). Поэтому согласимся с определением, что в исторические времена *ἥρως* – индивид, служивший во благо своей страны [262, р. 656].

К рассматриваемому понятию неоднократно обращались европейские учёные XVIII–XX вв. Приведём две взаимодополняющие точки зрения, на наш взгляд, отражающие многогранность оценки выдающейся личности.

Согласно Г. В. Ф. Гегелю, герои – индивиды, возлагающие на себя всё бремя ответственности действий по реализации императивов справедливости и права [41, с. 244]. С другой стороны, время их деятельности – период нестабильности, когда миссия по установлению порядка является наиболее

востребованной [40, с. 142].

Т. Карлейль восторгался деяниями «великих людей», считая их предводителями человеческого рода, наставниками, образцами для подражания, выражением воли народных масс [81, с. 7]. Более того, по мнению этого британского учёного, всё выдающееся и прогрессивное в мире представляет собой результат воплощения идей великих личностей, «посланных в мир» [Там же].

Сделаем обобщение, что понятие «герой», сформулированное упомянутыми исследователями, включает две комплиментарные характеристики, представляя такого индивида в следующих качествах:

– спаситель человечества, осуществляющий функцию наведения порядка в период дестабилизации общества и государства (по Г. В. Ф. Гегелю);

– лидер, который аккумулирует прогрессивные мысли и чаяния современников, проявляя их на практике (по Т. Карлейлю).

Известный отечественный учёный А. А. Тахо-Годи в работе «Греческая мифология» определяет происхождение «героя» как сына или потомка бога и человека [201, с. 199]. Исследователь формулирует миссию такой личности в мире смертных: призвание исполнять волю небожителей, направлять жизнь людей, вносить в неё нравственность [Там же, с. 201]. Для реализации своего предназначения герой обладал огромной силой и сверхъестественными возможностями. Однако, он был смертен, подобно людям. Этот парадокс компенсировался вечной славой подвига полубога среди потомков [Там же].

Образ героя нашёл отражение в статуях и картинах (мозаиках и фресках).

Интерес к монументам героям-воинам, созданным в античности, возник в эпоху Возрождения. Например, известный политический деятель Николло Макиавелли (1469–1527 гг.) сравнивал доблесть древних греков и своих современников. Предпочтение великий флорентиец отдавал эллинам давно ушедшего славного времени. По его словам, от былых гражданских качеств остались только одни воспоминания, хотя даже фрагменты древних памятников ценились очень высоко [121, с. 127]. Леон-Баттиста Альберти в произведении

«Десять книг о зодчестве» хвалил античный опыт использования статуй в целях сохранения памяти об удивительных людях [5, с. 257]. Мишель де Монтень (1533–1593 гг.) в «Опытах» писал, что образы эллинских стратегов достойны исследования, если они воплощены в бронзе и мраморе [140, с. 701].

В эпоху Просвещения (XVII–XVIII вв.) возросший интерес к проблемам античной культуры не ослабел. Однако, многие западноевропейские учёные и писатели этого периода критически относились к памятникам прошедших времён. Они рассматривали их как продукт своей эпохи, отражавший все её достоинства и недостатки. Британский философ Б. Мандевиль (1670–1733 гг.) в «Исследовании о происхождении моральной добродетели» сделал вывод о том, что античные мемориалы символизировали не только добродетели, но и пороки своего времени, зримо показывали человеческое тщеславие [124, с. 71]. Французский философ-просветитель Жан-Жак Руссо (1712–1778 гг.) противопоставлял монументы в честь афинских демагогов образцам памятников во славу мужества, проявленного спартанцами на поле боя [179, с. 17].

Об изображении афинского стратега Хабрия как воплощения облика идеального античного героя, пишет известный немецкий учёный Готхольд Эфраим Лессинг (1729–1781 гг.) в своём произведении «Лаокоон» [108, с. 307]. Эта статуя, по мнению видного историка искусства Иоганна Иоахима Винкельмана (1717–1768 гг.), представляет собой человеческую фигуру, не приукрашенную воображением [35, с. 276].

Вслед за выдающимся немецким философом XX века Х.-Г. Гадамером мы можем сказать, что монументы античности со времён Возрождения «завладели нашими вкусами» [38, с. 196].

Истоки *героического этоса* надо искать в мифологии. По утверждению Гесиода (VIII–VII вв. до н. э.), прошлое и настоящее человеческого рода выступают в качестве процесса последовательной смены поколений: золотое, серебряное, медное, поколение героев и «железные люди» (современники поэта) [10, с. 62–63]. Причём, по Гесиоду, идёт регресс – ухудшение человеческой

породы и девальвация отношений в общественной и личной жизни. Можно заметить, что четвёртое поколение несколько выпадает из описанной схемы – это особый род полубогов, погибших в войнах. Их привилегированное положение определяется тем, что некоторые из его представителей обрели бессмертие и удостоились блаженной жизни отдельно от людей [Там же, с. 63].

Понимание героизма эволюционировало с развитием человеческого сознания. Полубоги более древних мифологических циклов силой и умением боролись с чудовищами (например, Персей и Беллерофонт). Поздний героизм приобрёл черты одухотворённости, примером чему служили: мечтатель-умелец Дедал, музыкант Орфей, провидцы Тиресий и Калхант, хитроумный странник Одиссей. Действия большинства мифических и исторических героев-воинов продиктованы патриотическими побуждениями – безусловной любовью к Отечеству [186, с. 14].

Деяния *ἥρωας* сопровождались помощью, либо противодействием божественных сил. Их подвиги и смерть являлись особым видом испытаний, за которыми следовало вознаграждение в форме обожествления (апофеоз). Известный отечественный исследователь Е. М. Мелетинский видел роль выдающейся личности в защите миропорядка и социума от сил хаоса и иноплеменников [136, с. 20–21]. Такой сверхчеловек сознательно жертвует своей жизнью ради других людей [120, с. 126]. «Эталонным» жизненным путём, образцовым для героя-воина, можно считать деяния и кончину наиболее значимых мифологических персонажей: Геракла, Тесея и Ахилла.

Очевидно, что выбор жизненного пути для них являлся осознанным актом. Так, в сократических сочинениях поздней классики описывается пророческий сон Геракла. В нём будущему герою предстоял выбор между Порочностью и Добродетелью, воплощённых в фигурах двух женщин [99, с. 59–62]. Геракл выбрал Добродетель, которая говорила полубогу о необходимости служить родному полису и творить «благо Элладе» [Там же, с. 61].

Тесей также стал героем по своему выбору. Он с малолетства восхищался доблестью Геракла и желал совершать подвиги в подражание ему [164, с. 8].

Наконец, герой Троянской войны Ахилл безропотно готов встретить свою кончину, предначертанную судьбой, достигнув «блистательной славы» в сражении [44, с. 261].

Таким образом, «жизнь» подобных легендарных личностей пронизана подвигами, совершёнными в соответствии с сознательным выбором (героическая жизнь). Их «кончина» ведёт к апофеозу и ослепительному ореолу в памяти потомков (героическая смерть). Обе указанные ипостаси равноценны в своём возвышенном устремлении, составляя сущность коммеморативного символа «Герой».

Хотя, согласно греческой мифологии, поколение полубогов жило в далёком прошлом, героические поступки можно встретить и в историческое время. Деяния такого масштаба превышали возможности простого человека, поэтому совершить подвиг он был способен только в составе полисного коллектива и ради родного Отечества, реализуя во благо соплеменников свой нравственный и творческий потенциал.

Эллинские представления о государстве эпохи классики отражены в учении Платона, согласно которому, по мнению немецкого философа В. Виндельбанда, полис являлся «человеком в больших размерах» [34, с. 145].

Народ в ипостаси сверхчеловека, состоящий из совокупности индивидуальных волей и чаяний, мог и обязан совершать героические поступки. Гражданин, как часть этой общности, приобщался к судьбе полубога в следующих случаях, если:

- вместе с соотечественниками побеждал врага на поле боя (совершал коллективный подвиг);
- погибал за Родину (осуществлял индивидуальный подвиг).

Отметим, что приведённые случаи имеют прямое соответствие с выделенным нами в § 1 гл. 1 данного диссертационного исследования основным принципом полисного патриотизма.

Коллективный герой-полис получил воплощение в памятниках Демосу как персонификация государства. В таком качестве Народ изображался

скульпторами и художниками, становился действующим лицом античных комедий. Приведём примеры, доказывающие данный тезис.

Спарта была центром аристократии. Такой род правления она стремилась насаждать и поддерживать у своих союзников. Тем не менее, на главной площади этого города также стояла грандиозная скульптура «Демоса спартанского» [152, с. 216]. Вероятно, её воздвигли в эллинистический период, когда строгие законы Ликурга, запрещавшие такие излишества, как сооружение статуй ушли в прошлое.

В Аттике – центре демократии в эпоху классики были воздвигнуты изваяния Демоса: в Пирее работы скульптора Леохара [152, с. 22], а в районе Керамика – Лисона [Там же, с. 26]. Рядом, в галерее (стое) изображены Демократия и Демос [Там же].

Мы не знаем, как выглядел Афинский Народ, отлитый в бронзе и нарисованный красками, но можем привести некоторые отзывы современников о его внешнем виде.

Художник Паррасий (ок. 440–380 гг. до н. э.) запечатлел Аттический Демос, стараясь показать его в противоположных состояниях от возвышенного благородства до низменной подлости, и «всё одинаковым образом» [162, с. 92].

Несколько по-иному представляли себе Народ простые афиняне времени агонии демократии (конец V в. до н. э.). Аристофан в комедии «Всадники» выставил его в образе дряхлого старика, готового прославить любого тщеславного демагога, который опутает его сладкими обещаниями [15, с. 162].

Показанная девальвация морального облика Демоса имела оборотной стороной возвышение образа личности, т. е. гражданина, воплощавшего идеалы полисного патриотизма.

Уже Платон призывал всемерно уважать доблестных мужей при жертвоприношениях и песнопениях [160, с. 269]. Он предлагал выражать им и другие знаки внимания, например, почётное место и кубок [Там же]. Погибшие со славой в бою относятся к «золотому поколению», поэтому их следовало погребать с благоговением и почитать их захоронения [Там же]. Подобные

привилегии надо оказывать и тем славным воинам, кто доживёт до старости и скончается естественной смертью [Там же]. Живые и павшие герои служили примером для воспитания особого сословия стражей в платоновском проекте государства [75, с. 241].

Таким образом, коммеморативным ядром для рассматриваемого нами вида одноимённой практики являлись военные подвиги выдающейся личности, в том числе, героическая гибель индивида в сражении за Отчизну.

Как отмечено в § 3 гл. 1 данного диссертационного исследования, коммеморативный символ «Герой» имеет три основных варианта [236, с. 357–358]:

- преобразовательная деятельность, в которой проявлены функции военачальника, законодателя и основателя полиса;
- успешное воинское служение в качестве победоносного полководца;
- самоотверженная гибель на поле боя.

Образ героя многократно отражён в произведениях скульпторов и художников. Статуя или картина позволяли наглядно представить типаж такой неординарной личности, реализуя значительную часть коммеморативных функций, прежде всего, функцию визуализации.

Сооружение памятников-статуй и написание портретов ещё в древности считалось одной из отличительных особенностей эллинской культуры [95, с. 85]. Иудейский учёный Иосиф Флавий (ок. 37–100 гг.) отмечал, что для греков воздвигать скульптуры считалось «превосходным обычаем» [73, с. 512].

Немецкий философ О. Шпенглер справедливо заметил, что в аттическом изваянии отражены положения о трёх аристотелевских единствах: «места, времени и действия» [233, с. 418]. Эти единства соответствуют моменту славы победителя на поле брани или в спортивном соревновании. Известно, что уже с IV в. до н. э. художники стали изображать бойцов в том виде, в каком они добились победы, запечатлевая миг их триумфа [88, с. 49]. Такое изваяние полководца Хабрия в образе простого гоплита афиняне воздвигли от имени государства в центре своего города [Там же].

Приведённый факт объясняет слова оратора Ликурга (ок. 396–323 гг. до н. э.), который в одной из речей хвалил своих сограждан за то, что только они способны ценить достойных людей. Он подчёркивал, что в других полисах можно найти лишь статуи спортсменов, но только в Аттике – ещё и храбрых полководцев, и тираноубийц [74, с. 533].

Известно, что скульптурные изображения воинов-победителей на поле брани и выдающихся атлетов древности имели портретное сходство [88, с. 49].

Согласно эстетическим представлениям, приписываемых Сократу, в арсенале изобразительных средств античного ваятеля имелись: воспроизведение жеста и движения; воплощение «состояния души» (душевных аффектов), отражённое в выражении глаз и мимики лица [99, с. 118–119].

Мастера греческой скульптуры периода классики, следуя этим канонам создали выдающиеся произведения искусства, исполненные величия, безмятежности и красоты [92, с. 301].

Теми же средствами пользовались и отдельные живописцы. Поэтому Аристотель считал, что юношеству следует восхищаться не картинами Павсона¹⁶, а творениями Полигнота¹⁷ или другого художника, сумевшего отразить нравственный облик изображаемых индивидуумов [14, с. 637].

При помощи памятника-статуи или картины, подражая дидактическим образам воспитывалась молодёжь. Это позволяло реализовывать социализирующую коммеморативную функцию.

Закон в Фивах обязывал художников и скульпторов наделять более возвышенными чертами тех, кого они изображают [241, с. 43]. За принижение телесных достоинств прототипов им грозил денежный штраф [Там же]. Приведённая правовая норма являлась выражением эстетической категории *калокагатии*, которая, согласно А. Ф. Лосеву, воплощала гармонию состояния души и тела [113, с. 186].

¹⁶ Павсон (IV в. до н. э.) – афинский художник, изображавший низкие стороны человеческой природы.

¹⁷ Полигнот из Фасоса (V в. до н. э.) – художник и скульптор, прославился своими произведениями на мифологические и исторические темы.

В связи с этим, вспомним замечание Плутарха о небольшой фигурке Фемистокла, помещённой в святилище Артемиды «Лучшей советницы»¹⁸. По свидетельству очевидцев, она наводила на мысль, что у этого стратега не только *психея*, но и внешность героя [164, с. 161].

Получалось, что античный образец красоты, как бы, «подтягивал» внешность реальных исторических лиц до масштаба их деяний.

Некоторые живописцы и ваятели в желании приукрасить образ военачальника шли на хитрость. Наиболее яркий пример такой идеализации облика героя – многочисленные скульптурные изображения стратега Перикла со шлемом на голове¹⁹, чтобы скрыть его телесный недостаток – продолговатый череп²⁰ [Там же, с. 198].

Согласно римскому учёному Плинию Старшему, тираноубийцам Гармодию и Аристокитону первым в Аттике создали статую от имени государства [162, с. 57]. Памятник соорудили после изгнания тиранов (513 г. до н. э.) [Там же]. Эта скульптура была увезена в Азию в качестве трофея во время персидского нашествия. Вместо неё мастерами Критием и Несиотом в первой половине V в. до н. э. воздвигнут новый монумент [189, с. 194–195].

Сохранившиеся копии данной мемориальной группы позволили американскому историку культуры В. В. Хайду (*W. W. Hyde*) заметить, что эти изваяния по композиции и форме повторяли статуи выдающихся олимпийцев [259, р. 176].

Скульптуры тираноубийц, генетически восходя к изображениям спортсменов, приобретали вместе с тем и соответствующее отношение окружающих, так как выдающиеся атлеты пользовались особым

¹⁸ названного в честь совета этого стратега, данного афинянам для победы над врагом.

¹⁹ по мнению французского исследователя В. Азулея (*V. Azoulay*) бюсты Перикла следуют сложившейся традиции изображения стратега с поднятым коринфским шлемом на голове [246, р. 34].

²⁰ существует также мнение, что Перикл скрывал под шлемом лысину [266, р. 169, 172; 277, р. 106].

покровительством Зевса и других богов [39, с. 40].

Одной из ипостасей героев-воинов были победители на общеэллинских спортивных соревнованиях: Олимпийских, Пифийских, Немейских и Истмийских. Современные исследователи отмечают, что атлетическая тренированность гоплитов играла важную роль для победы в бою [273, р. 94]. Она также имела решающее значение в их психологической подготовке [268, р. 71–75]. По мнению британского историка Т. Дж. Корнелла (*T. J. Cornell*) для греческого сознания совершенные воины всегда являлись прекрасными спортсменами [253, р. 32]. Последний тезис имеет многочисленные подтверждения. Например, безмерную храбрость проявил олимпионик кротонец Милон (вторая половина VI в. до н. э.), под предводительством которого в 510 г. до н. э. был взят город Сибарис [58]. Скульптуру Милона, творение известного ваятеля Дамея, видел путешественник II в. в Олимпии [152, с. 423]. Эта и другие статуи представляли героический образ атлета-патриота [190, с. 278].

Примером борца за свободу всей Эллады служил многократный победитель спортивных состязаний ахеец Хилон (вторая половина IV в. до н. э.), погибший в битве против македонян [152, с. 402].

Символ «Герой» в полной мере воплощён в скульптуре Хилона работы мастера IV в. до н. э. Лисиппа, установленной благодарными согражданами в Олимпии [Там же]. Изваяние в полной мере реализовало функцию визуализации. На его постаменте была вырезана надпись, где скрупулёзно перечислялись спортивные победы Хилона. Естественным продолжением спортивных достижений знаменитого атлета стала гибель во имя свободы эллинов [Там же]. Посредством этой статуи и посвятельному тексту проявлялась информационно-накопительная функция, а также миссия единения сограждан и всех греков. Последний пример доказывает тезис, что для античного сознания понятия герой-воин и герой-атлет являлись, в некотором роде, тождественными [273, р. 139].

И все же, афинский законодатель Солон считал, что ореол бессмертия,

приобретённый погибшими в бою гражданами, намного выше славы победителей в спортивных агонах [57, с. 71].

Персонифицированный тип коммеморативного ядра, связывающего славный исход в бою с именем конкретного воина, появился только в эпоху поздней классики. Тогда как прежде, героизировался лишь полисный коллектив. Например, Демосфен в речи, обращённой к афинянам, говорил о том, что в прошлом никто не посмел бы назвать победу при Марафоне и Саламине достижением исключительно Мильтиада и Фемистокла [53, с. 226]. Однако, его современники именовали стратегов Тимофея, Ификрата и Хабрия единоличными отцами их побед [Там же]. Здесь отмечена растущая тенденция к персонификации успехов в сражениях, которые ранее считались заслугой всей общины воинов-победителей.

Для дальнейшего рассмотрения указанной эволюции коммеморативного ядра обратимся к историческим примерам.

Во времена Греко-персидских войн считалось, что главным героем-вдохновителем победы при Марафоне (490 г. до н. э.) был именно афинский полководец Мильтиад (ок. 550–489 гг. до н. э.) [88, с. 13]. В уста этого стратега историк Геродот вкладывал знаменательную речь, в которой предрекалось великое значение будущей виктории для величия Отечества [43, с. 304].

Современники запечатлели доблесть афинян на картине Марафонской битвы, в центре которой оказался Мильтиад, наряду с другими стратегами руководящий ходом баталии [162, с. 90]. Через несколько столетий такие почести, оказанные этому военачальнику, считались очень умеренными [88, с. 13].

Младший современник Мильтиада спартанский царь Леонид, погибший при Фермопилах, удостоился памятников (в том числе, статуй и изображений) по всей Греции, но возведённых в более позднее время [3, с. 178]. Так, фрагмент мраморного изваяния Леонида, обнаруженный на спартанском Акрополе, мастерски и детально изображал царя во время битвы [221, с. 166]. Пафос борьбы передаёт его атлетически сложенный торс, голова, покрытая шлемом с высоким

гребнем и устремлённые с гневом на противника глаза.

Эта публичная памятная статуя (*public commemorative statue*) [247, p. 52] воплощала *архетип* героя-воина [186, с. 14]. Она реализовала весь спектр приведенных выше коммеморативных функций.

Возведение такой скульптуры непосредственно после совершения подвига было невысказано из-за строгих законов Ликурга. Очевидно, данная статуя Леонида была создана в период эллинизма или римского господства.

По словам Демосфена, полководец Конон (ум. ок. 392 г. до н. э.), победивший спартанский флот у Книды (394 г. до н. э.), первым из афинян после Гармодия и Аристокитона удостоился особой привилегии – сооружения за общественный счёт бронзового монумента [53, с. 32]. Этим засвидетельствован тот факт, что стратег, подобно тираноборцам, во многом способствовал концу господства лакедемонян в Элладе. Отметим, что Конон разгромил врага, руководя флотом, укомплектованным наёмниками. Он действовал без официальной поддержки афинского государства, поэтому имел все основания считать победу своей личной заслугой.

Череда героев эллинской античности завершалась Филопеменом, сыном Кравгида (253–183 гг. до н. э.). Писатель II в. свидетельствовал о том, что Мильтиад, одержавший победу при Марафоне, стал первым заступником всего эллинства, а Филопемени – последним [153, с. 164].

Бронзовая статуя Филопемени была воздвигнута членами Ахейского союза в Дельфийском святилище [165, с. 12]. Она изображала героя в ключевой момент противоборства с лаконским тираном [Там же].

Скульптуры этого стратега также были сооружены в союзных ахейцам полисах [Там же, с. 19]. Постамент одного из этих изваяний автор «Описания Эллады» видел в Тегее (Аркадия) на главной площади города, рядом с театром [153, с. 158]. О том, что здесь стояла статуя великого военачальника свидетельствовала надпись, составленная элегическими стихами [Там же, с. 165–166].

Монументы Филопемени, кроме визуализации и информационно-

накопительной, реализовали еще ряд коммеморативных функций (интеграции, социализирующая), которые отражали социальный заказ на памятники во славу борцов с тиранией в период эллинизма. Поэтому упоминание Павсания о том, что греки ценили Филопемена за его выдающиеся нравственные качества и мужество, не случайно [Там же, с. 159].

Тип героя, объединяющего в одном лице военачальника, основателя полиса и законодателя, появился в эпоху архаики. Полным воплощением коммеморативного символа «Герой» в статуе-памятнике можно считать скульптурный портрет афинского военного и государственного деятеля Солона. Здесь находит выражение весь спектр коммеморативных функций, связанных с социальным заказом, в данном случае – на идеал военачальника, законодателя, политика [235, с. 95].

Разносторонней деятельностью Солон подтверждал мысль Т. Карлейля о том, что герой является выдающейся личностью «во всех смыслах» [81, с. 849]. Именно в таком качестве обращался к образу Солона Демосфен [54, с. 334]. Он использовал понятие «памятник» чрезвычайно широко: от трофея, воздвигнутого в честь побед, до присоединения новых территорий к государству и создания законов [Там же]. Всё это, по праву, являлось свидетельствами выдающихся подвигов Солона, совершённых во время мира и войны.

Известно, что Солон был запечатлён в изваянии, отличительной особенностью которого являлось воспроизведение индивидуальной манеры держаться во время произнесения речи перед народом, положив руку под плащ [74, с. 611–612].

Здесь показано, что простой жест политика-военачальника, отвоевавшего Саламин, расценивался как знак глубокого уважения к согражданам, являя доступность и простоту Солона [Там же]. Этим реализовалась функция интеграции полисного коллектива вокруг фигуры Героя, облик которого представлен запоминающимся изваянием (функция визуализации).

Определённый диссонанс на таком фоне вызывал пример царя Агесилая. Спартанский царь уклонялся от попыток создать его скульптурный портрет. По

мнению лаконского воителя, мастерство ваятеля не способно в полной мере передать память о «добрых качествах» человека [98, с. 238]. Для моралиста Плутарха царь Лакедемона был настоящим эталоном скромности и чести, какой только достижим полководцем, потому что перед кончиной Агесилай наложил запрет на попытки изобразить собственный облик в бронзе и красках [165, с. 305].

Персонифицированный тип коммеморативного ядра нашёл отражение в деяниях царя Александра Македонского. По нашему мнению, образ этого завоевателя, запечатлённый в многочисленных монументах, в наибольшей степени вобрал все аспекты символа «Герой», созданные античностью. Эллина видели в македонском полководце воплощение своих помыслов об идеальном лидере, патриоте всей Греции.

Александр был воспитан Аристотелем. Юноша считал философа вторым отцом, которому он был обязан тем, что «живёт достойно» [Там же, с. 400]. Македонский владыка в детстве внимательно изучал «Илиаду» как способ приобретения воинской чести, что, во многом, определило его жизненный путь [Там же].

Официально война против персов, возглавленная царём, велась македонянами и эллинами совместно [16, с. 49]. По сути, Александр реализовал в жизнь военно-политическую программу Эллады, выраженную оратором Исократом: «...ты должен быть благодетелем эллинов, царём македонян, повелителем возможно большего числа варваров» [74, с. 109]. В приведённой цитате задан масштаб великих деяний по переустройству всего мира, достойный мифических героев Греции.

В своих поступках Александр подражал Ахиллу. Не случайно, прибыв к Илиону он почтил венком и спортивными состязаниями могилу этого легендарного воителя [165, с. 405].

Коммеморативный символ «Герой» воплощён в статуях Александра работы скульптора Лисиппа и картинах художника Апеллеса (IV в. до н. э.) [Там же, с. 397]. Есть мнение, что облик великого македонца отображён греческими

мастерами на основе их представлений о небожителях [258, s. 24]. Современные исследователи античного искусства также считают, что скульптурные портреты Александра работы Лисиппа представляли собой «вдохновлённого героя», который стал стереотипом в искусстве эпохи эллинизма [267, p. 397], являя собой скорее художественную парадигму, чем персону [276, p. 5]. Сохранившимся копиям изваяний македонского царя, как правило, придана форма гермы. И это закономерно, если учесть тот факт, что изначально гермы венчала голова божества [211, с. 40].

Лисипп действительно сумел создать статуи-памятники, являющиеся символами царской власти, воспроизводя умение македонского завоевателя даже взглядом наводить ужас на врагов. Например, о таком впечатлении от творения Лисиппа передаёт эпиграмма «Палатинской антологии» (AP XVI, 119), в которой выражение лица Александра, запечатлённое в меди, сравнивается с львиной личиной [46, с. 82]. Изваяния Александра вызывали панический страх не только у противников, но и у некоторых соотечественников [241, с. 89].

Скульптурные и портретные изображения македонского владыки реализовывали следующие коммеморативные функции:

- визуализации – создавая зрительный образ царя в художественных произведениях лучших греческих мастеров;
- информационно-накопительная – передавая память о событиях похода против персов потомкам;
- интеграции – объединяя македонян и эллинов вокруг образа царя-военачальника;
- социализирующая – воспитывая будущих стратегов на примере деяний выдающегося полководца.

Результатом прижизненного апофеоза македонского владыки стало появление статуй Александра в виде царя богов.

Впечатление от одной из них отражено в эпigramме поэта III в. до н. э. Асклепиада (AP XVI, 120), которая завершается «обращением» скульптурного портрета к самому верховному небожителю: «Землю беру я себе, ты же Олимпом

владей» [46, с. 79].

По свидетельству римского писателя Апулея (ок. 125–180 гг.), завоеватель даже издал указ, запрещающий любому скульптору или художнику запечатлеть его царственный лик, кроме Поликлета, Апеллеса и Пирготеля [12, с. 325]. Нарушителю этого указа грозила кара за святотатство [Там же], т. е. тем самым Александр уподоблял себя божеству.

Незадолго до своей кончины, македонский владыка был признан богом основными эллинскими полисами греческой ойкумены [229, с. 325]. Это вызвало появление его статуй в облике небожителя, которые использовались в религиозных ритуалах. Например, в III в. до н. э. на празднике в Александрии Египетской скульптурные портреты Александра Великого и царя Птолемея Лага стояли среди изваяний олимпийских богов и аллегорических изображений греческих городов [21, с. 260].

Персонифицированный тип коммеморативного ядра характерен и для эпохи эллинизма.

Политические наследники власти Александра – диадохи и эпигоны – также ставили себя вровень с обитателями Олимпа. Известно, что изображения эллинистических царей были воздвигнуты афинянами в Дельфах в знак уважения, либо под влиянием страха [153, с. 261–262].

Можно без преувеличения сказать, что образ Александра Македонского стал эталоном, которому пытались соответствовать правители эллинистического мира.

Так, эпирский царь Пирр (319–272 гг. до н. э.) считал собственную особу не только потомком, но и продолжателем дела великого завоевателя. После победы над одним из своих значимых противников, привыкшие питать уважение к храбрости македоняне и греки не скрывали своего восхищения этим владыкой [166, с. 218].

Слава до того вскружила голову царю, что он возомнил себя даже внешне похожим на Александра Великого, полагая, что его наружность является «точным слепком» облика македонского воителя [119, с. 214]. Только случай

заставил Пирра понять, что он оказался под влиянием придворных льстецов. Это произошло в Лариссе (Фессалия), когда эпирский владыка показал обычной старушке портреты Александра и его родственников, задав вопрос о наследственном сходстве [Там же]. Пирр был убеждён, что женщина укажет на сына Филиппа и удивился ответу, что он больше похож на городского повара [Там же]. Приведённое повествование в сатирической форме показывало истинную цену возвеличивания эллинистических правителей в глазах простых граждан греческих полисов.

Как было указано выше, приобщиться к участи героя можно было также путём гибели в бою. Этот факт служил коммеморативным ядром, а одноимённый символ «Герой» воплощался в братских и индивидуальных могилах.

Подвиг коллективного самопожертвования на поле брани составлял основу коммеморативного ядра в период архаики и ранней классики. Символ «Герой» наиболее полно реализовался в данные исторические периоды в форме братских погребений. Братское захоронение павших на Марафонском поле в течение столетий почиталось с благоговейным трепетом. Например, автор «Описания Эллады» писал, что погибших марафономахов благодарные потомки называли «героями» [152, с. 84]. Тех воинов, которые сложили головы за свободу Греции при Платеях, также именовали подобным почётным званием [164, с. 425].

В период классики появился персонифицированный тип коммеморативного ядра, связанный с личными заслугами военачальника. Символ «Герой» в этом случае был воплощён в форме индивидуальной могилы. Как показано в § 3 гл. 2, в городе Китии (остров Кипр) чтит память афинского полководца Кимона, принося на его захоронении жертвы как «высшему существу» [165, с. 171]. Такой же чести удостоился у амфипольцев лаконский стратег Брасид [214, с. 225].

С другой стороны, погребение завоевателя не вызывало подобных чувств. Примером может служить сдержанное отношение аргосцев к надгробию царя Пирра, расположенному на центральной площади их города [152, с. 153].

Указанные братские и индивидуальные могилы реализовывали коммеморативные функции: поминовение павших героев, информационно-накопительная, визуализации, интеграции, социализирующая.

Подведём итог изложенному в данном параграфе диссертационного исследования.

1. Нами рассмотрено становление коммеморативного символа «Герой» в трёх основных вариантах:

- преобразовательная деятельность;
- воинское служение в качестве храброго воина и победоносного военачальника;
- героическая смерть.

2. Все эти варианты нашли отображение в форме следующих типов памятников: статуя-памятник и историческая картина, а также братская и индивидуальная могила.

3. Коммеморативное ядро в исследуемом случае составляло деяние выдающейся личности: военный подвиг, в том числе героическая гибель в сражении.

4. В нём воплощались следующие принципы полисного патриотизма:

- 4.1. Победа на поле боя, воспринимаемая как подвиг.
- 4.2. Гибель на войне за родной полис или всю Грецию.

5. По характеристикам коммеморативного ядра рассматриваемые мемориалы можно классифицировать по типам:

- хронологически: относящиеся к периоду архаики, классики, эллинизму, римскому времени;
- по масштабу события: представляющих знаковые сражения междоусобной войны или борьбы за общеэллинскую свободу;
- по степени персонификации: памятники коллективному или индивидуальному героизму.

В период архаики и ранней классики подвиг в битве осознавался как

заслуга всего полисного коллектива. В последующие исторические эпохи наблюдалось становление персонифицированного типа коммеморативного ядра – победа стала приписываться военачальнику-стратегу.

6. Коллективный идеал символа «Герой» отображён в собирательном образе павших при Марафоне и воплощён в форме братской могилы.

7. Его персонифицированный идеал, отражённый, например, в обликах афинского законодателя Солона и македонского царя Александра, запечатлён в форме статуй и исторических картин.

8. При этом, существовал пример лаконского царя-воителя Агесилая, который запретил увековечивать себя в изваяниях и изображениях.

9. Статуя-памятник и картина позволяли реализовать основные коммеморативные функции: визуализации, информационно-накопительная, социализирующая, интеграции.

10. Братские и индивидуальные могилы, кроме перечисленных, реализовали функцию – поминовение погибших за Отечество.

Проделанный во второй главе данной диссертационной работы анализ видов коммеморативных практик позволяет сформулировать следующие выводы.

1. Исследованы могильные сооружения как воплощение коммеморативного символа «Героическая смерть».

1.1. Данный символ был реализован в форме братского, индивидуального или символического захоронения и надгробия над ними.

1.2. Коммеморативным ядром в этом случае являлось событие военной истории, закончившееся героической гибелью на поле боя.

1.3. В нём заключён один из основных принципов полисного патриотизма – акт самопожертвования за родной город и всю Элладу.

1.4. Братская и индивидуальная могила (или кенотаф) реализовали основные коммеморативные функции: воздаяние справедливости погибшим, визуализации, информационно-накопительная, компенсаторная,

социализирующая, интеграции.

2. Рассмотрены «места памяти» как воплощение коммеморативного символа «Героическая жизнь».

2.1. Возникновение мемориальных локусов являлось одним из важнейших видов коммеморативных практик античности, проявляющих этот символ в форме культурных ландшафтов пространств великих битв, а также – сооружений на местах сражений (трофеев).

2.2. Коммеморативным ядром в указанном случае служило событие военной истории: битва, морское сражение, осада города и т. д.

2.3. Оно воплощало один из принципов полисного патриотизма – защита полиса и Греции на поле боя как исполнение воинского долга.

2.4. Основными коммеморативными функциями служили: информационно-накопительная, визуализации, компенсаторная, интеграции и социализирующая.

3. Проведено исследование «священных мест памяти» как реализация коммеморативного символа «Наследие».

3.1. Мемориальные сакральные локусы были воплощением коммеморативного символа «Наследие» в форме алтарей и храмов-памятников, статуй богов на полях великих сражений, священных даров-посвящений и т. д.

3.2. Коммеморативное ядро в данном случае составляли судьбоносные победы на поле боя за родной полис и Грецию.

3.3. «Священные места памяти» воплощали следующие принципы полисного патриотизма:

- защита Родины как «святой земли»;
- акт принесения себя в жертву на «алтарь Отечества».

3.4. Мемориальные сакральные локусы реализовали следующие коммеморативные функции: поминовение павших воинов, визуализации, информационно-накопительная, интеграции, компенсаторная, социализирующая.

4. Проведено рассмотрение мемориалов, реализующих коммеморативный символ «Герой».

4.1. Он исследован в трёх основных вариантах:

- преобразовательная деятельность;
- воинское служение в качестве победоносного воина и военачальника;
- героическая смерть.

Вышеуказанные мемориалы нашли воплощение в форме статуй-памятников и картин, а также – братских и индивидуальных могил.

4.2. Коммеморативным ядром в данном виде практики являлись военные подвиги выдающихся личностей, представляя следующие принципы полисного патриотизма:

- победа на поле боя, воспринимаемая как подвиг.
- героическая гибель на войне за Родину.

4.3. Статуя-памятник и картина (фреска, мозаика) позволяли реализовать основные коммеморативные функции: визуализации, информационно-накопительная, социализирующая, интеграции.

4.4. Братская и индивидуальная могила, кроме перечисленных функций, воплощали функцию – поминовение погибших за Отечество.

Заключение

В настоящей диссертационной работе, посвящённой исследованию феномена «воинский памятник» в контексте культуры полисного патриотизма, сделаны следующие основные выводы.

В § 1 гл. 1 рассмотрены этапы становления интересующего нас явления – «культура полисного патриотизма», выделены базовые принципы полисного патриотизма.

Культура полисного патриотизма существовала в период с VIII в. до н. э. по V в. Объект этого феномена – античный полис – особая греческая форма социально-экономической, политической и культурной организации общества. Субъект данного явления – полноценный гражданин города-государства, а также, в разной степени, неграждане, женщины, рабы-эллины.

Согласно результатам исследований, полученным выдающимся учёным М. С. Каганом, культура полисного патриотизма рассмотрена нами с позиции трёх измерений: материальное, духовное и художественное. Эти измерения формировали возвышенно-эмоциональный, реализационно-деятельностный, общественный, личностный, государственный, духовно-религиозный и военный аспекты.

Апофеозом полисного патриотизма стал общегреческий вариант, а самыми высшими проявлениями считались подвиги, совершённые во имя свободы и независимости всей Эллады во время борьбы с иноземными захватчиками.

В античной литературе был создан идеал безусловной любви к Отчизне (Платон) и образ безупречного гражданина (Эсхин, Демосфен), которые не реализовались на практике в полной мере.

Исследование генезиса полисного патриотизма позволяет выделить его основные положения в порядке приоритета:

1. Оборона полиса и Эллады на поле боя, часто доходящая до

самопожертвования.

2. Защита государственного строя.

3. Исполнение гражданского долга во время мира и войны.

4. Отстаивание чести полиса на спортивных и иных соревнованиях.

5. Бережное отношение к историческому прошлому, уважение к традициям, культуре, деяниям предков.

В § 2 гл. 1 исследовано формирование понятия «воинский памятник» в контексте патриотической культуры античного города-государства.

В древности памятник реализовал две функции:

– трансляция социально-значимой информации из поколения в поколение в виде культурных символов (кодов);

– универсальный способ хранения прошлого в семантической форме.

Античный воинский памятник, как феномен культуры, представлял собой материализованный знак, воплощавший максимы полисного патриотизма в форме следующих основных типов:

– могильное сооружение: братское или индивидуальное (или символическое) захоронение воинов и полководцев, погибших в сражениях;

– мемориальное пространство (поле великого сражения), сооружение на местах значимых битв (трофеей);

– святилище, храм, алтарь и изваяние божества, посвященный дар небожителю во славу победы на поле брани;

– статуя-памятник или картина с изображением выдающихся воинов и полководцев.

В § 3 гл. 1 раскрыт механизм формирования концепта культурной памяти.

Данная память представляет собой концепт, включающий воинский памятник в контекст культуры полисного патриотизма в форме коммеморативных практик. Центральным явлением в таком процессе является коммеморация – способ закрепления, сохранения и передачи в обществе памяти о прошлом.

Согласно результатам исследования культуролога М. Л. Шуб, структура

коммеморации выражается в виде триады (ядро, символ, функция). Нами выделено четыре вида коммеморативных практик, характерных для античности, с воплощёнными в них одноимёнными символами:

- могильное сооружение – символ «Героическая смерть»;
- «место памяти» – символ «Героическая жизнь»;
- «сакральное место памяти» – символ «Наследие»;
- мемориал – символ «Герой».

В § 1 гл. 2 раскрыт генезис могильных сооружений как вида коммеморативной практики.

Символ «Героическая смерть» воплощался в форме места упокоения воинов, павших на поле брани – могильного сооружения: братское или индивидуальное захоронение, а также кенотаф.

Коммеморативным ядром являлось событие военной истории, закончившееся героической гибелью в сражении. Оно представляло один из основных принципов полисного патриотизма – акт самопожертвования за Отечество на поле боя.

Братское или индивидуальное погребение (или кенотаф) реализовали основные коммеморативные функции: воздаяние справедливости погибшим, визуализации, информационно-накопительная, компенсаторная, социализирующая, интеграции.

По характеристикам коммеморативного ядра могильные мемориалы можно классифицировать по типам:

- хронологически: сооружение, относящееся к периодам архаики, классики, эллинизма, римскому времени;
- по масштабу событий: погребение, погибших в междоусобной войне или в борьбе за общеэллинскую свободу;
- по степени персонификации: братское или индивидуальное захоронение (или кенотаф) военачальников и воинов.

Известны случаи, когда надгробие жертв военного преступления представляло пример деструктивного потенциала коллективной памяти,

передавая потомкам чувство осуждения к агрессору и сострадания к жертвам.

В § 2 гл. 2 раскрыт механизм формирования «места памяти» как вида коммеморативной практики.

Мемориальный локус воплощал символ «Героическая жизнь» в форме мемориального пространства великой битвы и сооружения на нём (трофея).

Коммеморативным ядром в данном виде одноимённой практики служило событие военной истории: сражение, морской бой, осада города и т. д. Оно представляло один из принципов полисного патриотизма – защита Родины как проявление воинского долга.

Основными коммеморативными функциями являлись: информационно-накопительная, визуализации, компенсаторная, интеграции и социализирующая.

«Места памяти» (пространства полей сражений) относились к топографической форме коммеморации, а сооружения на них (трофеи) – к переносным значимым вещам или архитектурным конструкциям и ансамблям.

В данном виде практики выделены следующие типы:

1. По масштабу событий коммеморативного ядра – межполисный или общеэллинический типы.

2. По хронологическому характеру событий данного ядра – мемориальные пространства и трофеи, связанные с борьбой за общеэллиническую свободу в ходе Греко-персидских войн (период классики). Широко представлены памятные локусы и победные сооружения на них других исторических периодов эпохи античности (архаики, эллинизма и римского времени).

Рассмотрены также «места памяти» (пространства полей сражений) и трофеи, являющиеся свидетельством травмы, нанесённой поражением, хранящие элементы деструктивных коллективных воспоминаний.

В § 3 гл. 2 раскрыт механизм формирования «священных мест памяти» как вида коммеморативной практики.

Эти мемориальные сакральные локусы, являясь воплощением коммеморативного символа «Наследие», включали:

1. Храм-памятник и алтарь божества – архитектурное сакральное

сооружение или ансамбль.

2. Статуя небожителя – монументальное сооружение на территории полей победоносных сражений.

3. Посвятительный дар божеству – переносная значимая вещь, связанная с событием военной истории или героической личностью.

4. Братская или индивидуальная могила (или кенотаф) – священный мемориал с привязкой к месту героической гибели на поле боя.

Коммеморативное ядро одноимённой практики составляли судьбоносные битвы за полисную общину и всю Грецию.

«Священные места памяти» представляли основные принципы полисного патриотизма:

- защита Родины как «святой земли»;
- акт принесения себя в жертву на алтарь Отечества.

Мемориальные сакральные локусы реализовали следующие коммеморативные функции: поминовение павших воинов, информационно-накопительная, визуализации, интеграции, компенсаторная, социализирующая.

Их можно классифицировать:

- по хронологическому признаку – относились к периодам архаики, классики, эллинизма и римской эпохе;
- по масштабу событий – представляли собой общеэллинский тип, связанный с защитой всей Эллады, а также указывали на факты межполисной вражды;
- по степени персонификации: если в период архаики и классики преобладал коллективный тип посвяtitельного дара божеству, то со времени поздней классики становится больше известно примеров индивидуального подхода.

«Священные места памяти» могли нести деструктивный потенциал коллективной памяти как свидетельства моральной травмы, нанесённой противником. Известны случаи, когда следы таких травм сохраняли намеренно, не восстанавливая храмы, разрушенные иноземцами во время персидского

нашествия.

В § 4 гл. 2 рассмотрены мемориалы, воплощавшие коммеморативный символ «Герой» как вид одноимённой практики.

Данный символ нашёл реализацию в следующих типах памятников: памятник-статуя и историческая картина, а также братское и индивидуальное захоронение (кенотаф).

Коммеморативное ядро в исследуемом случае составляли деяния героической личности: военный подвиг, в том числе смерть в сражении, проявляя следующие принципы полисного патриотизма:

1. Победа на поле брани, воспринимаемая как подвиг.
2. Гибель на войне за родной полис или Грецию.

По характеристикам коммеморативного ядра рассматриваемые мемориалы можно классифицировать:

- хронологически: относящиеся к периодам архаики, классики, эллинизма, римскому времени;
- по масштабу события: относящихся к междоусобной войне или к борьбе за общеэллинскую свободу;
- по степени персонификации: памятники коллективному или индивидуальному героизму.

В период архаики и классики подвиг на месте сражения представлен, почти исключительно, как заслуга всего полисного коллектива. В эпоху поздней классики и эллинизма наблюдается становление персонифицированного типа коммеморативного ядра – победа стала приписываться военачальнику-стратегу.

Коллективный идеал символа «Герой» наглядно отображён в собирательном образе павших при Марафоне и воплощён в форме братской могилы этих воинов.

Персонифицированный идеал этого коммеморативного символа, воплощённый в образах афинского законодателя Солона и македонского царя Александра Великого, был ярко запечатлён в форме статуй и исторических картин. При этом, существовал благородный образ героя-царя Агесилая,

который запретил увековечивать себя в скульптурных и художественных портретах.

Изваяние и картина, изображавшие героя, позволяли реализовать основные коммеморативные функции: визуализации, информационно-накопительная, социализирующая, интеграции.

Братское или индивидуальное погребение (или кенотаф) реализовывало функцию – поминовение погибших за Отечество.

Рассмотренный механизм преемственности культуры в античности, имел развитие в последующие исторические периоды [193, с. 127]. Военские памятники стали прототипами для подражания в контексте европейской и российской культур, получив достойное отображение в современных воинских мемориалах [186, с. 14].

Всё это позволяет по-новому определить место материального наследия древности в универсуме мировой культуры. Его ценность начала осознаваться уже в раннем средневековье, что проявилось, например, в первых византийских законах об охране античных памятников [200, с. 53].

В дальнейшем наследие прошлого было высоко оценено и творчески осмыслено в Новом и Новейшем времени.

Список литературы

1. Абаджи, О. В. Некоторые аспекты культурологического потенциала понятия «культурный ландшафт» // Евразийский Союз ученых. – 2014. – № 2 (5). – С. 130–131.
2. Аверинцев, С. С. Плутарх и античная биография: к вопросу о месте классика жанра в истории жанра / С. С. Аверинцев. – Москва: Наука, 1973. – 280 с.
3. Авл, Геллий. Аттические ночи. Книги I–X / Авл Геллий; пер. с лат. под общ. ред. А. Я. Тыжова. – Санкт-Петербург: Гуманитарная Академия, 2007. – 480 с.
4. Авл, Геллий. Аттические ночи. Книги XI–XX / Авл Геллий; пер. с лат. под общ. ред. А. Я. Тыжова, А. П. Бехтер. – Санкт-Петербург: Гуманитарная Академия, 2008. – 448 с.
5. Альберти, Леон-Баттиста. Десять книг о зодчестве. Фрагмент анонимной биографии. В 2 т. Т. 1 / Леон-Баттиста Альберти; пер. с лат. В. П. Зубова, Ф. А. Петровского. – Москва: Издательство всесоюзной академии архитектуры, 1935. – 392 с.
6. Аникин, Д. А. Проблематика фронта в исследованиях культурной памяти // Журнал фронтальных исследований. – 2020. – № 2. – С. 12–25.
7. Античная Греция. В 2 т. Т. 1 / Под ред. Е. С. Голубцова, Л. П. Маринович, А. И. Павловской, Э. Д. Фролова. – Москва: Наука, 1983. – 423 с.
8. Античная Греция. В 2 т. Т. 2 / Под ред. Е. С. Голубцова, Л. П. Маринович, А. И. Павловской, Э. Д. Фролова. – Москва: Наука, 1983. – 383 с.
9. Античная лирика. Библиотека всемирной литературы. Т. 4 / пер., сост. и примеч. С. К. Апт, Ю. Ф. Шульц. – Москва: Художественная литература, 1968. –

623 с.

10. Античная литература. Греция. Антология. Ч. 1 / Сост. Н. А. Федоров, В. И. Мирошенкова. – Москва: Высшая школа, 1989. – 512 с.

11. Аполлонов, И. А., Хлевов, А. А. Памятник в контексте исторической памяти // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2021. – № 4. – С. 76–85.

12. Апулей. Апология. Метаморфозы. Флориды / Апулей; пер. с лат. М. А. Кузмина, С. П. Маркиша. – Москва: Издательство АН СССР, 1959. – 435 с.

13. Аристотель. Афинская полития. Государственное устройство афинян / Аристотель; пер. с древнегреч. и примеч. С. И. Радцига. – 2-е изд. – Москва: Государственное социально-экономическое издательство, 1937. – 254 с.

14. Аристотель. Сочинения: В 4 т. Т. 4 / Аристотель; пер. с древнегреч., общ. ред. А. И. Доватура. – Москва: Мысль, 1983. – 830 с.

15. Аристофан. Всадники: Комедии / Аристофан; пер. с древнегреч. В. Н. Ярхо. – Харьков: Фолио, 2001. – 512 с.

16. Арриан. Поход Александра / Арриан; пер. с древнегреч. М. Е. Сергеенко, предисловие О. О. Крюгера. – Москва: МИФ, 1993. – 271 с.

17. Асмус, В. Ф. Платон / В. Ф. Асмус. – Москва: Мысль, 1975. – 224 с.

18. Ассман, А. Длинная тень прошлого: Мемориальная культура и историческая политика / Алейда Ассман; пер. с нем. Б. Н. Хлебникова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2014. – 328 с.

19. Ассман, А. Забвение истории – одержимость историей / Алейда Ассман; пер. с нем. Б. Н. Хлебникова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2019. – 552 с.

20. Ассман, Я. Культурная память: Письмо и память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности / Ян Ассман; пер. с нем. М. М. Сокольской. – Москва: Языки славянской культуры, 2004. – 368 с.

21. Афиней. Пир мудрецов. Книги I–VIII / Афиней; пер. с древнегреч.

Н. Т. Голинкевича. – Москва: Наука, 2003. – 656 с.

22. Басс, В. Г. Монумент: who controls the past? Об одном механизме архитектурной коммеморации // Социология власти. – 2017. – № 1 (29). – С. 122–155.

23. Бегунова, Е. А. Некоторые аспекты сравнительного анализа понятий «культурная память» и «историческая память» в зарубежной и отечественной гуманитаристике // Вестник Кемеровского государственного университета культуры и искусств. – 2019. – № 48. – С. 50–55.

24. Беликова, Е. А. Представления о сакральной территории в античном городе // Studia Humanitatis. – 2014. – № 1/2. – С. 18.

25. Белов, Г. Д. Алтарь Зевса в Пергаме / Г. Д. Белов. – Ленинград: Издательство Государственного Эрмитажа, 1958. – 56 с.

26. Бердяев, Н. А. Смысл истории / Н. А. Бердяев. – Москва: Мысль, 1990. – 175 с.

27. Большаков, В. П. Ценности культуры и время (некоторые проблемы современной теории культуры) / В. П. Большаков. – Великий Новгород: Новгородского государственного университета им. Ярослава Мудрого, 2002. – 112 с.

28. Большая советская энциклопедия. В 30 т. Т. 16. / гл. ред. А. М. Прохоров. – 3-е изд. – Москва: Советская Энциклопедия, 1974. – 616 с.

29. Борисов, Б. П. Патриотизм – понятие культурологии // Культурная жизнь Юга России. – 2017. – № 2 (65). – С. 144–148.

30. Борисов, И. А., Козьмин, Ф. Е. Изобретение гражданского общества в реформах Солона: полидисциплинарный анализ // Известия Лаборатории древних технологий. – 2019. – 1 (15). – С. 113–122.

31. Валла, Лоренцо. Об истинном и ложном благе. О свободе воли / Лоренцо Валла; пер. с лат. В.А. Андрушко, Н.В. Ревякиной, И.Х. Черняка. – Москва: Наука, 1989. – 475 с.

32. Ванеян, С. С. Камни памяти: монумент, документ, крипта, бункер

// Логос. – 2017. – № 6 (121). – С. 203–236.

33. Вельцер, Х. История, память и современность прошлого // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/istoriya-pamyat-i-sovremennost-proshlogo.html> (Дата обращения: 20.03.2022).

34. Виндельбанд, В. Платон / Вильгельм Виндельбанд; пер. с нем. А. А. Громбаха. – Киев: Зовнішторгвидав України, 1993. – 176 с.

35. Винкельман, И. И. История искусства древности. Малые сочинения / Иоганн Иоахим Винкельман; отв. ред. И. Е. Бабанов. – Санкт-Петербург: Алетейя, Государственный Эрмитаж, 2000. – 800 с.

36. Витрувий. Десять книг об архитектуре / Витрувий; пер. с лат. Ф. А. Петровского. – Москва: Издательство всесоюзной академии архитектуры, 1936. – 331 с.

37. Власова, Я. М. Визуальный образ в современной культуре: к постановке проблемы // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9. – 2010. – № 1 (8). – С. 127–129.

38. Гадамер, Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики / Ханс-Георг Гадамер; пер. с нем., общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. – Москва: Прогресс, 1988. – 704 с.

39. Гаспаров, М. Л. Об античной поэзии: Поэты. Поэтика. Риторика / М. Л. Гаспаров. – Санкт-Петербург: Азбука, 2000. – 477 с.

40. Гегель, Г. Ф. В. Философия права / Георг Фридрих Вильгельм Гегель; пер. с нем., ред. и сост. Д. А. Керимов, В. С. Несерсянц. – Москва: Мысль, 1990. – 524 с.

41. Гегель, Г. В. Ф. Эстетика: В 2 т. Т. 1. / Георг Фридрих Вильгельм Гегель; пер. с нем. Б. Г. Столпнера. – 2-е изд. – Санкт-Петербург: Наука, 2007. – 623 с.

42. Гердер, И. Г. Идеи к философии истории человечества / Иоганн Готфрид Гердер; пер. с нем. и примеч. А. В. Михайлова. – Москва: Наука, 1977. – 703 с.

43. Геродот. История в девяти книгах / Геродот; пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского. – Ленинград: Наука Ленинградское отделение, 1972. – 600 с.
44. Гомер. Илиада / Гомер; пер. с древнегреч. Н. Н. Гнедича. – Москва: Художественная литература, 1986. – 384 с.
45. Гонеева, В. В. Патриотизм и нравственность // Социально-гуманитарные знания. – 2002. – № 3. – С. 178–187.
46. Греческая эпиграмма / пер. с древнегреч. под ред. Ф. А. Петровского. – Москва: Гослитиздат, 1960 – 487 с.
47. Гриффен, Л. А. Памятниковедение: некоторые вопросы теории // Первый независимый научный вестник. – 2015. – № 1. – С. 74–81.
48. Гуторов, В. А. Политическая теория и политическая практика эпохи кризиса греческого полиса (о платоновском государственном деятеле) / В. А. Гуторов // Политические деятели античности средневековья и нового времени. Индивидуальные и социально-типические черты. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1983. – С. 28–37.
49. Даль, В. И. Толковый словарь живого великорусского языка. В 4 т. Т. 3 / В. И. Даль. – Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1955. – 555 с.
50. Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь. В 2 т. Т. 1 / И. Х. Дворецкий. – Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. – 1049 с.
51. Дворецкий, И. Х. Древнегреческо-русский словарь. В 2 т. Т. 2 / И. Х. Дворецкий. – Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1958. – 1904 с.
52. Дворецкий, И. Х. Латинско-русский словарь / И. Х. Дворецкий. – 2-е изд. перераб. и доп. – Москва: Русский язык, 1976. – 1096 с.
53. Демосфен. Речи. В 3 т. Т. 1 / Демосфен; пер. с древнегреч., отв. ред. Е. С. Голубцова, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролов. – Москва: Памятники исторической мысли, 1994. – 608 с.

54. Демосфен. Речи. В 3 т. Т. 2 / Демосфен; пер. с древнегреч., отв. ред. Е. С. Голубцова, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролов. – Москва: Памятники исторической мысли, 1994. – 544 с.

55. Демосфен. Речи. В 3 т. Т. 3 / Демосфен; пер. с древнегреч., отв. ред. Е. С. Голубцова, Л. П. Маринович, Э. Д. Фролов. – Москва: Памятники исторической мысли, 1995. – 624 с.

56. Джадт, Т. «Места памяти» Пьера Нора: чьи места? Чья память? // *Ab Imperio*. – 2004. – № 1. – С. 44–71.

57. Диоген Лаэртский. О жизни, учениях и изречениях знаменитых философов / Диоген Лаэртский; ред. тома и авт. вступ. ст. А. Ф. Лосев; пер. с древнегреч. М. Л. Гаспарова. – 2-е изд. – Москва: Мысль, 1986. – 571 с.

58. Диодор Сицилийский. Историческая библиотека / Диодор Сицилийский; пер. с англ. Д. В. Мещанского // Симпосий *Συμπόσιον*. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <http://www.symposium.ru/ru/node/9069> (Дата обращения: 20.03.2022).

59. Доватур, А. И. Феогид и его время / А. И. Доватур. – Ленинград: Наука, 1989. – 208 с.

60. Древний мир в памятниках его письменности. Часть II. Греция. / сост. Д. А. Жаринов, Н. М. Никольский, С. И. Радциг, В. Н. Стерлигов. – Москва: Государственное издательство, 1921. – 551 с.

61. Дройзен, И. История эллинизма. В 3 т. Т. 1 / Иоганн Дройзен; пер. с франц. М. Шелгунова. – Ростов-на-Дону: Феникс, 1995. – 606 с.

62. Еврипид. Трагедии. В 2 т. Т. 1 / Еврипид; пер. с древнегреч. И. Ф. Анненского. – Москва: Художественная литература, 1969. – 638 с.

63. Евтых, С. Ш. Античная скульптура как выразительница представлений о женской красоте // Вестник Адыгейского государственного университета. Серия 2. Филология и искусствоведение. – 2019. – № 3 (242). – С. 213–218.

64. Еремеева, С. А. Памяти памятников: практика монументальной коммеморации в России XIX – начала XX в. / С. А. Еремеева. – Москва:

Российский государственный гуманитарный университет, 2015. – 530 с.

65. Женин, И. А. Исторические мифы и коллективная память в пространстве исследовательских практик // Шаги/Steps. – 2021. – № 1 (7). – С. 9–28.

66. Жердева, Ю. А. Чувство места как категория социальной памяти // Международный журнал исследований культуры. – 2015. – № 2 (19). – С. 5–11.

67. Жуков, Е. М. Очерки методологии истории / Е. М. Жуков. – Москва: Наука, 1980. – 250 с.

68. Зайцев, А. И. Культурный переворот в Древней Греции VIII–V вв. до н. э. / А. И. Зайцев. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1985. – 208 с.

69. Зельин, К. К. Олимпионики и тираны // Вестник древней истории. – 1962. – № 4. – С. 21–29.

70. Земцова, Е. Е. Становление концепции эллинства и утверждение эллинской идентичности в эпоху архаики и классики // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. – 2017. – № 1 (54). – С. 55–63.

71. Иванова, С. Ю. Патриотизм в культуре современной России: дис. ...доктора филос. наук / С. Ю. Иванова. – Ставрополь, 2004. – 403 с.

72. Ильин, И. А. Религиозный смысл философии // Путь к очевидности: Сочинения / И. А. Ильин. – Москва: ЭКСМО-пресс, 1998. – 912 с.

73. Иосиф Флавий. Иудейские древности. В 2 т. Т. 2. Кн. 13–20. О древности иудейского народа (Против Апиона) / Иосиф Флавий; пер. с древнегреч., примеч. Г. Г. Генкеля. – Москва: АСТ: Ладомир, 2007. – 612 с.

74. Исократ. Речи. Письма. Малые аттические ораторы. Речи / Исократ; пер. с древнегреч. Э. Д. Фролова. – Москва: Ладомир, 2013. – 1072 с.

75. Йегер, В. Пайдейя. Воспитание античного грека (эпоха великих воспитателей и воспитательных систем) / Вернер Йегер; пер. с нем. М. Н. Ботвинника. – Москва: Греко-латинский кабинет, 1997. – 335 с.

76. Йейтс, Ф. Искусство памяти / Фрэнсис Йейтс; пер. с англ. Е. В. Малышкина – Санкт-Петербург: Университетская книга, 1997. – 480 с.
77. Каган, М. С. Введение в историю мировой культуры. Кн. 1 / М. С. Каган. – Санкт-Петербург: Петрополис, 2003. – 368 с.
78. Каган, М. С. Философия культуры / М. С. Каган. – Санкт-Петербург: Петрополис, 1996. – 415 с.
79. Каган, М. С. Философская теория ценности / М. С. Каган. – Санкт-Петербург: Петрополис, 1997. – 205 с.
80. Калина, Н. Д. Модель существенных признаков визуальной культуры как критериев исследования артефактов и конструирования новых визуальных образов // Человек и культура. – 2021. – № 2. – С. 51–63.
81. Карлейль, Т. Герои, почитание героев и героическое в истории / Томас Карлейль; пер. с англ. В. И. Яковенко. – Москва: Эксмо, 2008. – 864 с.
82. Карпюк, С. Г. Взгляды Ксенофонта на патриотизм // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. – 2014. – № 14. – С. 347–356.
83. Карпюк, С. Г. Два патриотизма в «Истории» Фукидида // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. – 2010. – № 10 (53). – С. 101–116.
84. Квинт Курций Руф. История Александра Македонского. С приложением сочинений Диодора, Юстина, Плутарха об Александре / Квинт Курций Руф; пер с лат., отв. ред. А. А. Вигасин. – Москва: Издательство Московского государственного университета, 1993. – 464 с.
85. Конвенция об охране всемирного культурного и природного наследия (принята 16 ноября 1972 года Генеральной конференцией Организации Объединенных Наций по вопросам образования, науки и культуры) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/heritage.shtml (Дата обращения: 20.03.2022).
86. Конев, В. А. Человек пьедестала и человек подиума // Международный

журнал исследований культуры. – 2020. – № 2 (39). – С. 6–17.

87. Константин VIII Багрянородный. Об управлении империей / Константин Багрянородный; пер. с греч., коммент. Г. Г. Литаврина, А. П. Новосельцева. – Москва: Наука, 1989. – 493 с.

88. Корнелий Непот. О знаменитых иноземных полководцах. Из книги о римских историках / Корнелий Непот; пер. с лат. и коммент. Н. Н. Трухиной. – Москва: Издательство Московского государственного университета, 1992. – 208 с.

89. Корнилов, Ю. В. Панэллинизм в восточной кампании Александра Великого: историография вопроса // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2020. – № 1. – С. 53–63.

90. Корнющенко-Ермолаева, Н. С. Идеология versus коллективная историческая память? К истории дискурса // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2021. – № 60. – С. 64–73.

91. Кособуцкая, Н. Ю. Концептуальное наполнение феномена «культурная память» // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 3 (51). – С. 99–104.

92. Коттерилл, Г. Б. Древняя Греция / Генри Бернанд Коттерилл; пер. с англ. К. А. Сошинской. – Москва: Эксмо, 2006. – 636 с.

93. Кочеляева, Н. А. Взаимодействие механизмов памяти и забвения в исторической перспективе // Культурологический журнал. – 2012. – № 1 (7). – С. 1–12.

94. Кравченко, И. Г. Памятник как социокультурный феномен // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 7. Философия. Социология и социальные технологии. – 2008. – № 1 (7). – С. 60–63.

95. Круглова, Л. К. Античный тип культуры // Вестник культурологии. – 2018. – № 4 (87). – С. 83–87.

96. Круткин, В. Л. Материальность и имматериальность артефактов культурного ландшафта // Вестник Удмуртского университета. Социология. Политология. Международные отношения. – 2018. – № 2 (1). – С. 14–22.

97. Ксенофонт. Анабасис. Греческая история / Ксенофонт; пер. с древнегреч. М. И. Максимовой, С. Я. Лурье, С. И. Соболевского. – Москва: АСТ: Ладомир, 2003. – 641 с.
98. Ксенофонт. Киропедия / Ксенофонт; пер. с древнегреч. В. Г. Боруховича, Э. Д. Фролова. – Москва: Наука, 1976. – 334 с.
99. Ксенофонт. Сократические сочинения / Ксенофонт; пер. с древнегреч., вступ. ст. и примеч. С. И. Соболевского. – Москва: Мир книги, Литература, 2007. – 368 с.
100. Куманецкий, К. История культуры Древней Греции и Рима / Казимеж Куманецкий; пер. с пол. В.К. Ронина. – Москва: Высшая школа, 1990. – 351 с.
101. Курохтина, С. Р. Проблема образа в визуальных исследованиях // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Психология. Философия. Педагогика. – 2019. – № 4 (19). – С. 367–370.
102. Кучуков, М. М. Исторические типы патриотизма: дис. ...канд. философских наук / М. М. Кучуков. – Ростов-на-Дону, 1983. – 224 с.
103. Лавренова, О. А. Семиотическая концепция культурного ландшафта // Человек: Образ и сущность. Гуманитарные аспекты. – 2019. – № 1 (36). – С. 38–47.
104. Лаптева, М. Ю. Патриотизм и предательство в политической истории архаической Ионии // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2016. – № 1. – С. 22–29.
105. Лейбенсон, Ю. Т. «Да будет легок тебе всякий камень»: представления северопонтийских эллинов о посмертной участи (по материалам эпиграфических памятников) // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Исторические науки. – 2012. – № 2 (64). – С. 132–143.
106. Леонов, И. В., Кириллов, И. В. «Страдание» как форма бытования артефактов // Ярославский педагогический вестник. – 2020. – № 1 (112). – С. 196–

203.

107. Леонов, И. В., Кириллов, И. В. «Страдающий» артефакт: основные формы воплощений и особенности восприятия // Ярославский педагогический вестник. – 2019. – № 6 (111). – С. 176–183.

108. Лессинг, Г. Э. Лаокоон, или о границах живописи и поэзии / Готхольд Эфраим Лессинг; общая ред., вступ. статья и примеч. Г. М. Фридлиндера. – Москва: Государственное издательство Художественной литературы, 1957. – 519 с.

109. Лисий. Речи / Лисий; пер. с древнегреч., вступ. ст. и коммент. С. И. Соболевского. – Москва: Ладомир, 1994. – 373 с.

110. Логунова, Л. Ю. Историческая и социальная память: парадоксы и смыслы // Идеи и идеалы. – 2019. – № 1 (11). – С. 227–253.

111. Логунова, Л. Ю., Рычков В. А. Поле памяти: конструирование и борьба нарративов // Идеи и идеалы. – 2020. – № 4/1 (12). – С. 191–213.

112. Лоро, Н. Разделенный город. Забвение в памяти Афин / Николь Лоро; пер. с франц. С. А. Ерамкова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2021. – 360 с.

113. Лосев, А. Ф. Статьи из «Энциклопедии художественных наук» // Философский журнал / Philosophy Journal. – 2021. – № 1 (14). – С. 182–192.

114. Лосев, А. Ф. Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев. – Москва: Политиздат, 1991. – 525 с.

115. Лотман, Ю. М. Беседы о русской культуре: быт и традиции русского дворянства (XVIII – начало XIX в.) / Ю. М. Лотман. – 2-е изд., доп. – Санкт-Петербург: Искусство – СПб, 1996. – 399 с.

116. Лотман, Ю. М. Память в культурологическом освещении // Семиосфера / Ю. М. Лотман. – Санкт-Петербург: Искусство – СПб, 2010. – С. 673–676.

117. Лотман, Ю. М. Семиотика кино и проблемы киноэстетики / Ю. М. Лотман. – Таллин: Ээсти Раамат, 1973. – 92 с.

118. Лузик, Н. П. Патриотизм как социокультурный феномен: дис. ... канд.

филос. наук / Н. П. Лузик. – Санкт-Петербург, 2007. – 161 с.

119. Лукиан. Избранная проза / Лукиан; пер. с древнегреч. И. М. Нахова – Москва: Правда, 1991. – 720 с.

120. Лычева, А. С. Проблема жизни и смерти в культуре доиндустриального общества // Вестник Донского государственного технического университета. – 2012.– № 6 (67). – С. 125–131.

121. Макиавелли, Н. Государь. Сочинения / Николло Макиавелли; пер. с ит. Н. Я. Рыковой. – М.: Эксмо, Харьков: Фолио, 2005. – 672 с.

122. Маковельский, А.О. Софисты / А.О. Маковельский. – Баку: Азербайджанский государственный университет им. С. М. Кирова, 1941. – 100 с.

123. Мальцер, Р. И., Недбайлик, С. Р. Эпиграммы как малый литературный жанр: обзор античных традиций // Вестник Шадринского государственного педагогического университета. – 2019. – № 1 (41). – С. 145–150.

124. Мандевиль, Б. Басня о пчелах / Бернард Мандевиль; общ. ред. и вступ. статья Б. В. Мееровского, пер. с англ. Е. С. Лагутина. – Москва: Мысль, 1974. – 376 с.

125. Марк Тулий Цицерон. Диалоги. / Марк Туллий Цицерон; пер. с лат., сост. И. Н. Веселовский, В. О. Горенштейн, С. Л. Утченко, отв. ред. С. Л. Утченко. – Москва: Наука, 1966. – 224 с.

126. Марк Тулий Цицерон. Избранные сочинения. / Марк Туллий Цицерон; пер. с лат., сост. и ред. М. Л. Гаспарова. – Москва: Художественная литература, 1975. – 456 с.

127. Марк Тулий Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях / Марк Туллий Цицерон; пер. с лат. В. О. Горенштейна. – Москва: Наука, 1975. – 247 с.

128. Марк Фабий Квинтилиан. Двенадцать книг риторических наставлений / Марк Фабий Квинтилиан; пер. с лат. А. С. Никольского. – Санкт-Петербург, 1834. – 106 с.

129. Мартынов, М. Ю., Габернкорн, А. И. Дети Логоса или как хитроумные греки сконструировали себе гражданскую идентичность // Вестник Пермского университета. Политология. – 2020. – № 14 (4). – С. 76–84.

130. Мартынов, М. Ю., Габеркорн, А. И. Концепт патриотизма в процессах формирования гражданской идентичности // Вестник Московского государственного областного университета (электронный журнал). – 2018. – № 4 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: www.evestnik-mgou.ru. (Дата обращения: 20.03.2022).

131. Мастеница, Е. Н. Культурное наследие в современном мире: концептуализация понятия и проблематики // Труды Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2008. – № 180. – С. 252–262.

132. Матвейчев, О. А. Истоки культа Аполлона и первопоэт Олен // Антиномии. – 2020. – № 3 (20). – С. 7–21.

133. Материалисты древней Греции / пер. с древнегреч., сост., вступ. ст., коммент. М. А. Дынник. – Москва: Государственное издательство политической литературы, 1955. – 238 с.

134. Махлаюк, А. В. Греческий патриотизм в контексте *Pax Romana*: полисные традиции и имперские реалии // Мнемон. Исследования и публикации по истории античного мира. – 2018. – № 18-2. – С. 116–141.

135. Маяк, И. Л. Рим первых царей (Генезис римского полиса) / И. Л. Маяк. – Москва: Издательство МГУ, 1983. – 272 с.

136. Мелетинский, Е. М. О литературных архетипах / Е. М. Мелетинский. – Москва: Российский государственный гуманитарный университет, 1994. – 136 с.

137. Мельников, С. А. Античный «спорт» // Логос. – 2013. – № 5 (95). – С. 159–179.

138. Миронов, А. В. Идея патриотизма в греческой философии // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: Психология. Философия. Педагогика. – 2016. – № 3 (16). – С. 276–280.

139. Мирончик, Е. И. «Комплекс Кроноса» метафорический образ бога войны Ареса как теневая проекция Зевса // Sciences of Europe. – 2021. – № 63. – С. 52–54.

140. Монтень, М. Опыты: Сборник эссе в 3 т. Кн. 1 и 2 / Мишель Монтень;

пер. со старофранц. А. С. Бобовича. – Минск: Попурри, 2004. – 832 с.

141. Мордовина, Л. В. Историография патриотизма в армии // Аналитика культурологии. – 2014. – № 3 (30). – С. 96–107.

142. Нечаева, А. А. Нарративный анализ как метод исследования коллективной памяти // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Философия. Социология. Искусствоведение. – 2020. – № 2. – С. 81–93.

143. Нечаева, А. А. Становление Memory Studies как отдельной области знания: основные вопросы и понятия // Вестник Нижегородского университета им. Н.И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2020. – № 4 (60). – С. 121–129.

144. Ницше, Ф. Собрание сочинений. В 5 т. Т. 1 / Фридрих Ницше; пер. с нем. Я. А. Бермана, Т. Б. Гейликмана, Г. А. Рачинского, С. Л. Франка. – Санкт-Петербург: Азбука, Азбука – Аттикус, 2011. – 480 с.

145. Новосильнов, А. С., Сивкина, Н. Ю. К вопросу об интерпретации хода сражения при Херонее 338 г. до н. э. // Via in tempore. История. Политология. – 2020. – № 4 (47). – С. 673–682.

146. Новосильнов, А. С., Сивкина, Н. Ю. Херонейский лев: к вопросу об идеологическом обосновании установки памятника // Научные ведомости Белгородского государственного университета. Серия, История. Политология. – 2018. – № 2 (45). – С. 205–211.

147. Нора, Пьер. Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Пюимеж, М. Винок / Пьер Нора; пер. с франц. Д. Р. Хапаевой. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университет, 1999. – 325 с.

148. Овчухова, Ю. О. Эпитафия как малая поэтическая форма // Бюллетень медицинских интернет-конференций. – 2014. – № 5 (4). – С. 457.

149. Ожегов, С. И. Словарь русского языка. – Москва: Государственное издательство иностранных и национальных словарей, 1961. – 900 с.

150. Олик, Дж. К. Коллективная память: две культуры // Историческая экспертиза. – 2018. – № 4 (17). – С. 22–49.

151. Ораторы Греции / пер. с древнегреч., сост. и науч. подгот. текстов М. Л. Гаспарова; вступ. статья В. Г. Боруховича. – Москва: Художественная литература, 1985. – 495 с.

152. Павсаний. Описание Эллады. В 2 т. Т. 1. Кн. I–VI / Павсаний; пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева под ред. Е. В. Никитюк. – Москва: АСТ, Ладомир, 2002. – 492 с.

153. Павсаний. Описание Эллады. В 2 т. Т. 2. Кн. VII – X / Павсаний; пер. с древнегреч. С. П. Кондратьева под ред. Е. В. Никитюк. – Москва: АСТ, Ладомир, 2002. – 503 с.

154. Первушина, О. В. Культурная память: проблемное поле исследования // Учёные записки (Алтайская государственная академия культуры и искусств). – 2019. – № 2 (20). – С. 34–39.

155. Петров, М. К. Язык. Знак. Культура / М. К. Петров. – Москва: Наука. Главная редакция восточной литературы, 1991. – 328 с.

156. Пирс, Ч. С. Что такое знак? // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. – 2009. – № 3 (7). – С. 88–95.

157. Платон. Диалоги / Платон; пер. с древнегреч.; сост., ред. и авт. вступит. статьи А. Ф. Лосев; авт. примеч. А. А. Тахо-Годи. – Москва: Мысль, 1986. – 607 с.

158. Платон. Сочинения. В 3 т. Т. 1. / Платон; пер. с древнегреч. под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. – Москва: Мысль, 1968. – 623 с.

159. Платон. Сочинения. В 3 т. Т. 2. / Платон; пер. с древнегреч. под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. – Москва: Мысль, 1970. – 611 с.

160. Платон. Сочинения. В 3 т. Т. 3. Ч. 1. / Платон; пер. с древнегреч. под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. – Москва: Мысль, 1971. – 687 с.

161. Платон. Сочинения. В 3 т. Т. 3. Ч. 2. / Платон; пер. с древнегреч. под общ. ред. А. Ф. Лосева, В. Ф. Асмуса. – Москва: Мысль, 1972. – 678 с.

162. Плиний Старший. Естествознание. Об искусстве / Плиний Старший; пер. с лат. Г. А. Тароняна. – Москва: Ладомир, 1994. – 941 с.

163. Плутарх. Застольные беседы / Плутарх; пер. с древнегреч. Я. М. Боровского, М. Н. Ботвинника, Н. В. Брагинской. – Ленинград: Наука, 1990. – 592 с.

164. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. Т. 1 / Плутарх; пер. с древнегреч. С. П. Маркиш, С. И. Соболевского. – Москва: Издательство академии наук СССР, 1961. – 504 с.

165. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. Т. 2 / Плутарх; пер. с древнегреч. М. Е. Грабарь-Пассек, С. П. Маркиш. – Москва: Издательство академии наук СССР, 1963. – 548 с.

166. Плутарх. Сравнительные жизнеописания. В 3 т. Т. 3 / Плутарх; пер. с древнегреч. С. П. Маркиш. – Москва: Наука, 1964. – 547 с.

167. Поршнева, В. П. Канон семи чудес света Филона Византийского // Вестник Санкт-Петербургского государственного института культуры. – 2020. – № 2 (43). – С. 92–98.

168. Почепцов, Г. Г. Семиотика / Г. Г. Почепцов. – Москва: Рефл-бук, Киев: Ваклер, 2002. – 432 с.

169. Пузанова, О. А., Шокин, С. Е. Патриотизм как консолидирующий фактор общественной жизни и конституционного строя страны // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. – 2020. – № 10. – С. 172–175.

170. Пятилетова, Л. В., Панагушина, Ю. С. Человек и судьба в зеркале Античной культуры // Концепт. – 2013. – № 9. – С. 1–6.

171. Радциг, С. И. История древнегреческой литературы / С. И. Радциг. – 5-е изд. – Москва: Высшая школа, 1982. – 487 с.

172. Рикёр, П. Память, история, забвение / Поль Рикёр; пер. с франц. И. И. Блауберг, И. С. Вдовиной, О. И. Мачульской, Г. М. Тавризян. – Москва: Издательство гуманитарной литературы, 2004. – 728 с.

173. Рогачев, П. М., Свердлин, М. А. Патриотизм, классы, революция / П. М. Рогачев, М. А. Свердлин. – Москва: Политиздат, 1979. – 208 с.

174. Родоман, Б. Б. Традиционный культурный ландшафт: основные проблемы типологии, районирования и воображения // Культурная география. –

2011. – № 4 (5). – С. 47–53.

175. Рубин, В. А. Основные этапы создания и функционирования объектов военно-мемориального наследия // Культура и искусство. – 2021. – № 1. – С. 37–48.

176. Рубин, В. А., Спиридонова, Е. В., Шуб, М. Л. Сущностные параметры военно-мемориального наследия как феномена культуры // Культура и искусство. – 2020. – № 9. – С. 55–67.

177. Рунг, Э. В. Греко-персидские войны в поэтической традиции греков: от Симонида Кеосского до Эсхила // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. – 2007. – № 4. – С. 149–158.

178. Рунг, Э. В. Понятие «патриотизм» и его древнегреческие коннотации // Проблемы истории, филологии, культуры. – 2013. – № 2. – С. 304–314.

179. Руссо, Ж.-Ж. Сочинения / Жан-Жак Руссо; пер. с франц. Н. И. Кареев и др.; сост. и ред. Т. Г. Тетенькина. – Калининград: Янтарный сказ, 2001. – 416 с.

180. Русяева, А. С. О Присяге граждан Херсонеса Таврического и загадочном слове ΣΑΣΤΗΡ // Боспорские исследования. – 2010. – Вып. XXIII. – С. 191–213.

181. Садохина, Н. Е., Шадкий, О. Г. Политико-юридическое содержание древнегреческих источников по изучению права и государства архаического и классического периодов Древней Греции // Историко-правовые проблемы: Новый ракурс. – 2021. – № 1. – С. 101–124.

182. Свиркина, Н. Г., Володин, С. Е. Опыт применения экспериментального метода для изучения античного обряда кремации // Вестник Московского университета. Серия 23. Антропология. – 2019. – № 4 (66). – С. 114–125.

183. Селезнёва, М. П. Истинный героизм – духовная составляющая общества // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. – 2019. – № 11/2 (38). – С. 157–160.

184. Семёнова, Г. В., Вакилова, С. А., Полфёрова, А. С. Коммеморативные практики и их роль в актуализации исторической памяти человека в

современном мире // Развитие человека в современном мире. – 2019. – № 3. – С. 40–47.

185. Серикова, Т. Ю. Трансформация понятий «визуальный» и «художественный» образы в современной культуре // Известия Алтайского государственного университета. – 2010. – № 2/1 (66). – С. 152–155.

186. Скуридин, О. А. Воплощение эллинского культурного архетипа героя-воина в патриотических образах памятников-статуй и исторических картин // Вестник Казанского государственного университета культуры и искусств. – 2021. – № 3. – С. 9–15.

187. Скуридин, О. А. Могильные сооружения периода античности (VII–IV вв. до н. э.) как символ высочайшего патриотизма // Таврические студии. Серия Культурология. – 2013. – № 3. – С. 83–90.

188. Скуридин, О. А., Масаев, М. В. О формах реализации культурной практики сооружения воинских памятников в эллинской античности и формирования гуманистического мировоззрения // Архонт. – 2020. – № 6 (21). – С. 34–43.

189. Скуридин, О. А. Памятник тираноубийцам Гармодию и Аристоклону как морально-нравственный символ // Херсонесский сборник. – 2019. – № 20. – С. 193–196.

190. Скуридин, О. А. Памятники олимпийцам как символы полисного патриотизма / О. А. Скуридин // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: мат. науч. конф. 20–24 сентября 2021 г. – Севастополь, 2021. – Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-археологический музей-заповедник «Херсонес Таврический». – С. 277–279.

191. Скуридин, О. А. Памятники тиранам в упоминаниях античных авторов: культурно-идеологический аспект / О. А. Скуридин // Античные реликвии Херсонеса: открытия, находки, теории: мат. науч. конф. 17–19 сентября 2019 г. – Севастополь, 2019. – Федеральное государственное бюджетное учреждение культуры «Государственный историко-археологический музей-

заповедник «Херсонес Таврический». – С. 227–229.

192. Скуридин, О. А. Патриотические основания античного олимпизма: философско-культурологический анализ скульптурных образов олимпийских атлетов // Гуманитарные ведомости Тульского государственного педагогического университета им. Л. Н. Толстого. – 2021. – № 3 (39). – С. 136–148.

193. Скуридин, О. А. Эллинский воинский памятник и механизм культурной преемственности в эпоху Античности // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2020. – № 3 (95). – С. 120–128.

194. Словарь античности / пер. с нем. В. И. Горбушиной, Л. И. Грацианской и др. – Москва: Прогресс, 1989. – 704 с.

195. Соломоник, Э. И. Каменная летопись Херсонеса / Э. И. Соломоник. – Симферополь: Таврия, 1990. – 110 с.

196. Степанов, Ю. С. Константы. Словарь русской культуры. Опыт исследования / Ю. С. Степанов. – Москва: Школа «Языки русской культуры», 1997. – 824 с.

197. Страбон. География / Страбон; пер. с древнегреч., ст. и комм. Г. А. Стратановского; под общ. ред. С. Л. Утченко. – Москва: Наука, 1964. – 944 с.

198. Стрелецкий, Я. И., Сидоренко, Н. С. Феномен российского патриотизма: социально-философский анализ // Общество: философия, история, культура. – 2018. – № 6. – С. 16–20.

199. Суворов, Н. Н. Памятник культуры как воображаемая реальность // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусств. – 2017. – № 4 (33). – С. 76–80.

200. Сюзюмов, М. Я. Византийские этюды / М. Я. Сюзюмов. – Екатеринбург: Издательство Уральского университета, 2002. – 396 с.

201. Тахо-Годи, А. А. Греческая мифология / А. А. Тахо-Годи. – Москва: Искусство, 1989. – 304 с.

202. Тит Ливий. История Рима от основания города. В 3 т. Т. 2 / Тит Ливий; пер. с лат. Ф. Ф. Зелинского, М. Е. Сергеевко. – Москва: Наука, 1994. – 521 с.

203. Тойнби, А. Дж. Исследование истории: В 3 т. Т. 1 / А. Дж. Тойнби; пер. с англ., вступ. статьи и коммент. К. Я. Кожурина. – Санкт-Петербург: Издательство Санкт-Петербургского университета: Издательство Олега Абышко, 2006. – 408 с.

204. Токарев, С. А. Религия в истории народов мира / С. А. Токарев. – изд. 3-е, испр. и доп. – Москва: Политиздат, 1976. – 575 с.

205. Туманс, Х. Сколько патриотизмов было в Древней Греции? // *Studia historica*. – 2012. – № 12. – С. 3–32.

206. Уайтхед, А. Избранные работы по философии / Альфред Уайтхед; пер. с англ., сост. И. Т. Касавин. – Москва: Прогресс, 1990. – 718 с.

207. Федеральный закон от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» (в редакции от 21.12.2021) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: Федеральный закон "Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации" от 25.06.2002 N 73-ФЗ (последняя редакция) / КонсультантПлюс (consultant.ru) (Дата обращения: 20.03.2022).

208. Федотова, Н. Г. Культурная память города: концептуальный анализ // Учёные записки Новгородского государственного университета имени Ярослава Мудрого. – 2018. – № 3 (15) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://www.novsu.ru/file/1450165> (Дата обращения: 20.03.2022).

209. Флавий Филострат. Жизнь Аполлония Тианского / Флавий Филострат; пер. с древнегреч. Е. Г. Рабинович. – Москва: Наука, 1985. – 328 с.

210. Флиер, А. Я. О природе культурного символа // Вестник Московского государственного университета культуры и искусств. – 2016. – № 1 (69). – С. 51–57.

211. Фокеева, Е. В. Особенности иконографии и стиля античных герм-полуфигур // Вестник Российского государственного гуманитарного

университета. Литературоведение. Языкознание. Культурология. – 2019. – № 1. – С. 39–45.

212. Фролов, Э. Д. Огни Диоскуров: Античные теории переустройства общества и государства. [О Сократе, Ксенофоне, Исократе] / Э. Д. Фролов. – Ленинград: Издательство Ленинградского государственного университета, 1984. – 193 с.

213. Фролов, Э. Д. Рождение греческого полиса / Э. Д. Фролов. – Ленинград: Издательство Ленинградского университета, 1988. – 232 с.

214. Фукидид. История / Фукидид; пер. с древнегреч. Г. А. Стратановского, А. А. Нейхарда, Я. М. Боровского. – Ленинград: Наука, 1981. – 543 с.

215. Фуртай, Ф. «Мужество» как путь к бессмертию: к проблеме визуализации архетипа мужества в античной скульптуре времён классики // Международный журнал исследований культуры. – 2016. – № 1 (22). – С. 178–188.

216. Халимбекова, М. Х. Феномен патриотизма: философско-культурологический дискурс: дис. ...канд. филос. наук / М. Х. Халимбекова. – Астрахань, 2012. – 179 с.

217. Хальбвакс, М. Коллективная и историческая память // Неприкосновенный запас. – 2005. – № 2–3. – С. 8–27 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: URL: <https://magazines.gorky.media/nz/2005/2/kollektivnaya-i-istoricheskaya-pamyat.html> (Дата обращения: 20.03.2022).

218. Ханиотис, А. Война в эллинистическом мире. Социальная и культурная история / Ангелос Ханиотис; пер. с англ. А. В. Махлаюка; науч. ред. О. Л. Габелко. – Санкт-Петербург: Нестор-История, 2013. – 432 с.

219. Харитон. Повесть о любви Херея и Каллирои / Харитон; пер. с древнегреч. И. И. Толстого. – Ленинград: Ленинградское отделение Издательства Академии наук СССР, 1959. – 200 с.

220. Хаттон, П. История как искусство памяти / Патрик Хаттон; пер. с англ. В. Ю. Быстрова. – Санкт-Петербург: Владимир Даль, 2003. – 424 с.

221. Хафнер, Г. Выдающиеся портреты античности. 337 портретов в слове

и образе / Герман Хафнер; пер. с нем. В. А. Сеферьянц. – Москва: Прогресс, 1984. – 311 с.

222. Хомяков, А. И. Архитектура истории: истоки мемориально-музейных комплексов (часть 1) // Академический вестник УралНИИпроект РААСН. – 2017. – № 2 (33). – С. 54–59.

223. Хомяков, А. И. Архитектура монументов: социально-культурный вектор // Вестник Белгородского государственного технологического университета им. В. Г. Шухова. – 2020. – № 1. – С. 26–31.

224. Храпунов, И. Н. Древняя история Крыма / И. Н. Храпунов. – Симферополь: ДОЛЯ, 2005. – 272 с.

225. Царинный, И. В. Постамент в городской монументальной культуре // Архитектура и дизайн. – 2017. – № 4. – С. 22–30.

226. Целлер, Э. Очерк истории греческой философии / Эдуард Целлер; пер. с нем. С. Л. Франка, примечания М. А. Солоповой. – Киев: Канон, 1996. – 336 с.

227. Чаплыгин, А. И. Символическая реальность современной войны: культурфилософский анализ: автореф. дис. ...канд. философ. наук / А. И. Чаплыгин. – Ставрополь, 2009. – 21 с.

228. Шафоростов, А. И. История формирования представлений о реальности. Шаг второй: судьба и случайность в античной мысли классического периода // Известия Лаборатории древних технологий. – 2020. – № 1 (16). – С. 151–160.

229. Шахермайр, Ф. Александр Македонский / Фридрих Шахермайр; пер. с нем. М. Н. Ботвинника и Б. Функа. – Москва: Наука, 1984. – 384 с.

230. Шевченко, Т. М. Релігійний світогляд населення античного Херсонеса / Т. М. Шевченко. – Київ: Інститут археології Національної академії наук України, 2011. – 512 с.

231. Шестова, Т. Л. Античные истоки современного космополитизма // Век глобализации. – 2019. – № 3. – С. 108–122.

232. Шифман, И. Ш. Александр Македонский / И. Ш. Шифман. –

Ленинград: Наука, 1988. – 208 с.

233. Шпенглер, О. Закат Европы / Освальд Шпенглер; пер. с нем. Н. Ф. Гарелина. – Новосибирск: Наука, 1993. – 592 с.

234. Шуб, М. Л. Анализ культурно-исторической динамики образов прошлого: от архаики до Ренессанса // Челябинский гуманитарий. – 2020. – № 4 (53). – С. 16–22.

235. Шуб, М. Л. Культурная память: сущностные особенности и социокультурные практики бытования: моногр. / М. Л. Шуб. – Челябинск: Издательство Челябинского государственного института культуры, 2018. – 303 с.

236. Шуб, М. Л. Образ прошлого как феномен культуры: концептуализация и формы репрезентации в современном социокультурном пространстве: дис. ...доктора культурологии / М. Л. Шуб. – Челябинск, 2018. – 491 с.

237. Шуб, М. Л. Теоретико-методологические основания культурологического подхода к осмыслению прошлого // Вестник культуры и искусств. – 2017. – № 3 (51). – С. 61–67.

238. Шуб, М. Л. Функции культурной памяти // Вестник культуры и искусств. – 2016. – № 4 (48). – С. 71–76.

239. Шухободский, А. Б. Памятник истории и культуры как специфический вид культурной ценности // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2009. – № 97. – С. 356–365.

240. Элиаде, М. Аспекты мифа / Мирча Элиаде; пер. с франц. В.П. Большакова. – 4-е изд. – Москва: Академический Проект, 2010. – 251 с.

241. Элиан. Пестрые рассказы / Элиан; пер. с древнегреч. С. В. Поляковой. – Москва – Ленинград: Наука, 1964. – 184 с.

242. Элий, Аристид. Надгробные речи. Монодии / Элий Аристид; под ред. С. И. Межеричкой. – Москва: Ладомир, Наука, 2017. – 432 с.

243. Эсхил. Трагедии / Эсхил; пер. с древнегреч. С. К. Апта. – Москва:

Художественная литература, 1971. – 343 с.

244. Эткинд, А. Кривое горе: Память о непогребенных / Александр Эткинд; пер. с англ. В. А. Макарова. – Москва: Новое литературное обозрение, 2016. – 328 с.

245. Ярхо, В. Н. Древнегреческая литература. Комедия: Греческая и греко-римская комедия / В. Н. Ярхо. – Москва: Лабиринт, 2002. – 256 с.

246. Azoulay, V. Pericles of Athens / V. Azoulay; transl. from French by J. Lloyd. – Princeton; Oxford: Princeton University Press Publ., 2014. – 294 p.

247. Boardman, J. Greek Sculpture: The Classical Period. A Handbook / J. Boardman. – London: Thames and Hudson Publ., 1985. – 252 p.

248. Bott, S., Cantrill, J. G., Myers, O. E., jr. Place and the Promise of Conservation Psychology. *Human Ecology Review*. – 2003. – Vol. 10. – No. 2. – P. 100–112.

249. Broneer, O. The Lion Monument at Amphipolis // *American School of Classical Studies at Athens*. – 1941. – Vol. 102. – P. 65–76.

250. Burkert, M. Greek Religion: Archaic and Classical. – Oxford: Basil Blackwell Publ., 1985. – 483 p.

251. Cawkwell, G. Philip of Macedon. / G. Cawkwell. – Boston: Faber & Faber Publ., 1978. – 215 p.

252. Confino, A. Collective Memory and Cultural History: Problems of Method // *The American Historical Review*. – 1997. – Vol. 102. – P. 1386–1403.

253. Cornell, T. J. War and games / ed. by T. J. Cornell & T. B. Allen. – San Marino: Center for Interdisciplinary Research on Social Stress; Woodbridge (Suffolk); Boydell Press Publ., 2002. – 331 p.

254. Durkheim, E. Les formes élémentaires de la vie religieuse / E. Durkheim. – Paris: Presses Universitaires de France, 1990. – 390 p.

255. Erll, A. Memory in Culture / A. Erll. – London: Palgrave Macmillan Publ., 2011. – 209 p.

256. Garland, R. The Greek Way of Death / Robert Garland. – New York: Cornell University Press Publ., 2001. – 198 p.

257. Habicht, C. *Gottmenschen und griechische Städte (Zet.14)* / C. Habicht. – Munich, 1970. – 290 s.

258. Hölsher, T. *Ideal und Wirklichkeit in der Bildnisse Alexanders des Grossen.* / T. Hölsher. – Heidelberg: *Abhandlungen Geidelberger Akademie der Wissenschaften, Phililgosh-Historische Klasse*, 1971. – S. 9–60.

259. Hyde, W. W. *Olympic Victor Monuments and Greek Athletic Art* / Walter Woodburn Hyde. – Washington D. C.: *Carnegie Institution of Washington Publ.*, 1921. – 406 p.

260. James, E. Young. *The Texture of Memory: Holocaust Memorials and Meaning* / E. Young James. – New Haven: *Yale University Press Publ.*, 1993. – 398 p.

261. Kurtz, D. C., Boardman J. *Greek Burial Customs Aspects of Greek and Roman Life* / D. C. Kurtz, J. Boardman. General editor: H. H. Scullard. – London: *Thames and Hudson Publ.*, 1971. – 384 p.

262. Liddel, H. G., Scott, R. *A Greek-English Lexicon* / H. G. Liddel, R. Scott. – Oxford: *University Press Publ.*, 1896. – 2436 p.

263. Ma, J. *Chaironeia 338: Topographies of Commemoration* // *The Journal of Hellenic Studies*. – 2008. – Vol. 128. – P. 72–91.

264. Meyer, E. *Memory and Politics* // Erll A., Nun-ning A. (eds.) *Cultural Memory Studies: An International and Interdisciplinary Handbook*. – Berlin: *de Gruyter Publ.*, 2008. – P. 173–181.

265. Olwig, Kenneth R. *'Natural' Landscapes in the Representation of National Identity* // *The Ashgate Research Companion to Heritage and Identity* / edited by Brian Graham and Peter Howard. – Burlington: *Ashgate Publishing Company*, 2008. – P. 73–88.

266. Podlecki, A. J. *Perikles and His Circle* / A. J. Podlecki. – London: *Routledge Publ.*, 1998. – 253 p.

267. Pollitt, J. J. *Art in the Hellenistic Age* / J. J. Pollitt. – Cambridge: *Cambridge University Press Publ.*, 1995. – P. 19–34.

268. Prithard, D. M. *Sport, War and Democracy in Classical Athens* // *Sport in the Cultures of Ancient World* / ed. by Z. Papakonstantinou. – Cambridge: *Cambridge*

University Press Publ., 2012. – P. 64–98.

269. Rhodes, P. J. *A History of the Classical Greek World: 478–323 BC* / P. J. Rhodes. – Oxford: Blackwell Publ., 2006. – 407 p.

270. Rice, E. *The Glorious Dead: Commemoration of the Fallen and Portrayal of Victory of the Late Classical and Hellenic World* / E. Rice // *War and Society in the Greek World* / Ed. by J. Rich G. Shibly. – London; New York: Routledge Publ., 1993. – P. 224–257.

271. Rufi, Q. Curtii. *De gestis Alexandri Magni regis Macedonum* / Q. Curtii Rufi. – Lipsae, 1871. – 295 f.

272. Sacks, D. *Encyclopedia of the Ancient Greek World* / D. Sacks; revised by Lisa R. Brody. – New York: Facts on File, Inc. Publ., 2005. – 413 p.

273. Šiljak, V. *Syncretism of Agon, Athleticism and War in Ancient Greece* // *Physical Education and Sport through the Centuries*. – Belgrade, 2014. – P. 90–99.

273. Spivey, N. *The Ancient Olympics* / N. Spivey. – Oxford: Oxford University Press Publ., 2004. – 304 p.

275. Stedman, R. C. *Sense of Place and Forest Science: Toward a Program of Quantitative Research* // *Forest Science*. – 2003. – Vol. 49. – No. 6. – P. 882–889.

276. Stewart, A. *Faces of Power. Alexander's Image and Hellenistic Politics* / A. Stewart. – Berkeley; Los Angeles: University of California Press Publ., 1993. – 507 p.

277. Tracy, St. V. *Pericles: A Sourcebook and Reader*. – Berkeley; Los Angeles; London: University of California Press Publ., 2009. – 221 p.

278. Yampolsky, M. *In the Shadow of Monuments* // Condee N. (ed.). *Soviet Hieroglyphics: Visual Culture in Late Twentieth-Century Russia*. – Bloomington: Indiana University Press Publ., 1995. – P. 93–112.